

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 5

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 5

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENIKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, St. Petersburg State Institute of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Смирнова Е. А.	
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		Сложное будущее время в «простомовных» памятниках XVI века	66
Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г.		Улитова А. С.	
Гадать – ворожить: о некоторых лексемах магического содержания в вепсских диалектах (семантико-этимологический и лингвогеографический аспекты)	8	Об атрибутивных словосочетаниях в «Известе старца Варлаама» и крестоцеловальных грамотах Василия Шуйского	71
Лелис Е. И.		ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Пунктуация художественного текста как компонент его лингвостилистической системы (на материале романа Г. Яхиной «Дети мои»)	15	Папкова Е. А.	
Грунченко О. М.		Всеволод Иванов и его «Серапионовы братья».	77
Стилистическое описание лексики предметной области «Информатика. Вычислительная техника. Информационные технологии» в толковом словаре	22	Черняева Н. Г.	
Лебедев А. А.		«Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» Вен. Ерофеева: паратекст ⇌ текст.	83
Анализ последовательностей частей речи и категория идиостиля	29	Белоусова Е. В.	
Муратова Р. Т.		Евангельские мотивы в творчестве Н. Н. Толстого.	95
Особенности употребления цветообозначающей лексики в древнетюркских письменных источниках	35	Мешкова К. Н.	
ВТОРЫЕ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ		О генезисе образа шута в повести О. М. Сомова «Гайдамак»	103
Галкина Н. П.		Яшина К. И.	
Функционирование целевого союза <i>дабы</i> в публицистике XX–XXI веков: исторический и коммуникативный аспекты	42	Север и юг в поэзии Беллы Ахмадулиной	109
Ополовникова М. В., Кокурина И. В.		Рецензии	
Функции логических частиц в креолизованном тексте (на материале современной карикатуры).	48	Пересадин Н. А.	
Русанова С. В.		Рец. на кн.: Лойтер С. М. От Пудожя до Парижа: избранное: эссе, очерки, статьи.	116
Наименования документов в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века	58	Юбилей	
		К 60-летию со дня рождения И. А. Кюршуновой	118
		Лойтер С. М.	
		К 100-летию со дня рождения И. П. Лупановой	119
		Память	
		Памяти Ю. И. Дюжева	122
		Памяти Л. В. Савельевой	123
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.06.2021. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 98

18+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики
и лингвистической поэтики
Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Л. Л. Шестакова

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Очередной номер журнала выходит в июне, после прошедшей в Петрозаводске Национальной научной конференции с международным участием «Вторые Фортунатовские чтения в Карелии». Конференция, организованная кафедрой русского языка Института филологии ПетрГУ, была посвящена творческому наследию Филиппа Федоровича Фортунатова (1848–1914) – выдающегося отечественного языковеда, жизнь и деятельность которого неразрывно связаны с Карельским краем. В этом научном форуме приняли участие более 100 российских и зарубежных ученых. На пленарных и секционных заседаниях прозвучали доклады о Ф. Ф. Фортунатове и созданной им Московской лингвистической школе, сообщения по актуальным и дискуссионным проблемам сравнительного и типологического языкознания, истории русского литературного языка, орфоэпии, словообразования, морфологии и синтаксиса, лексикологии, лексикографии и др. Статьи, написанные на основе некоторых докладов, уже представлены в этом номере журнала. Преимущественно грамматические по своей тематике, они освещают широкий спектр вопросов – от особенностей функционирования союза *дабы* в публицистике XX–XXI веков до сложного будущего времени в «простомовных» памятниках XVI века. Интерес у читателей вызовут, полагаем, и другие лингвистические работы, посвященные, например, таким разным проблемам, как стилистическое описание терминов информатики в современном толковом словаре и особенности употребления цветообозначений в древнетюркских письменных источниках.

Авторы статей, вошедших в раздел «Литературоведение», обращаются к творчеству отечественных писателей разных эпох. Открывает раздел публикация о Всеволоде Иванове, одном из членов известного объединения «Серапионовы братья». Далее читатель может познакомиться с интерпретацией единственного завершеного драматического произведения Венедикта Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора», с анализом евангельских мотивов в творчестве Н. Н. Толстого и образа шута в повести Ореста Сомова «Гайдамак». Завершает литературоведческую часть этого номера оригинальная статья о севере и юге в поэзии Беллы Ахмадулиной.

Рубрика «Юбилеи» посвящена 60-летию доктора филологических наук И. А. Кюршуновой и 100-летию со дня рождения профессора И. П. Лупановой, чья профессиональная деятельность была связана с ПетрГУ.

Завершается данный номер рубрикой «Память», посвященной недавно ушедшим докторам филологических наук Ю. И. Дюжеву и Л. В. Савельевой.

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЖУКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет;
младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9527-798; olgazhukovaveps@mail.ru

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8335-2137; zng@ro.ru

**ГАДАТЬ – ВОРОЖИТЬ: О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМАХ МАГИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ В ВЕПССКИХ ДИАЛЕКТАХ
(семантико-этимологический и лингвогеографический аспекты)**

А н н о т а ц и я . Рассматриваются вепскоязычные именованные магического действия со значением ‘гадать, ворожить’, а также термины, именующие лиц, производящих эти действия, ‘колдун, гадалка, ворожея’. Целью исследования является выявление семантических, этимологических и лингвогеографических особенностей указанной лексики. Подобный лексический анализ представляет особую важность, поскольку отсылает к элементам духовной культуры народа. Проведенное семантико-этимологическое изыскание свидетельствует, что значение понятий совпадает у вепсов и близкородственных народов. Изучаемая лексика имеет с этимологической позиции отпечаток праприбалтийско-финского времени, поскольку ее соответствия зафиксированы и в родственных языках (*arboida*, *noid*, *tedai*). Часть рассматриваемых терминов представленной семантической группы заимствована из диалектов русского языка, что свидетельствует о взаимовлиянии и тесной связи этих языков (*gadaida*, *koudun*). Отдельные термины, например *babu* ‘боб’ и *boba ~ bobaine*, могли пройти даже два этапа заимствования, о чем свидетельствует анализируемый в статье глагол *bobita* ‘гадать на бобах’, связанный с обеими указанными лексемами.

Ключевые слова: вепский язык, ареальная лингвистика, лексика, семантика, этимология, языковые контакты

Благодарности . Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН. Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в технической подготовке лингвистических карт главному специалисту по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой.

Для цитирования: Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г. Гадать – ворожить: о некоторых лексемах магического содержания в вепских диалектах (семантико-этимологический и лингвогеографический аспекты) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.630

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 году увидел свет «Лингвистический атлас вепского языка» [6], лексический раздел которого, сопровождаемый комментариями как языкового, так и этноисторического характера, позволил наряду с ареальным, этимологическим анализом углубиться через лексику и в ду-

ховную культуру вепского народа. Последняя исторически была тесно связана с мифологией, что нашло непосредственное отражение и в номинации. Отметим, что эта связь была настолько прочной, что в отдельных случаях из лексикона вытеснялись нейтральные наименования различных животных, предметов, явлений и т. д.

Так, змею южные вепсы называют *ujelii* букв. ‘ползающая; плавающая’ [6: 206–209] при наличии в иных диалектах лексем *kii* и *mado* ‘змея’, волка – *händikaz* букв. ‘хвостатый’, даже паук в некоторых вепсских ареалах стал мифологическим существом, хранителем домашних традиций, приносящим в дом различные «новости». Он получил в восточновепсском ареале (белозерские вепсы) метафорическое именование *kalanik* букв. ‘рыбак, рыболов’, очевидно, из-за сетей, которые он расставляет и которые называются, как и обычные рыболовные сети, *verkod* [6: 204–205].

Вепсы одними из первых в прибалтийско-финском мире приняли православие [1: 461], [8: 58], заимствовав при этом в родной язык и значительное количество соответствующей русской терминологии [5: 121–134]. В то же время

у вепсов был хорошо развит институт колдовства и знахарства. Связанные с этой тематикой сведения представляют собой важнейшие фрагменты духовной культуры народа.

В данной статье мы обратились к некоторым лексемам – наименованиям магического действия, отраженным в глагольной лексике (*гадать*, *ворожить*), а также наименованиям самих мастеров магического действия (*колдун*, *ворожея*, *гадалка*). Прежде всего отметим, что в вепсском языке выделяются три диалектных ареала – северновепсский, или прионежский, средневепсский и южновепсский (рис. 1). Наименования диалектов указывают на реальное расположение диалектных ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) на юго-западном побережье Онежского озера, средний –

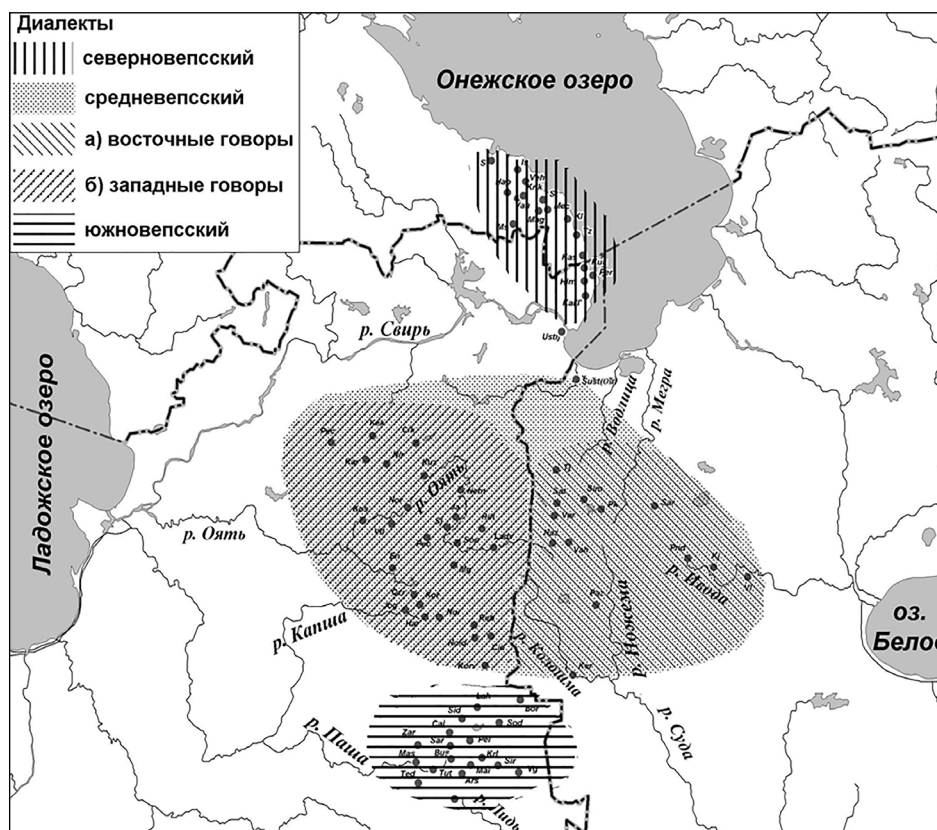

Рис. 1. Расположение нынешних вепсских территорий и диалектов вепсского языка [6: 9]

Figure 1. Location of current Veps territories and the Veps language dialects [6: 9]

в бассейне р. Свири (западные говоры), на Онежско-Белозерском водоразделе (восточные, или белозерские говоры), южный – на р. Лиди в верховьях Волжского бассейна [4: 14–15]. Опора на диалектные ареалы при исследовании проблем лексики ценна тем, что помогает объяснять многие языковые моменты, их синонимию, развитие значений и т. д.

НАИМЕНОВАНИЯ МАГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ (*гадать*, *ворожить*)

Исконно вепсская лексема *arboida* ‘бросать жребий; гадать, ворожить’ и ее варианты сохранились спорадически во всех вепсских диалектных ареалах. Этимологи возводят ее к прибалтийско-финскому этимологическому гнезду *arpa*¹. SSA высказывает предположение

о возможном германском происхождении данной лексемы в прибалтийско-финских языках², которая в языке-источнике обладала первоначальным значением ‘наследство’.

Данное значение объясняют тем, что в прежние времена дела наследования часто решались именно жребием³.

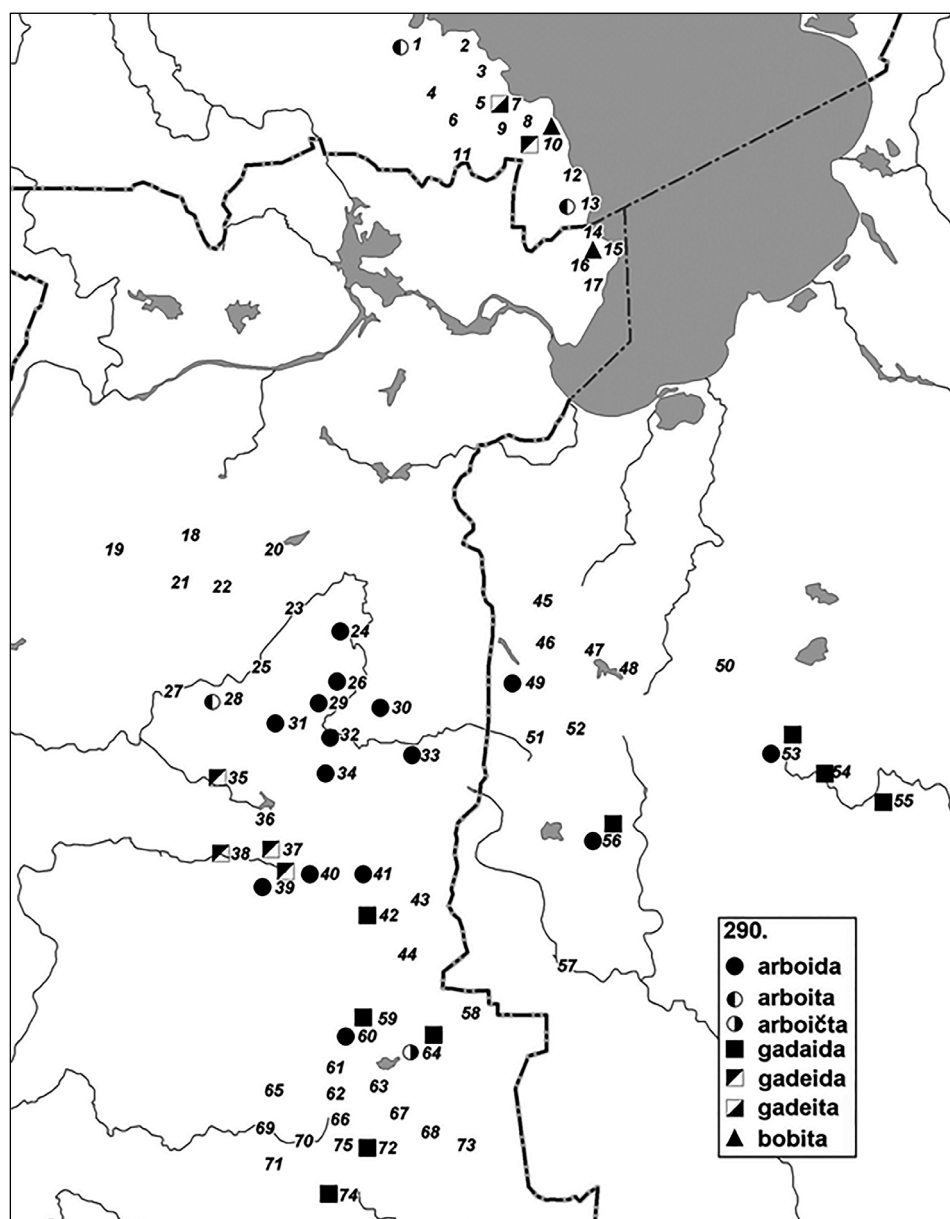

Рис. 2. Наименования магического действия

Figure 2. Names of magical actions

Впоследствии в языках возникли глаголы типа вепсского *arboida*. Глагол известен средневепсскому и южновепсскому диалектам. Его гласная основа в этом случае совпадает с той частью слова, которая находится перед суффиксом I инфинитива *-da* (*arboi-b* ‘(он) гадает’). В северновепсском диалекте зафиксирован фонетический вариант *arboita*, где глагол маркируется иным вариантом суффикса I инфинитива (*-ta*), свидетельствующим также и об ином типе гласной основы

на *-če*: *arboičeb*. Зафиксированная в южновепсском п. Сидорово (Sod) форма *arboičta* объясняет, каким образом шло развитие формы I инфинитива глагола: *arboičta* > *arboita* > *arboida*. Усечение в основе звука *č* привело к озвончению показателя I инфинитива (*-ta* > *-da*), что в целом не является закономерным (ср. глаголы *valita* ‘выбирать’, *sebata* ‘обнимать’ и т. д.), а также переходу глагола из разряда двухосновных в разряд одноосновных [3: 31–32]. На южновепсской почве

образовался даже глагол с каузативным значением *arboozootta* ‘подвергать кого-либо действию ворожбы’: *kooz rištan lāžui lehm, arboozootiba* ‘когда долго болела корова, ворожили’⁴.

В северновепсском ареале⁵ обнаруживается также лексема *bobita* в более конкретном значении ‘гадать на камешках’. Глаголом *bobita* именовали один из видов гадания, при котором на столе раскладывались камешки. Соответственно камешки для гадания называли существительным *bobad* (или *bobaižed*). Вепсы использовали иногда вместо бобов камешки или кусочки картофеля, число которых было 40 или 41. В процессе гадания ворожея делила камешки на кучки, затем брала, отсчитывала, перемещала, в результате получала положительный или отрицательный ответ в зависимости от расклада камешков [2: 98–100].

Этнологи относят этот вид гаданий к широко распространенной в Восточной Европе традиции ‘гадания на бобах’, усматривая происхождение вепсского существительного *bobad*, а также возникшего на его основе глагола *bobita* от русской лексемы ‘бобы’ [2: 98]. С лингвистической же точки зрения в этом случае не все так однозначно. Мы полагаем, что здесь речь может идти о разновременном двойном заимствовании из русского языка. В вепсском языке, так же как карельском и финском, существует лексема *babu* ‘боб’, у которой отмечается древнее славянское происхождение⁶. Названная лексема и сейчас звучит в вепсских диалектах именно подобным образом, обладая несколько иным значением: *babu* ‘ломтик сушеной репы, брюквы или картофеля’⁷. Лексема же *bobaine* в современном вепсском языке имеет значение ‘игрушка’. Она представлена и в электронном ресурсе, составленном по материалам Лаури Кеттунена – известного исследователя вепсского языка из Финляндии, собиравшего материал в первой половине XX века (*boba, bobaine*)⁸. В карельском языке *boba, bobaine* также ‘игрушка’⁹. В говорах русского языка *боба* – детская игрушка¹⁰. В СРНГ, кроме того, находим любопытную деталь: *бобочка* – ‘каменная игрушка’, лексема, зафиксированная в бывших северорусских уездах¹¹. А. Е. Аникин в «Этимологическом словаре русского языка» все эти лексемы называет дериватами с разными суффиксами от основы *боб-*, рассматривая и вепсский глагол *bobita* «в связи с фразеологией, касающейся гадания на бобах...»¹². Думается, что вепсский глагол *bobita* образовался не непосредственно из русской лексемы *боб*, которая в вепсском звучала как *babu*, а уже именно из позднее пришедшей из русских

диалектов лексемы *бобки* ‘игрушки’ (< рус. *боб*). Вполне возможно, что в этом случае повлияла и контаминация, и само явление «гадания на бобах». Любопытно, что в русском языке подобный глагол типа вепсского *bobita* не возник, и в нем используется словосочетание «гадать на бобах», в то время как вепсский создал собственный самостоятельный глагол.

Следует отметить, что лексема *bobaižed* фиксировалась этнологами в контексте традиционных способов лечения. Так называли вылепленные из теста кусочки, использовавшиеся в качестве «предсказательных элементов» в процессе избавления от недуга посредством заговаривания [9: 203]. На наш взгляд, это подчеркивает некую схожесть гадательных и лечебных практик как магических действий.

Наряду с исконными лексемами довольно широко используется и заимствованный из русского языка глагол *gadaida / gadeida* < рус. *гадать*.

НАИМЕНОВАНИЯ МАСТЕРОВ МАГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ (*колдун, гадалка, ворожея*)

Мастера магического действия в вепсских диалектах часто именуются лексемой *arboi* или *arboičii* (< *arboida; arboičta* ‘гадать, ворожить’), которая является причастием презенса: букв. ‘гадающий; ворожащий’. Данное наименование, как свидетельствует лингвистическая карта (рис. 3), является средне- и южновепсским, употребляясь достаточно широко, так же как и глагол, о котором речь шла выше. В западно-вепсском п. Ладва (Ladv) зафиксирован вариант термина *arbnik*. Существительное образовано с использованием суффикса *-nik*, указывающего на лицо, выполняющее действие, выраженное коренным словом. Единично отмеченная лексема, являющаяся более поздним образованием в сравнении со словом *arboi*, не попала изначально в поле зрения собирателей материала для атласа, тем не менее представляется общепонятной в силу продуктивности суффикса.

О существовании у северных чудских народов жрецов, именующихся «карбуй», упоминается еще в «Повести временных лет» [7: 244], что указывает на семантическую основу термина, сохранившуюся до наших дней.

Глагол *bobita* в значении ‘гадать на камешках’ также стал производным для наименования лица, выполняющего магическое действие, *bobičii* ‘ворожея’. Термин характерен для северновепсского диалекта: *bobičii ottab bobaižed kådehe, nel’küme bobašt* ‘ворожея возьмет в руки камешки, сорок камешков’¹³.

В качестве термина «колдун» употребительно, как и в предыдущих случаях, субстантивированное причастие *tedai* «знающий» < *teta* «знать, уметь», известное во всех диалектах вепсского языка¹⁴. В научной литературе высказывается мысль о том, что данный глагол является чуть ли не уральским наследием [2: 308]. Тем не менее, как свидетельствуют этимологические словари, глагол по происхождению не настолько древен. Например, К. Хяккинен пишет, что глагол является прибалтийско-финским и у него «соответствий из дальнородственных языков указать невозможно»¹⁵. Одно из предположений связывает глагол *tietää* с существительным *tie* «дорога, путь»¹⁶. Среди значений глагола в словарях указа-

но в том числе и «предсказывать». Очевидно, подобное значение могло стать отголоском от связи с существительным *tie* «дорога», которую указывали, по которой предсказывали, как пойти дальше и что будет и т. д. Несмотря на то что глагол *teta* употребляется в вепсском языке намного шире, нежели *arboida*, отглагольное существительное *tedai* (так же причастие презенса, как и *arboi*) распространено в значении «знахарь» более скромно¹⁷, о чем свидетельствует и лингвистическая карта (см. рис. 3). Очевидно, глагол *teta*, исключительно широко вовлеченный в языке вепсов в сферу обыденной речи, утратил свою мифологическую подоплеку, оставив ее в современном языке недостаточно востребованной.

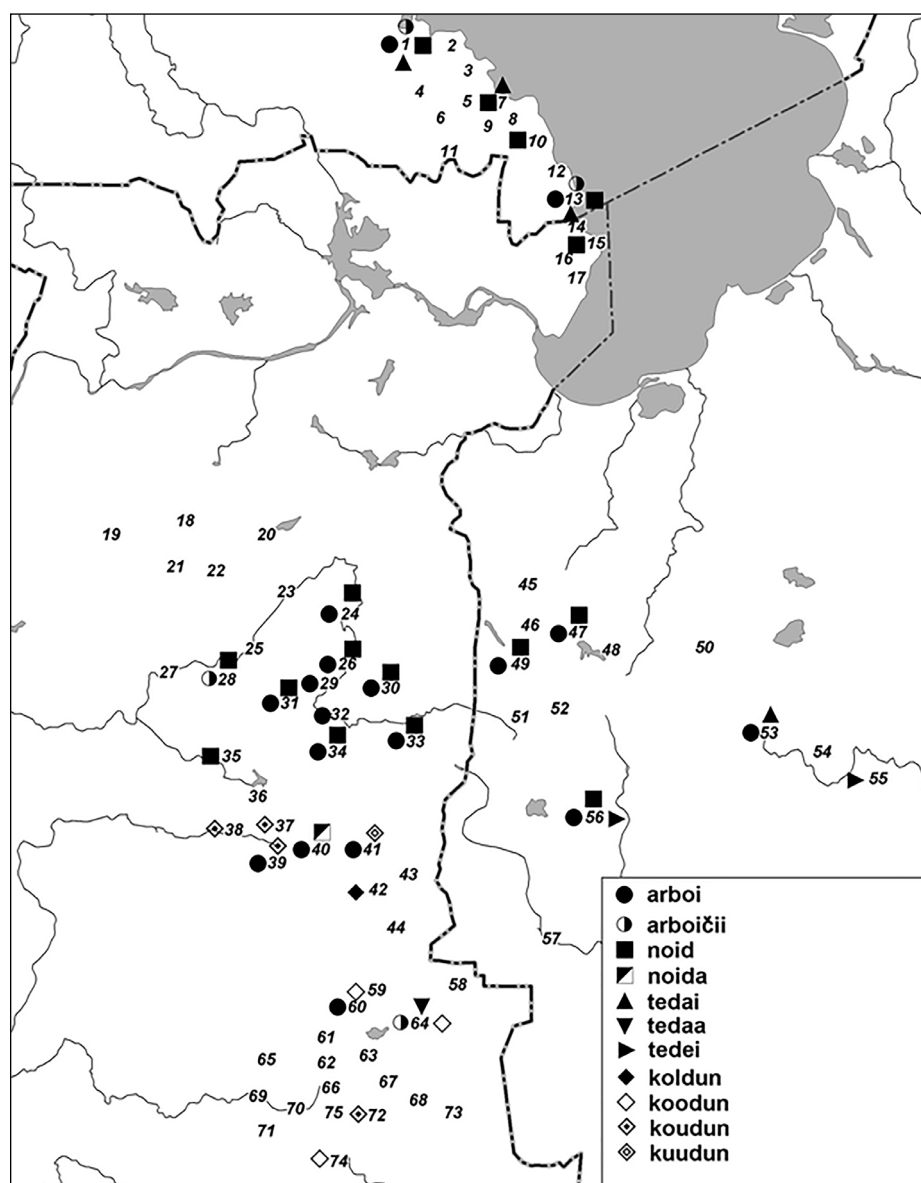

Рис. 3. Наименования мастеров магического действия

Figure 3. Names of magical masters

Основную нагрузку по передаче значения ‘колдун, знахарь’ несет лексема *noid*, представленная практически повсеместно в языке северных и средних вепсов. У данного слова действительно отмечается древнее финно-угорское происхождение¹⁸. Лексема *noid* является первичной к глаголу, который по-вепски звучит как *noiduida* ‘колдовать, заговаривать’. И существительное, и глагол принадлежат сфере мифологии. В работах этимологов указывается, что первоначально *noid* не обозначал никакого сказочного или мифического существа, а просто указывал на уважаемую, высоко ценимую профессиональную личность, шамана или знатока¹⁹. Специалисты по вепсской этнографии пишут, что у вепсов *noid* – это человек, обладающий «комплексом тайных знаний, способностью вступать в контакт с представителями потустороннего мира, умеющего делать как добро, так и зло с помощью магических действий и слов» [2: 308]. В сферу его функций «входили и такие магические действия, как гадание» [2: 311].

Независимо от наличия собственных лексем для наименования фигуры колдуна, знахаря, южные вепсы и пограничные с ними группы переходных средневепсских говоров заимствовали из русского языка и широко применяли в своей речи заимствование *koudun* / *kuudun* < рус. колдун, в котором на почве вепсского языка русский твердый согласный звук *l* часто переходит в неслоговой *u*, обозначаемый в вепсском буквой *u*. Заимствование свидетельствует о контактировании языков и в этой деликатной с точки зрения общения области.

ВЫВОДЫ

Наименования данных, связанных с магическо-мифологическим осмыслением, понятий

и именований как самих действий, так и мастеров действия сейчас не настолько широко распространены в среде вепсов, их присутствие на вепсской территории ощущается и в настоящее время, что говорит об исключительной важности этого слоя лексики с точки зрения истории развития духовной культуры народа. В основном семантика терминов и явлений совпадает у вепсов и родственных народов, которая, по всей вероятности, имеет с этимологической точки зрения отпечаток праприбалтийско-финского времени, поскольку ее соответствия или сходства имеются и в родственных языках. Наличие в языке синонимов объясняется или диалектными разновидностями (*tedai*, *arboi*, *bobičii*), где исторически были возможны некоторые различия в значениях, или объединением разных функций у одного, наделенного умением, мастера (*arboi* ‘ворожея’, *bobičii* ‘ворожея’, *tedai* ‘колдун, знахарь, ворожея’). Семантика лексем размывается с течением времени с уходом из повседневности самого института ворожения. Заимствования из русских диалектов дополнили синонимические ряды (*koldun* ~ *koodun*; *gadaida*), чаще всего не конкретизируя какой-то вепсскоязычный термин, а заменяя собою два-три термина, как это представляют, например, функционирующие в вепсском языке лексемы *koldun* ~ *koodun* ‘колдун’, *gadaida* ‘гадать’. Заимствования из диалектов русского языка свидетельствуют о тесной связи народов. Отдельные термины, например *babu* ‘боб’ и *boba* ~ *bobaine*, могли пройти даже два этапа заимствования. Об этом свидетельствует анализируемый в статье глагол *bobita* ‘гадать на бобах’.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. In 7 vols. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. 2294 p.
- ² Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. In 3 vols. Jyväskylä: SKS, 1992–2000. 1459 p.
- ³ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WSOY, 2007. 1633 p.
- ⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. С. 33.
- ⁵ Там же. С. 45.
- ⁶ Suomen sanojen alkuperä.
- ⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 39.
- ⁸ Vepsän verkkosanasto [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (дата обращения 23.04.2020).
- ⁹ Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. 496 с.
- ¹⁰ Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 3. С. 35.
- ¹¹ Там же. С. 38.
- ¹² Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Проект. М., 2007. С. 367.
- ¹³ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 45.
- ¹⁴ Там же. С. 564.
- ¹⁵ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja.
- ¹⁶ Suomen sanojen alkuperä.
- ¹⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 564.
- ¹⁸ Suomen sanojen alkuperä.
- ¹⁹ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Вепсская мифология // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 461–477.

2. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 522 с.
3. Зайцева Н. Г. Вепсский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2001. 286 с.
4. Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2016. 394 с.
5. Зайцева Н. Г. Христианская терминология в контексте вепсской лингвистики: вепсское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты) // Язык и культура. № 48. Томск, 2019. С. 121–134. DOI: 10.17223/19996195/48/8
6. Лингвистический атлас вепсского языка / Под ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор – История, 2019. 573 с.
7. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
8. Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск, 2016. 199 с.
9. Heikkinen K. Metsänpelko ja tietäjänaiset. Vepsäläisnaisten uskonto Venäjällä. Helsinki: SKS, 2006. 276 s.

Поступила в редакцию 14.04.2021; принята к публикации 31.05.2021

Original article

Olga Yu. Zhukova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9527-798; olgazhukovaveps@mail.ru

Nina G. Zaitseva, Dr. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8335-2137; zng@ro.ru

TO TELL FORTUNES AND TO CONJURE: SOME LEXEMES WITH MAGICAL MEANING IN VEPS DIALECTS (semantic, etymological and linguo-geographical aspects)

Abstract. The article addresses the Veps words describing magical actions with the meaning “to guess, to conjure”, as well as the names for people who perform these actions – “sorcerer, fortune-teller, conjurer”. The aim of the study is to identify the semantic, etymological and linguo-geographical features of the analyzed vocabulary. Such analysis is of particular importance, since it refers to the elements of the spiritual culture of the Veps people. The conducted semantic and etymological analysis shows that the meaning of the studied Veps concepts coincides with the corresponding concepts of the closely related peoples. From the etymological point of view, the studied vocabulary carries the imprint of the Proto-Baltic-Finnish times, since corresponding words are also found in related languages (*arboida*, *noid*, *tedai*). Some of the words from the analyzed semantic group were borrowed from the dialects of the Russian language, which indicates the mutual influence and close connection between these languages (*gadaida*, *koudun*). It is pointed out that some words, for example, *babu* (‘bean’) and *boba* ~ *bobaine*, could have passed through two stages of borrowing, as evidenced by the analyzed verb *bobita* (‘to tell fortunes reading beans’) related to both abovementioned lexemes.

Key words: Veps language, areal linguistics, vocabulary, semantics, etymology, language contacts

Acknowledgements. The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (KarRC RAS). The authors express their deep gratitude to N. L. Shibanova, senior IT specialist of the KarRC RAS Institute of Linguistics, Literature and History, for her technical assistance with linguistic mapping.

For citation: Zhukova, O. Yu., Zaitseva, N. G. To tell fortunes and to conjure: some lexemes with magical meaning in Veps dialects (semantic, etymological and linguo-geographical aspects). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.630

REFERENCES

1. Vinokurova, I. Yu. Veps mythology. *Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 461–477. (In Russ.)
2. Vinokurova, I. Yu. Veps mythology: Encyclopedia. Petrozavodsk, 522 p. (In Russ.)
3. Zaitseva, N. G. Veps verbs: Comparative research. Petrozavodsk, 2002. 286 p. (In Russ.)
4. Zaitseva, N. G. Essays on Veps dialectology (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk, 2016. 394 p. (In Russ.)
5. Zaitseva, N. G. Christian terminology in the context of Vepsian linguistics: Vepsian vs Russian (linguo-geographical and etymological aspects). *Language and Culture*. 2019;48:121–136. DOI: 10.17223/19996195/48/8 (In Russ.)
6. Linguistic atlas of the Veps language. (N. G. Zaitseva, Ed.). St. Peterburg, 2019. 573 p. (In Russ.)
7. Pimenov, V. V. The Veps. Essay on ethnic history and genesis of culture. Moscow, Leningrad, 1965. 264 p. (In Russ.)
8. Strogalschikova, Z. I. The Veps in the ethnocultural space of the European North. Petrozavodsk, 2016. 199 p. (In Russ.)
9. Heikkinen, K. Metsänpelko ja tietäjänaiset. Vepsäläisnaisten uskonto Venäjällä. Helsinki, 2006. 276 s.

Received: 14 April, 2021; accepted: 31 May, 2021

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой медиакоммуникационных технологий
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1681-5840; elena-lelis@mail.ru

ПУНКТУАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК КОМПОНЕНТ ЕГО ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (на материале романа Г. Яхиной «Дети мои»)

А н н о т а ц и я . Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного осмысления современной художественной прозы, творчества одного из востребованных российских писателей Гузели Яхиной и принципов расстановки знаков препинания в тексте крупного жанра в аспекте лингвостилистики. Сделан акцент на коллективном характере работы по подготовке художественного текста к печати – автора, литературных агентов, редакторов, наборщиков и корректоров. Такая подготовка к публикации превращает авторский текст во вторичный и нивелирует понятие «авторская пунктуация». В качестве основного метода исследования использовано лингвостилистическое толкование художественного текста на поверхностном и глубинном уровнях. Основным результатом проведенного анализа стал вывод об обоснованности включения пунктуационного оформления романа Гузели Яхиной «Дети мои» в общую лингвостилистическую систему этого произведения, что способствует усилению его эстетического воздействия на читателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пунктуация, художественный текст, лингвостилистическая система, Г. Яхина, роман «Дети мои»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лелис Е. И. Пунктуация художественного текста как компонент его лингвостилистической системы (на материале романа Г. Яхиной «Дети мои») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 15–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.631

ВВЕДЕНИЕ

В современной филологической науке не ослабевает интерес к исследованию русской пунктуации как открытой динамической системы. Доказано, что тексты разной функционально-стилевой принадлежности и разных жанров по-своему реализуют три традиционно выделяемые принципа русской пунктуации – структурно-грамматический, смысловой и интонационный (см. работы Н. С. Валгиной¹, А. Н. Наумович², Д. Э. Розенталя³ и др.).

В последнее время исследователи аргументированно выступают за выделение четвертого – функционально-стилистического – принципа, обусловленного самой природой речевой деятельности. Это принцип, ориентированный на использование знаков препинания, обусловленных ситуативными коммуникативными задачами, контекстом, целеполаганием автора – его желанием выделить, сделать акцент, обратить внимание читателя на смысловое и / или эмоциональное содержание высказывания. В полной мере этот принцип раскрывается в художественном тексте,

формируя его сложный авторский пунктуационный рисунок.

Обоснованное выделение четвертого принципа русской пунктуации дает возможность по-новому осмыслить пунктуационно-графическое оформление художественных текстов, в которых на первый план выступает авторская интенция, явленная через целостную, сложную, структурированную, эстетически обусловленную систему языковых и надязыковых средств литературного произведения, которые, по определению Ю. М. Лотмана, передают его «сложнопостроенный смысл» [10: 1]. Такой подход открывает перед исследователями возможность считать пунктуацию полноправным компонентом лингвостилистической системы художественного текста наряду с такими его компонентами, как звуковое оформление, интонация, ритмика, весь комплекс лексических, морфолого-синтаксических, стилистических и графических средств.

Выделение четвертого принципа русской пунктуации сделало вновь актуальными вопросы терминологического характера, связанные

с содержанием и объемом таких понятий, как «авторские знаки препинания» [2], [9], [11], «альтернативные знаки препинания» [4], «стилистически значимые знаки препинания» [7], «экспрессивная пунктуация» [6], [8], «нерегламентированное (нестандартное) использование пунктуационных приемов» [1], [3] и др.

В данном исследовании в качестве рабочего используется понятие «авторские знаки препинания» как наиболее частотное в современных исследованиях, хотя его содержание пока окончательно не определено. С одной стороны, под авторскими знаками препинания понимают такие особенности пунктуационного оформления текста, которые носят индивидуальный характер: набор используемых знаков препинания, частота их употребления, расширение функций, в целом не противоречащее пунктуационным правилам; с другой – сознательное нарушение автором текста действующих пунктуационных правил.

Не всегда удается провести четкую границу между двумя подходами к содержанию этого понятия. Но в любом случае авторская пунктуация – сложное, многоаспектное явление, которое выступает и как стилистический маркер, и как идиостилевой прием. Безусловно, такая пунктуация открывает путь к постижению смысловой глубины художественного текста [5], играет важную роль в системе выражения его скрытых (подтекстовых) смыслов, повышает экспрессивность текста [12] и формирует его пунктуационно-графический образ [1]. Она способствует раскрытию языковой личности художника слова, особенностей его идиостиля и картины мира. Но к расстановке знаков препинания в современных изданиях литературного произведения его автор имеет лишь опосредованное отношение. В том, какой знак препинания аутентичен, можно быть уверенным, только если исследователь получает доступ к автографам и рукописям. Опубликованный текст вторичен, он проходит длительный путь предпечатной подготовки: компьютерной верстки и корректорской вычитки. Значительный вклад в подготовку рукописи к печати может вносить и литературный агент. Но главную роль в этом процессе играет редактор.

Профессионализм редактора, как справедливо отмечает Н. Л. Шубина, состоит в том, чтобы максимально адекватно передать авторскую мысль:

«Редактор текста в соответствии со своей мотивационно-целевой программой, не нарушая тождества в коммуникативно-функциональном отношении между оригинальным (авторским) и так называемым вторичным текстом, призван не допустить коммуникативные

сбои при восприятии и интерпретации текста читателем» [13: 55].

Литературные агенты, издательства и редакции, как правило, довольно свободно относятся к авторской пунктуации, даже в текстах классиков. Хотя не исключено, что при прохождении предпечатной подготовки не все знаки препинания подвергаются изменению. В отдельных случаях в публикуемых изданиях указывается, что авторская пунктуация сохранена. Но чтобы оценить, насколько это утверждение соответствует действительности, исследователю необходим доступ к первоисточнику. Поэтому при анализе пунктуации опубликованного художественного текста указание на издание носит не только справочный характер. В связи с этим необходимо констатировать: предлагаемый пунктуационный анализ отдельных фрагментов романа Гузели Яхиной «Дети мои» выполнен по тексту, опубликованному в 2019 году издательством «АСТ» (редакцией Елены Шубиной)⁴. В конце своей книги Г. Яхина перечисляет коллег и единомышленников, которые так или иначе участвовали в подготовке романа к публикации. Среди других названы редактор Галина Беляева – с благодарностью «за ювелирную редакторскую работу», ведущий редактор Анна Колесникова, младший редактор Вероника Дмитриева, два корректора и специалисты по компьютерной верстке текста. Есть все основания предположить, что авторская пунктуация Гузели Яхиной в ходе подготовки издания могла претерпеть неоднократные и существенные изменения. Корректировки могли быть внесены и сотрудниками литературного агентства ELKOST Intel, по соглашению с которым, как указано на форзаце книги, и публикуется книга. Роман Гузели Яхиной «Дети мои» – наглядный пример качественной работы издательского коллектива, который смог сохранить (или сделать?) пунктуацию текста важной частью его лингвостилистической системы, следуя традиции издания русской литературы уделять большое внимание графическому оформлению издания.

* * *

Повествовательное время романа занимает около двух десятилетий – 1920–1930-е годы. Не приметному и скромному школьному учителю из немецкой колонии Гнаденталь – «маленькому человеку», суждено было прожить жизнь на изломе политических эпох, больших исторических событий и крупных социальных трагедий. С самого начала главный герой предстает перед читателем полуфантастическим персонажем, который словно случайно забрел в отечественную

историю XX века из толкиеновского Средиземья. В разломе между, с одной стороны, ужасающей действительностью (в романе изображены все самые страшные и уродливые проявления революции и Гражданской войны – разбои, насилие, разорение, издевательства) и, с другой стороны, фантазией главного героя, его сказочным, придуманным миром, в котором он спасается, – проявлена авторская мысль о вечной борьбе добра и зла, человеческого и бесчеловечного, любви и ненависти. Эти два тематических потока реализуются в двух параллельно развивающихся сюжетных линиях, в композиционно-смысловом разломе текста, в системе образов, каждый из которых встраивается в один из тематических потоков. Эти тематические потоки находят свое пунктуационное оформление в параллельных, сменяющих друг друга типах коммуникативно-синтаксического и пунктуационно-стилистического строя текста. Там, где перед глазами читателя возникают страшные картины реальности, синтаксический и пунктуационный строй текста однонаправлен и скуп. Налицо простая тема-рематическая прогрессия линейного типа. В продвижении содержания произведения рема предыдущей синтаксической конструкции становится темой последующей. Пунктуационное оформление таких фрагментов текста стремится к нормированности, функциональной однозначности и лаконичности, поскольку отражает прямые и непосредственные причинно-следственные связи между фактами и событиями реальной жизни, идею ее примитивности, приземленности, духовного обесценивания, косности. В таких контекстах переплетаются личная трагедия главного героя и социальная трагедия исторического времени. Перед нами – и синтаксически, и пунктуационно – осколки мира, который вдребезги разбит новыми хозяевами жизни:

«Хрустя рассыпанным по полу стеклом, Бах пошел по пустому дому. Он бывал здесь не раз и хорошо помнил обстановку, от которой почти ничего не осталось: голые стены топорщились задубелыми обоями, половички выдраны, ковры и мебель исчезли...» (98).

Глагол активного действия героя «пошел» сменяется глаголом неактивного действия – «бывал», после которого повествование переключается в ментальную плоскость – «помнил». Действительность представляет собой ужасающую картину, явленную короткими, однотипными предикативными единицами, которые построены по принципу синтаксического параллелизма. Две из пяти предикативных единиц последнего предложения представляют собой нераспростра-

ненные части – ритм текста учащен, интонационный рисунок коротких фраз однотипен. Глаголы неактивного действия «топорщились», «исчезли» и страдательное причастие «выдраны» вербализуют идею оборвавшейся жизни в доме, покинутом хозяевами. Пунктуация строго обусловлена синтаксической структурой фрагмента, но играет роль контекстуального графического средства объединения отдельных визуальных образов в единую картину запустения. Структурно-грамматическое употребление знаков препинания прирастает функционально-стилистическими наслоениями. Нормативная пунктуация начинает проявлять признаки авторского употребления.

По мере того как Якоб, изумленный и растерянный, пробирается по разоренной колонии, меняются синтаксис текста, его интонация, ритм и пунктуационный рисунок, который прирастает выразительностью настойчивого нанизывания одиночных – отделяющих запятых. Этот способ фиксации деталей, которые выстраиваются в ужасающую своими масштабами картину разрушения, приобретает статус графического градационного приема:

«Вышел во двор. Все двери в хозяйственных постройках – настежь. Вынесено все до последнего гвоздя: плуги, упряжи, клейма для скота, скребки, серпы, коромысла, рубели, фонари, терки и котлы для арбузного меда, маслобойки, меленки, мясорубки» (99).

Длинный однородный ряд с его ритмом, интонационным и пунктуационным однотоном – перечисление привычных предметов быта, которые в крестьянской среде изготавливались своими руками и без которых немыслима жизнь и работа на земле, – монтажный принцип построения текста, который позволяет увидеть картину разбойничьего ограбления колонии. Весь длинный список предметов – теперь это только воспоминания Якоба Баха, окрашенные ноющей болью. Нарастающие тревога и отчаяние героя ниже подчеркиваются градационным нанизыванием вопросительных знаков, фиксирующих ряд риторических вопросов и закрепляющих переход структурно-грамматического пунктуирования текста в функционально-стилистическую плоскость:

«Чья злая воля опустошила покои, оставив хозяев без крова? Настигла ли преступников кара? Куда делись хозяева? Вынесенное добро и уведенный скот?» (99).

Последний из риторических вопросов свернут до контекстуально-неполной конструкции и позволяет передать ощущение растерянности героя, который не может понять, что произошло в колонии. Имеет значение и «рваный» ритм контекста: риторические вопросы, сменяя друг друга, становятся все более синтаксически свернутыми, а частота вопросительных знаков напоминает му-

зыкальную фигуру тремоло, для которой характерно многократное быстрое повторение одного звука. Интонационная аритмия невербально подчеркивает оставленный разбойниками беспорядок и хаотическое движение мысли потрясенного Якоба, а настойчивый повтор вопросительных знаков предстает как невербальный фиксатор эмоционального напряжения героя. По мере того как Якоб постепенно принимает новые правила жизни, он осознает, что его прежняя профессия учителя теперь никому не нужна и важно научиться ремеслу, простым деревенским занятиям, которые смогут его прокормить. Меняются пунктуация текста, его интонация и ритм. Осознание героем неизбежности принятия новых правил жизни обуздывает пунктуационную стихию текста: длинные ряды однородных членов, называющих профессии, многочленный однородный ряд сказуемых – глаголов активного действия графически оформлены нормативными, функционально однотипными запятыми, лингвостилистической задачей которых становится графическое оформление тех новых и очень разных для героя умений, которые помогают ему выжить:

«А Бах был теперь и лесоруб, и рыбак, и трубочист, и садовник. Он выучился всему: рубить деревья, ловить в силки зайцев, варить смолу, латать соломой крышу, мазать глиной щели в полу, чистить колодец, белить известью шершавые яблоневые стволы...» (91).

Но совсем иначе синтаксически и пунктуационно строятся фрагменты текста, раскрывающие потаенный мир Якоба Баха. Здесь проявляются буйство красок, обилие деталей и подробностей, аллюзий и фантазий, требующих использования широкого спектра функциональных возможностей знаков препинания:

«Стихи, которые Бах изредка читал вечерами, стоя рядом с Кларой на обрыве и глядя на бьющие далеко внизу волжские волны, звучали так ясно и мощно, словно он писал их черной тушью на пылающем закатном небе, словно вышивал золотом и драгоценными камнями по простому льну. Тексты же песенок и шванков, которые напевала Клара, все ее пословицы и поговорки, просторечные прибаутки и присказки, наоборот, были близки и родны хутору, как вездесущая трава или паутина, как запах воды и камней; они шли этой уединенной жизни и росли из нее, потому исправлять Кларину речь не хотелось» (90).

Такие фрагменты текста представляют собой параллельные тема-рематические структуры. Внешне они как будто самостоятельны, поскольку между ними отсутствуют формальные средства выражения связи. Их графическая и синтаксическая автономность служит раскрытию многогранного и многомерного внутренне-

го мира героя, открывает читателю невидимое взгляду, невыразимое, невербализованное, глубинное, сокровенное.

Воображение героя раскрепощено, поэтому синтаксические структуры развернуты, предложения характеризуются большим количеством второстепенных членов и осложняющих элементов – однородных обособленных обстоятельств, выраженных деепричастными оборотами, распространенных однородных членов, соединенных попарно и потому усложняющих ритмический рисунок текста. Вводное слово, сравнительные обороты и придаточные части со значением сравнения, инверсия – весь контекст, аранжированный пунктуационно, благодаря этому богатству стилистически значимых средств становится вербально-графической формой выражения наполненности и содержательности жизни главного героя, богатства ее красок и внутренней красоты.

Функционально нагруженными оказываются одиночные и парные запятые, которые отделяют однородные члены и придаточную часть сложноподчиненного предложения от главной, выделяют вводное слово, деепричастный оборот, оформляют следующие друг за другом сравнительные обороты. Еще выразительнее и богаче становится пунктуационная палитра тех фрагментов текста, которые погружают читателя в мир фантазий Якоба Баха:

«Сидел и смотрел на бледные нити света, пробивавшиеся из ставенных щелей, – закат едва проникал в дом. Слушал звуки осеннего вечера: посвистывание ветра, одинокие вздохи неясности в лесу. Вдруг осознал – остро, до теплоты в груди, – как рад вернуться домой, к этому лесу, к этому саду и спящей в нем Кларе, к вечной Волге под обрывом. <...> Подумалось: вот он, момент настоящей жизни – сидеть у порога и оберегать детский сон» (337–338).

Пунктуационный арсенал текста становится богаче: появляются тире, двоеточие, сочетание знаков препинания (запятая и тире). Расширяется и их функциональный потенциал: графическое оформление двух параллельных для Якоба миров – внешнего и внутреннего. В его судьбе наконец настал тот момент, когда в окружающей действительности он может найти точку опоры, обнадеживающее ядро жизни, гармонию и красоту. Вернее, это он сам посредством своего воображения и всепоглощающей любви к дочери наделяет внешний мир тем, что дает ему силы. Поэтому действительность для него перестает быть расколотой надвое. Отсюда и графическое оформление текста, подчеркивающее взаимообусловленность и взаимное перетекание друг в друга внешнего и внутреннего: зеркальная сим-

метрия знаков препинания при перечислении деталей и образов, принадлежащих сначала внешнему, а потом и внутреннему миру. Только тире, будучи здесь ненормированным, авторским, становится графическим обозначением удивления и нового для героя обостренного чувства гармонии с миром.

Весь пунктуационный рисунок графически оформляет усложненный лексико-грамматический строй текста: вновь оказывается востребованным синтаксический параллелизм, усиленный аллитерационными образами («сидел», «смотрел», «слушал», «слышал»), лексическим повтором («к этому лесу», «к этому саду», «под яблонями», «сами яблони»), морфемным повтором («бездушного и безумного»), грамматическим повтором («сидел и смотрел», «сидеть» и «оберегать»). Умиротворенная картина рождает в душе героя сокровенные чувства – тихую радость и готовность уберечь родного ребенка от несчастий и бед. Внешний стимул пробуждает ментальную реакцию.

Умение Якоба видеть и слышать прекрасное, жить в мире, созданном собственным воображением – ярком и выразительном – где нет места злобе, зависти и жестокости, передается и его дочери Анче. Теперь это и ее мир, наполненный красками и звуками, «огромный и невероятный». Этот мир построен на гармонии и обладает способностью все время удивлять. Отсюда гармония синтаксического параллелизма, лексического повтора, ритмической сбалансированности, ассонанса и аллитерации абсолютного начала соположенных лексем, и, как следствие, пунктуационный рисунок фрагментов текста, раскрывающих внутренний мир героя, становится все более сложным. Более частотны случаи использования авторских знаков препинания, нарушающих требование нормативности. Они расставляют в тексте важные смысловые и эмоциональные акценты, структурируют его по-новому. Это можно наблюдать, например, в следующем фрагменте текста:

«Увиденное впервые – впечатывалось в память чередой цветных и изумительно четких фотографий. Услышанное впервые – отливалось в воспоминаниях, как отливается в прочном шеллаке граммофонные пластинки. Мир – огромный, невероятный – не вмещался в глаза и уши, ослеплял и оглушал» (320–321).

Нерегламентированные повторяющиеся тире уравнивают большие синтаксические конструкции, графически сопровождая синтаксический параллелизм, усиленный лексическим повтором («впервые»). И далее: парные вариативные тире (вместо парных запятых) выделяют два однородных обособленных определе-

ния и органично встроены в синтаксический, звуковой и ритмический рисунок предложения: два однородных определения, два однородных обстоятельства, два анафорических ассонанса («ослеплял» и «оглушал»). Чем глубже читатель погружается в гармонию внутреннего мира Якоба, тем чаще встречаются нерегламентированные знаки препинания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим, что критика дает диаметрально противоположные оценки роману Г. Яхиной «Дети мои»: от хвалебных до резко уничижительных. Но то, что в нем удалось выразительно и ярко, в том числе и пунктуационными средствами, противопоставить два мира, две идеи, две сущности бытия, не вызывает сомнения.

Повествование, затрагивающее описание внешнего мира, оформлено преимущественно регламентированной пунктуацией, знаки препинания, как правило, однозначны, но способны проявлять потенции функциональных приращений, хотя их спектр невелик. В целом вся пунктуационная система этих фрагментов текста не обнаруживает мощных функционально-стилистических наслоений и лишь намечает эмоционально-смысловые акценты. Совсем иначе проявляет свой выразительный потенциал пунктуационный рисунок тех фрагментов текста, которые посвящены духовному миру главного героя – Якоба Баха. Знаки препинания встраиваются в общую систему вербальных и невербальных (графических и грамматических) средств смыслопорождения, эмоционально-смыслового обогащения текста. Эта система носит синкретичный характер, что позволяет ее отдельным элементам резонировать друг с другом, усиливая эстетическое впечатление от текста. Для функционирования этой системы оказываются востребованными авторские знаки препинания, нарушающие жесткие требования регламентированной пунктуации.

Результаты проведенного анализа показывают, что пунктуационное оформление текста – важное средство для передачи эстетически значимой информации. Чем сложнее и богаче пунктуационная «аранжировка» текста, тем весомее ее роль в раскрытии идейно-художественного содержания произведения. Пунктуация художественного текста проявляет себя как компонент его единой лингвостилистической системы, средство усиления эстетического впечатления на читателя. Сложность пунктуационного рисунка художественного текста не только служит «уплотнению» текстового пространства, но и ведет к сокращению числа других – вербальных и невербальных – выразительных средств и вместе с ними способствует восприятию смысловой глубины текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.
- ² Наумович А. Д. Современная русская пунктуация. Минск: Вышэйшая школа, 1983. 255 с.
- ³ Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. М.: АСТ, 1997. 264 с.
- ⁴ Яхина Г. Ш. Дети мои: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 493 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзимова О. В. Пунктуационно-графический образ новейшей русской прозы (на материале художественных текстов начала XXI века) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (270). С. 184–187.
2. Валгина Н. С. Знаки препинания как средства выражения смысла в тексте // Филологические науки. 2004. № 1. С. 16–26.
3. Веккессер М. В. Нерегламентированная пунктуация в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1 (4). С. 179–187.
4. Вяткина С. В. Альтернативная пунктуация в современном художественном тексте // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ / Редколлегия: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина и др. СПб., 2019. С. 680–685.
5. Вяткина С. В., Ту Ц. Многоточие как знак осмысления рассказов В. Маканина // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 2017. С. 45–50.
6. Демидова Н. И. Инновационные процессы в современной русской пунктуации в аспекте методической науки // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. С. 402–405.
7. Дзякович Е. В. Экспрессивные пунктуационные приемы в передаче чужой речи // Предложение и слово: Вторая Междунар. науч. конф.: Межвуз. сб. науч. трудов / Под общ. ред. Э. П. Калькаловой. Саратов, 2002. С. 204–209.
8. Кудряшева Ф. С. Экспрессивная пунктуация в художественном тексте // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 909–914.
9. Купченко Т. А. Авторские знаки препинания как способ создания редакции текста. На примере поэмы В. Маяковского «1500000000» // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 2. С. 438–469.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство, 1998. 285 с.
11. Подшивалова Н. И., Сидорова Е. В. Особенности авторской пунктуации в романе «Авиатор» Е. Г. Водолазкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1 (81). С. 173–175.
12. Четверикова О. В. Графические знаки языка как маркеры синтаксической и семантической сложности текста // Colloquium-journal. 2019. № 2-3 (26). С. 69–70.
13. Шубина Н. Л. Текстовая пунктуация как объект интерпретирующей мысли // Научное мнение. 2015. № 11-1. С. 54–61.

Поступила в редакцию 11.01.2021; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Elena I. Lelis, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, St. Petersburg State Institute of Film and Television (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1681-5840; elena-lelis@mail.ru

PUNCTUATION OF LITERARY TEXT AS A COMPONENT OF ITS LINGUOSTYLISTIC SYSTEM (illustrated by Guzel Yakhina's novel *My Children*)

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the need for scholarly understanding of modern fiction in general, the works of Guzel Yakhina, one of the most popular contemporary Russian writers, in particular, and the principles of punctuation marks placement in the texts of large-scale genres from the perspective of linguistic stylistics. Special emphasis is placed on the collective nature of pre-printing literary text preparation – by the author, literary agents, editors, typesetters and proofreaders. Such preparation for publication turns the author's text into a secondary one and eliminates the concept of the "author's punctuation" as such. The main research method was the linguistic and stylistic interpretation of literary text at superficial and deep levels. The main result of the analysis was the conclusion that it was reasonable to include the punctuation design of Guzel Yakhina's novel *My Children* in the general linguistic and stylistic system of this work, which enhances its aesthetic impact on readers.

Key words: punctuation, literary text, linguistic and stylistic system, Guzel Yakhina, novel *My Children*

For citation: Lelis, E. I. Punctuation of literary text as a component of its linguostylistic system (illustrated by Guzel Yakhina's novel *My Children*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):15–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.631

REFERENCES

1. Arzyamova, O. V. The punctuation and the graphic image of the newest Russian prose (on the material of the early XXI century fiction). *Izvestia of Voronezh State Pedagogical University*. 2016;1(270):184–187. (In Russ.)
2. Valgina, N. S. Punctuation marks as a means of expressing meaning in texts. *Philological Sciences*. 2004;1:16–26. (In Russ.)
3. Vekkesser, M. V. Unreglemented punctuation in the novel by D. Rubina “The White Dove of Cordova”. *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2015;1(4):179–187. (In Russ.)
4. Vyatkina, S. V. Alternative punctuation in modern literary texts. *Russian Word in the Multilingual World: Proceedings of the XIV Congress of MAPRYAL*. (N. A. Bozhenkova, S. V. Vyatkina, N. I. Klushin et al, Eds.). St. Petersburg, 2019. P. 680–685. (In Russ.)
5. Vyatkina, S. V., Tu, J. Dots as sign of comprehending V. Makanin's short stories. *Current Issues of Humanitarian Knowledge in a Technical University: Proceedings of the VI international research and methodological conference*. St. Petersburg, 2017. P. 45–50. (In Russ.)
6. Demidova, N. I. Innovative processes in modern Russian punctuation in the aspect of methodical science. *Pedagogy and Psychology as Resources of Modern Society Development: Proceedings of the X international research and practical conference*. Ryasan, 2018. P. 402–405. (In Russ.)
7. Dzyakovich, E. V. Expressive punctuation techniques for reporting third person's speech. *Sentence and Word: Proceedings of the II international research conference*. (E. P. Kal'kalova, Ed.). Saratov, 2002. P. 204–209. (In Russ.)
8. Kudryasheva, F. S. Expressive punctuation in literary text. *Bulletin of Bashkir University*. 2014; 19(3):909–914. (In Russ.)
9. Kupchenko, T. A. Authorial punctuation signs as markers of the meaning. On the example of Mayakovsky's *150 000 000*. *Studia Litterarum*. 2020;5(2):438–469. (In Russ.)
10. Lotman, Yu. M. The structure of a literary text. St. Petersburg, 1998. 285 p. (In Russ.)
11. Podshivalova, N. I., Sidorova, E. V. Features of the author's punctuation in the novel *Aviator* by E. G. Vodolazkin. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018;3–1(81):173–175. (In Russ.)
12. Chetverikova, O. V. Graphic signs of language as text syntactic and semantic oslozhnennosty's markers. *Colloquium-journal*. 2019;2–3(26):69–70. (In Russ.)
13. Shubina, N. L. Text punctuation as an object of the interpreting thought. *The Scientific Opinion*. 2015; 11-1:54–61. (In Russ.)

Received: 11 January, 2021; accepted: 12 April, 2021

ОКСАНА МИХАЙЛОВНА ГРУНЧЕНКО

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела культуры русской речи
Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской
академии наук (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8754-6975; ogrun@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИНФОРМАТИКА. ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются проблемы отбора лексических единиц предметной области «Информатика. Вычислительная техника. Информационные технологии» для включения в словник общего толкового словаря современного русского языка. В качестве собственно языковых критериев, учитываемых в процессе такого отбора, рассматриваются фонетическая и графическая освоенность слова, его грамматическая оформленность, включенность в словообразовательные ряды в качестве мотивирующего слова. Кроме того, путем обращения к доступным корпусам текстов учитывается функционирование слова в текстах на русском языке, в частности в обиходно-бытовых контекстах, текстах художественной литературы и СМИ, то есть его выход за пределы профессионального подязыка и включение в ряд общелитературных слов, известных не только профессионалам, но и людям, которые по роду деятельности не связаны с информатикой и вычислительной техникой. Излагаются принципы представления информации о стилистических особенностях лексики данного разряда в толковом словаре путем использования стилистических помет, сочетаний различных помет и ремарок, являющихся частями описания значения слова, приводятся примеры словарных статей, отражающих данные принципы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография, толковый словарь, информатика, вычислительная техника, информационные технологии, стилистика, стилистическая помета

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре», № 17-29-09063 офи_м.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Грунченко О. М. Стилистическое описание лексики предметной области «Информатика. Вычислительная техника. Информационные технологии» в толковом словаре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 22–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.632

ВВЕДЕНИЕ

Стилистика – традиционная и весьма почтенная область русистики и языкознания в целом. Однако концептуальный аппарат этого раздела лингвистической науки далек от точности и операциональности в смысле возможности алгоритмизации процесса принятия решений относительно стилистических характеристик слов. При этом основная задача прикладной стилистики, то есть стилистики, обеспечивающей, в частности, создание словарей, заключается в том, чтобы сформулировать критерии, руководствуясь которыми лексикограф может снабжать стилистическими пометами слова в словаре. Существующие системы стилистических помет, используемые в толковых словарях, не унифицированы и составителями разных словарей могут пониматься по-разному, что в полной мере осоз-

нается и самими лексикографами. Так, в связи с этим Г. Н. Складневская справедливо отмечала, что «стилистический аспект словаря представляет собой наименее разработанную и наиболее уязвимую область лексикографии» [7]. Стилистическая дифференциация лексем, относящихся к специальным подязыкам, в рамках общего толкового словаря представляет дополнительную проблему.

Последние десятилетия XX века ознаменовались целым рядом технологических новаций, которые сделали сферу информационных технологий, доступную ранее лишь профессионалам, неотъемлемой частью повседневной жизни множества людей. Изменения, связанные с миром вещей, а именно доступность и компактность персональных компьютеров, появление большого числа «умных» технических

устройств, использующих компьютерные технологии, появление компьютерных сетей – все эти перемены не могли не оказать влияния на язык. Поэтому закономерно, что лексика предметной области «Информатика» стала объектом пристального внимания со стороны отечественных лингвистов в конце XX – начале XXI века.

Следует отметить, что используемое нами по отношению к обсуждаемой предметной области расширенное именование – «Информатика. Вычислительная техника. Информационные технологии» – позволяет, по нашему мнению, более точно указать ее границы и семантическую специфику относимой к ней лексики, связанной с теоретическими аспектами информатики как науки, с программным обеспечением, техническими характеристиками, устройством компьютерной техники, а также, наконец, с технологиями, основанными на использовании информации в цифровом представлении (социальные медиа, компьютерные игры и т. п.). Основная масса специальной лексики, относимой к указанной предметной области, появилась в русском языке в результате заимствования, причем в подавляющем большинстве случаев – из английского языка. При этом наибольший интерес с точки зрения изучения и описания представляет не столько сам процесс заимствования, сколько классификация его результатов – типов заимствования (см., например: [3], [4], [8]). Терминология данной тематической области представляет также существенную проблему в сфере перевода (см. по этому поводу: [5], [6]). Специальная терминология при активном употреблении в дискурсе осваивается носителями языка-цели, что проявляется на грамматическом и словообразовательном уровнях. Особенности освоения иноязычной лексики указанного типа также обсуждаются в существующей научной литературе (см. подробнее: [1], [2], [10]). Отметим, что в ряде исследований объем изучаемых лексических единиц оказывается явно недостаточен для достоверных обобщений и выводов. В связи с чем большой интерес представляет исследование И. Л. Комлевой¹, в котором в результате анализа значительного по объему материала выделяются и рассматриваются следующие тематические направления, по которым развивается русская компьютерная терминология: общие сведения о компьютерах, аппаратное обеспечение, программное обеспечение, программирование, функционирование вычислительной системы, а также компьютерные технологии (информационно-коммуникационные технологии, мультимедийные технологии и др.).

В области лексикографии основной акцент делался прежде всего на создании двуязычных терминологических словарей – преимущественно на англо-русских словарях (например: Борковский А. Б. «Англо-русский словарь по программированию и информатике»²; Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. «Англо-русский словарь терминов и сокращений по вычислительной технике, Интернету и программированию»³). Представлены также и терминологические словари, словники которых охватывают с разной степенью полноты различные области в рамках информатики и вычислительной техники (например: Ваулина Е. Ю. «Информатика. Толковый словарь»⁴; Хайдарова В. Ф. «Слова, из которых соткана Сеть: Краткий словарь интернет-языка»⁵). Жаргон социальных сетей обсуждается в «Словаре языка интернета.ru», вышедшем под редакцией М. А. Кронгауза⁶ в 2018 году. Наконец, попытка системного лексикографического описания жаргона геймеров (людей, играющих в компьютерные игры, причем как профессионалов-киберспортсменов, так и любителей) предпринята А. Р. Поповой в «Словаре компьютерно-геймерского жаргона»⁷, увидевшем свет в 2021 году.

ФАКТОРЫ ВКЛЮЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В СЛОВНИК ОБЩЕГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

Показательным является соотношение объемов словников упомянутых изданий, которое колеблется от более чем 6 000 до 11 000 слов и устойчивых выражений в двуязычных словарях, а в словарях и справочных изданиях, включающих лексические единицы, освоенные русским языком, – от более чем 100 в «Интернетско-русском разговорнике» Д. Завалишина, Е. Завалишиной, Е. Колмановской⁸ до 3 000 единиц в словаре Е. Ю. Ваулиной. При этом в уже упоминавшейся работе И. Л. Комлевой приводится следующее соотношение: из 4 500 компьютерных терминов, бытующих в русском языке, всего 57 происходят из русского языка, такие как *память*, *ссылка*, *вставка* и т. д. Хотя очевидно, что отнюдь не все англоязычные термины соответствующей предметной области осваиваются русским языком, наглядно демонстрируется впечатляющая динамика увеличения числа слов, входящих в рассматриваемую лексическую группу, приобретающую в последние годы лавинообразный характер. По оценкам, приводимым в некоторых работах, темпы прироста числа компьютерных терминов составляют до 1 000 терминов в год. Естественное следствие

и обратная сторона этого процесса – стремительное устаревание словарных сведений о значениях и употреблении слов. Ни словари терминов, ни словари иноязычных слов, ни тем более общие толковые словари оказываются не в состоянии отразить скорость происходящих изменений. Так, например, даже очевидно устаревшие слова, такие как *перфокарта*, *перфоленга*, не снабжены пометами «ист.» или «устар.» ни в терминологических, ни в толковых словарях (см., например, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова⁹), хотя называемые ими объекты материального мира вышли из употребления задолго до выхода в свет этих словарей. Ни в одном из словарей не указывается и на устарелость, например, слова *дискета*. Однако сложность возможного решения проблемы еще не делает ее принципиально неразрешимой: те же компьютерные технологии позволяют ускорить процесс работы над созданием толкового словаря, обращение к корпусам текстов, в частности к материалам «Национального корпуса русского языка»¹⁰, к текстам на русском языке, индексированным крупными поисковыми сайтами в сети Интернет, предоставляет возможность оценить степень освоенности того или иного слова носителями русского языка.

Существенными факторами, влияющими на ход изучения и фиксацию толковыми словарями лексики рассматриваемой предметной области, оказываются как развитие технологий, так и известность, доступность этих технологий непосредственно лексикографам. Однако введение лексики рассматриваемой группы в толковый словарь, безусловно, требует «разработки, во-первых, особого подхода к отбору слов (к составлению словника) и, во-вторых, принципов составления словарных статей» [9: 49]. Так, по нашим подсчетам, около 1 500 слов и устойчивых сочетаний терминологического характера, связанных с рассматриваемой предметной областью, могли бы пополнить словник толкового словаря в настоящее время. Причем при принятии решения о фиксации слов в общем толковом словаре следует учитывать их фонетическую и графическую освоенность, в частности наличие фиксации иноязычных заимствованных слов в «Русском орфографическом словаре»¹¹ или на сайте «АКАДЕМОС»¹².

Так, для именованной беспроводной персональной сети, используемой на небольшом расстоянии для обмена данными в цифровом формате между различными электронными устройствами (обычно ноутбуками, телефонами, планшетами и т. п.), в текстах на русском языке используются слова *блютус* и *блютуз*. Анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет обнаружить всего два вхождения слова *блютус* в основном подкорпусе и пять –

в газетном (кроме того, еще четыре вхождения этого компонента в составе сложных слов *блютус-гарнитура*, *блютус-контроллер*). Альтернативная графическая форма – *блютуз* – обнаруживает четыре вхождения в основном подкорпусе, три в газетном, также имеется пример использования соответствующего компонента в составе сложного слова *блютуз-гарнитура*. При этом в «Русском орфографическом словаре» и на орфографическом академическом ресурсе в сети Интернет «АКАДЕМОС» имеются следующие статьи: *блюту́с*, *блюту́с-га́рни́тура*, *блюту́с-дева́йс*, *блюту́с-устро́йство*. Таким образом, с точки зрения авторов «Русского орфографического словаря», соответствует норме лишь один из существующих в речевой практике вариантов написания – *блютус*. В то же время «Словарем новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой¹³ фиксируются оба варианта *блютус* и *блютуз*, то есть отражается реальное функционирование данных слов в речи.

Принимаются во внимание грамматическая освоенность слов и их включенность в ряды слов, связанных отношениями словообразовательной мотивации: *лайк*, *дизлайк*, *лайкать*, *залайкать*, *лайкнуть*; *бан*, *банить*, *забанить*; *пост*, *постить*, *запостить* и т. п.

ВАРИАНТЫ МАРКИРОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЛОВА

Введение в словник общего толкового словаря специальных терминов предполагает в обычном случае наличие специальной стилистической пометы или ряда помет. Тем не менее, несмотря на включение лексики сферы компьютерных и информационных технологий во все словари иноязычных слов, специальная помета в некоторых из них не используется (см., например: Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. «Новый словарь иностранных слов»¹⁴; Шагалова Е. Н. «Словарь новейших иностранных слов»). В толковых же словарях обычно соответствующие единицы снабжаются пометами «информ.» («инф.») или «спец.». При этом используемые пометы («инф.», «спец.») указывают как на ограниченность в употреблении снабженных ими слов, обусловленную их специальным характером, так и на принадлежность к определенной предметной области (в таком случае ими снабжаются также общеупотребительные слова). Анализ словарной практики демонстрирует по отношению к некоторым лексическим единицам совершенно разные решения. Так, у слова *дисплей*, несомненно относящегося к специальной лексике, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой¹⁵ никаких помет нет:

Диспле́й, -я, м. Электронное устройство с экраном для зрительного отображения вводимой алфавитно-цифровой и графической информации. – *Вы знаете,*

что это за штука? – спросил Николай Иванович, возившийся с предметом, который представлял собой некую помесь телевизора и пишущей машинки – А как же, – сказали мы независимо, – это дисплей. (Новый мир. 1976. № 8).

В то же время в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой¹⁶ обнаруживается помета «спец.»:

Дисплéй, -я, м. (спец.). Устройство, отображающее на экране (в виде текстов, чертежей, схем, рисунков) информацию, полученную от ЭВМ; сам такой экран. *Алфавитно-цифровой, графический д. Цветной, черно-белый д.*

Иное решение представлено в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, в котором слово *дисплей* снабжено пометой «информ.»:

Дисплéй, -я, м. [англ. display]. *Информ.* Устройство компьютера, предназначенное для вывода на экран текстовой и графической информации; монитор. *Цветной дисплей.*

Многозначность данного слова оказывается дополнительной проблемой для стилистической квалификации и выбора соответствующей пометы. Так, нам представляется целесообразным выделить у обсуждаемого слова двух значений, каждое из которых, в свою очередь, снабжается своей стилистической пометой (здесь и далее в качестве примеров приводятся в сокращении словарные статьи, созданные автором для третьего и последующих томов «Академического толкового словаря русского языка»¹⁷):

ДИСПЛÉЙ, -лéя, м. 1. *Инф.* Компьютерное устройство для отображения на экране текстовой, цифровой, графической информации и действий, совершаемых с ней пользователем; монитор. *Подключить дисплей к компьютеру.* <...>

2. *Тех.* В сложных технических устройствах: экран для отображения информации. *Монохромный дисплей.* <...>

Таким образом, многозначные слова маркируются соответствующей пометой в тех значениях, в которых они используются как термины. Например, с использованием разных помет при двух значениях может быть описано многозначное слово *джойстик*, которое первоначально осмыслялось исключительно как название детали игровых консолей, приставок и т. п., но по мере расширения сферы применения соответствующего технического решения в автомобилестроении, приборостроении расширило и сферу своего употребления:

ДЖОЙСТИК, -а, м. 1. *Инф.* Манипулятор в виде укрепленной на шарнире ручки с кнопкой, позволяющий управлять движением курсора или графических объектов на экране дисплея, использующийся в основном для компьютерных игр. <...>

2. *Тех.* Такой манипулятор, позволяющий управлять сложным техническим устройством, транспортным средством и т. п. <...>

Для омонимов помета ставится в соответствующей зоне словарной статьи того омонима, который используется как термин, связанный с вычислительной техникой:

ДИРЕКТО́РИЯ¹, -и, ж. (с прописной буквы). *Ист.* 1. Правительство Французской республики, существовавшее с 4 ноября 1795 г. по 10 ноября 1799 г. <...>

2. Название некоторых правительств во время Гражданской войны и иностранной интервенции в 1918–1920 гг. <...>

ДИРЕКТО́РИЯ², -и, ж. *Инф.* Раздел, папка, в которой хранится информация в электронном виде. *Удалить директорию. Сохранить файл в рабочей директории.* <...>

Помета «инф.» в отношении терминологии информатики и вычислительной техники используется в тех случаях, когда квалификация слова или устойчивого выражения как термина очевидна. Ср. типичные примеры:

ДВОЙЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна, -чно. *Инф.* Основанный на счете парами (двойками); действующий на основе двух символов. *Двоичный код. Двоичное кодирование. Двоичная система счисления.*

ДИСТРИБУТИВ, -а, м. *Инф.* Комплект файлов, предназначенный для установки на компьютер программного обеспечения. *Дискета с лицензионными дистрибутивами. Дистрибутив операционной системы. Скачать дистрибутивы с сайта фирмы-разработчика.* <...>

♦ **Диспетчер задач** (*инф.*) – программа, управляющая распределением и использованием ресурсов компьютера в процессе выполнения задач и позволяющая наблюдать за работой системы, приложений и устройств. *Вызвать диспетчер задач. Окно диспетчера задач. Заккрыть диспетчер задач.*

Правила синтактики словарных помет допускают сочетание разнородных стилистических помет. Так, допустимы сочетания «инф.» и «ист.» в тех случаях, когда обозначенная термином реальность уже вышла из употребления. Таков, например, термин *дискета*:

ДИСКÉТА, -ы, ж. *Инф. ист.* Гибкий магнитный диск, являющийся носителем небольшого объема информации в электронном виде, заключенный в пластиковый корпус квадратной формы. *Трехдюймовая дискета (имеющая диаметр 3,5 дюйма). Поврежденная дискета. Загрузочная дискета. Инсталляционная дискета. Копирование дискеты. Записать презентацию к докладу на дискету. Восстановить информацию на дискете. Дискета с защитой от записи.* <...>

При этом словам рассматриваемой лексической группы в полной мере присуще стилистическое расслоение. Попытка выделить в числе входящих в нее слов единицы профессионального жаргона, разговорные и нейтральные, была предпринята еще в упомянутом выше специализированном словаре Е. Ю. Ваулиной, где использовались соответственно пометы «жарг.» и «разг.». Так, наличие суффикса *-к-* у слова *дискетка* позволяет использовать в словарной статье, посвященной этому слову, сочетание

специальной пометы «инф.», пометы «разг.», указывающей на употребление в разговорной речи, и хронологической пометы «ист.»:

ДИСКЕ́ТКА, -и, род. мн. -ток, дат. -ткам, ж. *Инф. разг., ист.* То же, что дискета. Чистая дискетка (не содержащая информации). Дискетка с расшифровкой диктофонной записи. Стереть с дискетки ненужные файлы. Дискетка застряла в дисковом. <...>

Таким образом, благодаря использованию сочетания помет слово *дискетка* будет маркироваться как разговорное слово, принадлежащее к определенной предметной области, но вышедшее в настоящий момент из активного употребления.

Также сочетание помет может использоваться и применительно к одному из значений многозначного слова:

ДВИЖО́К, -жкá, м. 1. Небольшая движущаяся, скользящая вдоль оси часть в различных механизмах, устройствах. Движок логарифмической линейки. Движок реостата.

2. Разг. Двигатель внутреннего сгорания, используемый для выработки электроэнергии; электрогенератор. <...>

3. Разг. Двигатель транспортного средства. <...>

4. *Инф. разг.* Программное обеспечение, служащее для реализации основных или дополнительных функций сайта, электронной игры. Движок для интернет-сайта. Тестировать новый движок. Игра на старом движке.

В словник общего словаря профессиональные жаргонизмы могут входить в весьма ограниченном количестве, при условии что они активно употребляются в текстах, предназначенных для широкого круга читателей. Судить об активности такого употребления можно в случае, если для подобных слов обнаруживается обширный иллюстративный материал:

БАГ, -а, м. *Инф. жарг.* Ошибка в компьютерной программе. В них [программах] много багов, их постоянно глючит. В. Пелевин. S.N.U.F.F. Максимальные неудобства связаны с тем, что некоторые [денежные] переводы будут отменены. По его [директора] словам, программисты уже занимаются устранением бага. (РБК Daily. 2014. 13 февр.). Вопрос с назначением оператора базы данных --- [телефонных] номеров еще не решен, но по нашему плану 1 ноября мы должны закончить все работы. После этого наступит месяц тишины для поиска различных багов. (Известия. 2013. 10 июля).

При этом может отмечаться изменение стилистического регистра слова по мере расширения сферы его употребления. Так, например, слово *бот* Е. Ю. Ваулина квалифицирует как жаргонизм, однако в настоящее время это слово благодаря широкому использованию ботов в сети Интернет стало восприниматься как стилистически нейтральное, хотя и относящееся к определенной предметной области, на что указывает помета «инф.» при соответствующем омониме:

БОТ¹, -а, м. Небольшое гребное, парусное или моторное судно.

БОТ² см. боты.

БОТ³, -а, м. *Инф.* Программа, имитирующая в интернете деятельность пользователя-человека. Поисковый бот. Бот для рассылки спама. Программист, специализирующийся на ботах. <...>

Стилистические характеристики слов могут также передаваться ремарками, занимающими позицию обстоятельственного детерминанта в синтаксической структуре толкования. Прежде всего такой способ целесообразно использовать по отношению к лексике информационных технологий. В этом случае ремарка предшествует непосредственно толкованию, которое вводится после двоеточия:

ЛАЙК, -а, м. В социальных сетях, блогах и т. п.: выражение одобрения, положительной оценки сообщения, изображения, видеоролика и т. п. с помощью специальной кнопки; *противоп.* дизлайк. Набрать тысячу лайков за час. Ставить лайки под фотографиями подруг. <...>

Ремарка может сочетаться с пометой, указывающей, что слово не является стилистически нейтральным (нейтральным в рассматриваемом частном случае будет являться глагольно-именное сочетание *ставить/поставить лайк*):

ЛАЙКА́ТЬ, -ну, -нешь, *несов., перех.* Разг. В социальных сетях, блогах и т. п.: ставить лайки. <...>

ЛАЙКНУ́ТЬ, -ну, -нешь, *сов., перех.* Разг. Однокр. к лайкать. <...>

Наконец, может присутствовать непосредственно в самом толковании указание на сферу функционирования слова, не имеющее формата ремарки. Использование такого способа возможно только применительно к хорошо освоенным носителями языка словам, активно употребляющимся в текстах:

ПО́СТИТЬ, -щу, -стишь; *несов., перех.* (*сов.* запостить). Разг. Размещать на интернет-ресурсах (обычно в социальных сетях, блогах и т. п.) какую-л. информацию (фотографию, видеоролик, сообщение). Он [Иван] выходит в сеть, где постит свои письма и обращения, при этом на вопросы, заданные в той же сети, не отвечает. А. Гришин. Суeta вокруг прилавка. На сайте болельщиков одной из московских футбольных команд сложилась традиция – в ночь перед важным матчем постить фотографии котов на счастье. Е. Пищикова. Котичег. Один энтузиаст завел мини-блог --- и от имени пропавшего теплохода постит в Интернете всякую чушь. Е. Проскуряков. Ах, белый теплоход, куда тебя несет? Вспомнив навыки разведки, я украдкой заглянула в мобильник Макса. Он вовсе постил в соцсети, в какую крутую игру он играл, как его выбрали командиром, как умело руководил он отрядом и как всех победил. (Комсомольская правда. 2012. 14 нояб.). Вот я сижу за столом, со мной – красивые женщины ---. И вот они сидят – и все уткнулись в свои телефоны, что-то постят в соцсети. (Комсомольская правда. 2013. 16 апр.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы отражения стилистической стратификации лексики сферы информатики, компьютерных и информационных технологий в нормативном толковом словаре, безусловно, нуждаются в теоретическом осмыслении с выходом в лексикографическую практику. При этом следует учитывать два важнейших аспекта феномена стиля: внутренний и внешний. Внутренний предполагает наличие некоторого выбора из общей парадигмы вариантов обозначений одного и того же или близких означаемых. Он не существует вне выбора. И действительно, внутри системы терминов информатики стилистическая

характеристика «инф.» незначима, поскольку все элементы данной системы (подъязыка) имеют эту характеристику. С другой стороны, внутри такой системы могут оказаться, в частности, значимыми пометы «разг.», «жарг.», «ист.». При этом вне данной системы помета «инф.» оказывается значимой, однако не как характеристика внутрисистемного выбора, а как формальный маркер происхождения термина из подъязыка информатики по отношению к словам литературного языка. При использовании системы помет терминов информатики, вводимых в толковый словарь общелитературного языка, должны учитываться оба этих измерения стиля – внешний и внутренний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Комлева И. Л. Принципы формирования русской компьютерной терминологии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 221 с.
- ² Борковский А. Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике. М.: Русский язык, 1989. 332 с.
- ³ Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. Англо-русский словарь терминов и сокращений по вычислительной технике, Интернету и программированию. М.: Русская редакция, 2004. 864 с.
- ⁴ Ваулина Е. Ю. Информатика: Толковый словарь. М.: Эксмо, 2005. 480 с.
- ⁵ Хайдарова В. Ф. Слова, из которых соткана Сеть: Краткий словарь интернет-языка / Под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2011. 322 с.
- ⁶ Словарь языка интернета.ru / Под ред. М. А. Кронгауза. М.: Словари XXI века, 2018. 288 с.
- ⁷ Попова А. Р. Словарь компьютерно-геймерского жаргона. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 618 с.
- ⁸ Завалишин Д., Завалишина Е., Колмановская Е. Интернетско-русский разговорник. М.: Прессверк, 2001. 78 с.
- ⁹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
- ¹⁰ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 16.03.2021).
- ¹¹ Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.
- ¹² АКАДЕМОС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru> (дата обращения 06.03.2021).
- ¹³ Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.
- ¹⁴ Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1040 с.
- ¹⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
- ¹⁶ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
- ¹⁷ Академический толковый словарь русского языка / Под ред. Л. П. Крысина. Т. 1, 2. М.: ЯСК, 2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выхрыстюк А. Д. Национальные и интернациональные аспекты формирования современной русской компьютерной терминологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 277–279.
2. Ивлиева Е. А. К вопросу о калькировании в испанской компьютерной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1 (80). С. 77–80.
3. Колупаева Е. В. Способы заимствования английских компьютерных терминов в русском языке // Lingua mobilis. 2015. № 2 (53). С. 73–76.
4. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 493 с.
5. Паневина О. С., Трофимова Ю. А. Проблема перевода и толкования компьютерной лексики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1–2. С. 38–40.
6. Семочко С. В. Особенности функционирования компьютерных терминов (на материале немецкого, английского и русского языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2015. № 13. С. 181–203.
7. Склярёвская Г. Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 84–97.
8. Хабургаев Г. А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка // Вестник Московского университета. Филология. 1989. Сер. 9. № 4. С. 3–16.
9. Яковлева А. Ф., Шестакова Л. Л. Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре: основные методологические подходы (обзор круглого стола) // Научно-технические ведомости СПб ГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 4. С. 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.10405

10. Яковлева С. А. Киберспанглиш: обзор терминологической дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 2. С. 26–31.

Поступила в редакцию 16.03.2021; принята к публикации 17.05.2021

Original article

Oksana M. Grunchenko, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8754-6975; ogrun@yandex.ru

STYLISTIC DESCRIPTION OF VOCABULARY FROM THE SUBJECT AREA “INFORMATICS. COMPUTING TECHNOLOGY. INFORMATION TECHNOLOGY” IN EXPLANATORY DICTIONARIES

Abstract. The article discusses the problems associated with selecting lexical units from the subject area of informatics, computing technology and information technology for a general explanatory dictionary of the modern Russian language. The selection is based on the following linguistic criteria: phonetic and graphic incorporation of the word into ordinary discourse, grammatical form of the term, and its inclusion in word-formation series as a motivating word. Besides, the functioning of a word in Russian text corpora is taken into account – namely, its usage in everyday interaction and fiction or media texts, which demonstrates that the word is known to and used by both computer technology professionals and ordinary people. Therefore, the term should be a matter of ordinary usage to be included into an explanatory dictionary of literary language. The article discusses the principles for presenting information about the stylistic features of this category of vocabulary in explanatory dictionaries through the use of various stylistic labels, notes, comments and their combinations. It also gives particular examples of dictionary entries that illustrate the practical application of such principles.

Key words: lexicography, explanatory dictionary, informatics, computing technology, information technology, stylistics, stylistic label

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the project No 17-29-09063 of the “Stratification of vocabulary of the modern Russian language and its reflection in explanatory dictionaries”.

For citation: Grunchenko, O. M. Stylistic description of vocabulary from the subject area “Informatics. Computing technology. Information technology” in explanatory dictionaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):22–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.632

REFERENCES

1. Vykhrystyuk, A. D. National and international aspects of the formation of modern Russian computer terminology. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014;3(45):277–279. (In Russ.)
2. Ivlieva, E. A. On the problem of calquing in the Spanish computer terminology. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018;2–1(80):77–80. (In Russ.)
3. Kolupaeva, E. V. Ways to borrow English computer terms in Russian language. *Lingua Mobilis*. 2015;2(53):73–76. (In Russ.)
4. Marinova, E. V. Foreign words in Russian oral language in the late XX and the early XXI centuries: problems of assimilation and functioning. Moscow, 2008. 493 p. (In Russ.)
5. Panevina, O. S., Trofimova, Yu. A. The problem of translating and interpreting computer vocabulary. *Topical Issues of Humanities and Natural Sciences*. 2017;1–2:38–40. (In Russ.)
6. Semochko, S. V. Functional features of IT terms in German, English and Russian. *Language, Communication and Social Environment*. 2015;13:181–203. (In Russ.)
7. Sklyarevskaya, G. N. Once more to the problems of lexicographic stylistics. *Topics in the Study of Language*. 1988;3:84–97. (In Russ.)
8. Khaburgaev, G. A. Word borrowing as an issue of lexicography and historical lexicology of the Russian language. *MSU Vestnik. Philology*. 1989;9(4):3–16. (In Russ.)
9. Yakovleva, A. F., Shestakova, L. L. Stratification of the lexicon of the modern Russian language and its reflection in the explanatory dictionary: ways of the discussion (round table review). *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2019;10(4):47–55. DOI: 10.18721/JHSS.10405 (In Russ.)
10. Yakovleva, S. A. Cyberspanглиш: summary of terminological discussion. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Problems of Education: Languages and Specialty*. 2010;2:26–31. (In Russ.)

Received: 16 March, 2021; accepted: 17 May, 2021

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9939-9389; perevodchik88@yandex.ru

АНАЛИЗ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И КАТЕГОРИЯ ИДИОСТИЛЯ

А н н о т а ц и я . Рассматривается лингвистический подход к анализу идиостиля автора, предусматривающий учет морфологических особенностей текстов и последовательностей частей речи, представленных в таких текстах. Описывается цель рассмотрения последовательностей частей речи в контексте определения индивидуально-авторского стиля. Ставятся и конкретизируются проблемы, связанные с анализом последовательностей частей речи: множественность лингвистических концепций, вариативность глубины анализа, специфика выбора текстов и методов для их анализа. Описывается информационная система «Статистические методы анализа литературного текста» (СМАЛТ), которая может быть использована в том числе и для морфологического анализа публицистических текстов, обосновывается использование математического метода построения деревьев решений, перечисляются результаты, которые были достигнуты в ходе подобного анализа. Приводятся примеры сочетаний частей речи, отличающих тексты разных авторов. Делается вывод о влиянии морфологической структуры текста на его восприятие читателем, подчеркивается важность анализа последовательностей частей речи в контексте определения идиостиля автора.

К л ю ч е в ы е с л о в а : идиостиль, части речи, последовательности частей речи, морфология, дерево решений, СМАЛТ

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90026 Достоевский («Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах “Время”, “Эпоха” и еженедельнике “Гражданин”»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лебедев А. А. Анализ последовательностей частей речи и категория идиостиля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.633

ВВЕДЕНИЕ

Категория идиостиля автора, будучи одной из значимых и активно упоминающихся в современных филологических исследованиях, может изучаться в разных аспектах, как лингвистических, так и литературоведческих. Этому способствует в том числе и вариативность использования терминов «идиостиль» и смежного с ним «идиолект» (подробный обзор разных определений терминов «идиостиль» и «идиолект» представлен в работах [2], [16]). Н. А. Фатеева в своей работе «К вопросу об изучении идиостиля Ф. М. Достоевского» [14] выделяет четыре основных подхода к изучению данной категории:

- 1) лингвистический (анализ языковых единиц, характерных для писателя);
- 2) лексикографический (создание словарей языка писателя, в том числе и статистических);
- 3) когнитивный (формирование языковой картины мира, определение основных концептов);

4) художественно-изобразительный (анализ деталей и реалий внешнего мира).

При этом именно лингвистический подход зачастую позволяет отыскать «скрытые» для внешнего наблюдателя особенности и закономерности построения текста на разных его уровнях, которые могут сыграть фундаментальную роль в формировании индивидуально-авторского стиля. Для решения задачи, связанной с поиском закономерностей в построении текстов, имеет смысл углубиться в анализ грамматической структуры исследуемых материалов. Однако для корректной организации подобного рода лингвистических исследований следует учитывать ряд особенностей и нюансов, связанных со сбором и обработкой текстов, предназначенных для анализа, в противном случае достоверность сделанных выводов может быть поставлена под сомнение.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Полный и исчерпывающий анализ всех без исключения особенностей текста того или иного автора представляет собой трудную в силу своей комплексности и многоаспектности задачу, особенно если учитывать, что в таких областях лингвистики, как семантика и прагматика, методология исследований еще до конца не сформировалась. Именно поэтому для решения вопросов, связанных с категорией идиостиля, имеет смысл в первую очередь обращаться к тем уровням языка, анализ которых опирается на лингвистическую традицию и достаточно последовательно описан в получивших признание и прошедших проверку временем научных трудах. Естественно, что полученные данные должны быть показательными с точки зрения решаемых вопросов определения индивидуально-авторского стиля. Все это позволяет определить одним из наиболее важных в изучении стилевых черт авторов именно морфологический аспект анализа текстов. Морфология как раздел грамматики, который изучает части речи и их категории, находится в центре лингвистических исследований уже несколько столетий, а потому сомневаться в значимости данного аспекта изучения текстов не приходится.

Однако даже базовый морфологический анализ (то есть разбор текстов определенного автора по частям речи) может быть сопряжен с некоторыми трудностями, как собственно лингвистическими, так и методологическими. К числу таких трудностей, с которыми может столкнуться исследователь, следует отнести:

1. Отсутствие среди лингвистов единого взгляда на систему частей речи в русском языке. Как общее количество частей речи, выделяемых в русском языке, так и необходимость выделения каких-то конкретных из них в грамматической системе языка может становиться предметом научного спора. Некоторые исследователи склонны полагать, что «установление частеречной принадлежности слова – вопрос из разряда “вечных” в языкознании» [13: 30]. Приведем лишь несколько примеров дискуссий подобного типа:

а) «причастие и деепричастие – это самостоятельные части речи или формы глагола» [1], [10]?

б) следует ли выделять отдельную часть речи «категория состояния» [11]?

в) выделяются ли модальные слова как самостоятельная часть речи [6]?

В этом случае сначала разработчик системы, с помощью которой будет выполняться морфо-

логический анализ, а затем и специалист, выполняющий разбор текстов, должны заранее учесть все эти спорные вопросы. Оптимальной будет опора на какую-то из уже существующих морфологических систем, однако полностью избежать противоречий вряд ли удастся.

2. Глубина проводимого морфологического анализа. Знаменательные части речи обладают своей системой лексико-грамматических разрядов и грамматических категорий (например, у существительных определяются число, род и падеж; у прилагательных – степень сравнения, род, число и падеж и т. п.), которые тоже можно учитывать в ходе анализа идиостиля на уровне морфологии. Однако, во-первых, выделение тех или иных грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов также зачастую является дискуссионным (например, один из проблемных для русской лингвистики – спор о категории вида как словоизменительной или словообразовательной [9]); во-вторых, усложнение морфологического разбора влечет за собой необходимость более трудоемкого и времязатратного анализа текстов. Как правило, перед исследователем в этом случае встает дилемма: либо выполнять углубленный анализ, но на меньшем объеме текстов, либо учитывать небольшое число параметров, но при этом иметь возможность охватить существенно больший текстовый материал.

3. Выбор текстов, которые будут подвергнуты морфологическому анализу. Нет сомнения в том, что на структуру текста (в том числе и на его морфологическое построение) оказывает прямое влияние не только индивидуально-авторский стиль, но и другие особенности, напрямую не связанные с личностью автора. В полной мере это касается принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю, в случае с литературными текстами – спецификой жанра некоторых из текстов и т. п. При этом, как отмечается в работе М. П. Болотской «О стилистическом аспекте изучения грамматических категорий», «вопросы стилистического изучения грамматического строя художественного произведения разработаны недостаточно», а стилистическая многогранность частей речи «не изучена в должной мере» [3: 26], а это не всегда позволяет понять, что из морфологических особенностей текста относится именно к идиостилю. Поэтому исследователь в этом случае должен по возможности стремиться к однородности исследуемых текстов, особенно в тех случаях, когда ставится задача сравнить морфологическую структуру текстов двух разных авторов, иначе искажения неизбежны.

4. Выбор методов, позволяющих проанализировать морфологическую структуру текста. В последние десятилетия филология в этом аспекте тесно сблизилась с точными науками, что позволяет говорить об актуализации такого раздела языкознания, как количественная лингвистика. Однако даже в пределах количественной лингвистики предлагается большое разнообразие методов подсчета и анализа статистических данных для решения различных смежных задач, а потому выбор оптимального из них остается одной из важнейших задач для исследователя, занимающегося изучением идиостиля автора. В то же время полученные данные, которые связаны с последовательностями частей речи, могут быть продуктивно использованы в решении смежных с определением идиостиля вопросов, например в поиске неоднородностей в текстах (подробнее см. [12]).

СИСТЕМА «СМАЛТ» И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В АНАЛИЗЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В Петрозаводском государственном университете активно ведутся исследования, связанные с анализом публицистических текстов различных авторов. С 2018 года благодаря поддержке РФФИ разрабатывается веб-версия информационной системы «Статистические методы анализа литературного текста» (ИС «СМАЛТ», <http://smalt.karelia.ru/>), позволяющей выполнять в том числе и морфологический анализ текстов, представленных в дореформенной орфографии.

Грамматическая разметка текстов в системе «СМАЛТ» сформирована с опорой на концепцию В. В. Виноградова [5] и включает 14 частей речи, каждая из которых имеет свое числовое обозначение (существительное – 0, прилагательное – 1, числительное – 2, местоимение – 3, глагол – 4, причастие – 5, деепричастие – 6, наречие – 7, категория состояния – 8, частица – 9, предлог – 10, союз – 11, модальное слово – 12, междометие – 13). Также слова в анализируемых текстах можно помечать как цитаты, иностранные слова, вводные слова, сокращенные слова и неязыковые символы. Таким образом, любое предложение (и шире – любой текст) можно представить в виде числовой последовательности, например:

Последние два года были особенно тяжелы для славнофильского кружка

1 – 2 – 0 – 4 – 7 – 1 – 10 – 1 – 0

Одним из наиболее продуктивных математических методов в решении вопросов классификации стало построение деревьев решений (математический аспект данного метода подроб-

но описан в работах [8] и [17]). В основе метода построения деревьев решений лежит поиск таких последовательностей частей речи, которые будут характерны для одного исследуемого автора и не будут характерны для другого (то есть будут отличать их тексты и служить одним из элементов формирования идиостиля). Подобного рода сопоставление авторов на базе последовательностей частей речи играет важную роль в решении вопросов атрибуции текстов (в частности, оно упомянуто в одной из наиболее значимых статей, посвященных атрибуции текстов [19]), когда один и тот же текст потенциально могли написать два автора. В этом случае именно поиск таких частотных морфологических структур может помочь в определении авторства.

Материалами для исследования послужили тексты 60–70-х годов XIX века (преимущественно это журналы «Время», «Эпоха» и еженедельник «Гражданин»). Такой выбор не случаен: с одной стороны, обеспечивается единство времени написания текстов; с другой – появляется возможность проанализировать идиостиль разных авторов (это не только Ф. М. Достоевский, но и М. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, В. П. Мещерский, Я. П. Полонский и многие другие), а также привлечь к исследованию анонимные и псевдонимные тексты.

Ряд исследований, осуществленных в рамках проекта РФФИ «Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах “Время”, “Эпоха” и еженедельнике “Гражданин”», включал в себя подобный морфологический анализ текстов. В частности, методика анализа последовательностей частей речи была продуктивно использована в статье Д. Д. Бучневой «Кто автор редакционной статьи “Желание” в первом номере “Гражданина” за 1873 год?» [4], где в том числе и с опорой на последовательности частей речи «Прилагательное + Существительное» и «Глагол + Существительное» был сделан вывод о признании В. П. Мещерского автором спорной статьи «Желание».

Другим объектом исследования в работе «Text Attribution in Case of Sampling Imbalance by the Method of Constructing an Ensemble of Classifiers Based on Decision Trees» [18] стала статья «Стихотворения Хомякова», которую в течение долгого времени приписывали Аполлону Григорьеву, однако данное суждение было поставлено под сомнение (подробно литературоведческий аспект данного спора описан в [7]). При помощи математических методов была выделена значимая для эталонных текстов А. Григорьева последовательность частей речи «Частица +

Прилагательное»; низкая частотность данной последовательности в спорном тексте стала одним из доводов того, что данная статья не принадлежит А. Григорьеву.

Следует отметить, что подобного рода анализ последовательностей частей речи может быть выполнен как на материале всего текста, так и с опорой на отдельные его составляющие. В частности, в работе Г. Хетсо [15] было заявлено 15 параметров определения индивидуально-авторского стиля, связанных в том числе и с анализом сочетаний частей речи в первых и последних позициях предложения.

Этот метод анализа начал предложений как сильных позиций текста, значимых с точки зрения формирования идиостиля, в рамках выполненного проектного исследования был усовершенствован (анализировалось распределение трех частей речи в начале предложения и трех частей речи в конце предложения; предложения, размер которых составлял менее трех слов, пропускались). Анализу были подвергнуты 54 эталонных текста четырех авторов (Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, В. П. Мещерского). Наиболее значимыми для начала предложений Ф. М. Достоевского оказалась комбинация «Местоимение + Частица»; среди трех последних слов в предложении для Ф. М. Достоевского наиболее типичным вариантом является завершение предложения глаголом. После анализа таких контекстов было обнаружено, что подобный завершающий глагол у Достоевского часто комбинируется с вопросительной формой предложений, причем небольших. Приведем несколько примеров из введения к «Ряду статей о русской литературе»¹:

- *Но неужели жь разувѣрять?*
- *Отчего же не говорить? Отчего же именно непременно молчать?*
- *Неужели же для того, чтобъ ничего не дѣлать?*
- *Гдѣ же ваша способность самоосужденія, гдѣ вашъ трезвый взглядъ, которыми вы такъ хвалились?*

- *Да гдѣ жь они были, спрашивали мы, гдѣ жь они до сихъ поръ прятались?*
- *Что имъ дѣлать?*
- *Ну, чтожъ имъ отвѣчать?*
- *Чего бояться?*

Подобного рода статистические результаты могут быть интересны исследователям, анализирующим фигуры речи, связанные с расположением слов в предложении и повторами (анафоры, эпифоры, синтаксические повторы, риторические вопросы и т. п.), и влияние этих фигур речи на читателей или слушателей текста.

ВЫВОДЫ

Морфологическая структура текста содержит в себе отпечаток индивидуально-авторского стиля, воплощаемого в использовании определенных частей речи и их сочетаний. Применение тех или иных комбинаций может быть как бессознательным, так и вполне осознанным (особенно в тех случаях, когда автор текста ставит перед собой соответствующую задачу воздействия на читателя при помощи тропов и фигур речи, которые зачастую тяготеют к началу или концу предложения). Но и в том, и в другом случае именно морфологический анализ частеречных последовательностей, выполненный на большом массиве текстов, становится одним из эффективных инструментов, отличающих идиостили разных авторов, а также помогающих более обоснованно определять авторство анонимных и псевдонимных текстов. Прделанные в ходе работы над проектом «Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах “Время”, “Эпоха” и еженедельнике “Гражданин”» исследования, связанные с выделением значимых для создателя текста последовательностей частей речи в тексте, способны сыграть важную роль в решении вопросов определения идиостиля автора.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Указанные контексты цитируются по тексту «Ряд статей о русской литературе. Введение» в базе данных «СМАЛТ» (<http://smalt.karelia.ru/shower/?id=42>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулхакова Л. Р. Русское деепричастие: часть речи или форма глагола? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 (12). Языкознание. 2010. № 2. С. 67–72.
2. Богданова Е. В. О некоторых аспектах изучения термина *идиолект* в отечественной и западной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 4. С. 100–108.
3. Болотская М. П. О стилистическом аспекте изучения грамматических категорий // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 25–29.
4. Бучнева Д. Д. Кто автор редакционной статьи «Желание» в первом номере «Гражданина» за 1873 год? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 142–161. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721

5. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
6. Гусева Л. А. Модальные слова как часть речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1–2 (67). С. 109–113.
7. Захаров В. Н. Вопрос о А. С. Хомякове // Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 231–247.
8. Кафтаников И. Л., Парасич А. В. Особенности применения деревьев решений в задачах классификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2015. Т. 15. № 3. С. 26–32.
9. Коваленко Б. Н. О спорных вопросах теории вида русского глагола // Инновационная наука. 2015. № 6–2. С. 158–162.
10. Кунавина И. И. Грамматический статус причастия в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 2 (22). С. 68–73.
11. Мельник А. Д. Проблема слов категории состояния в современной лингвистической литературе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23004> (дата обращения 09.02.2021).
12. Седов А. В., Рогов А. А. Анализ неоднородностей в тексте на основе последовательностей частей речи // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8339> (дата обращения 09.02.2021).
13. Тукова Т. В. Части речи в курсе грамматики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2014. № 1–1. С. 30–34.
14. Фатеева Н. А. К вопросу об изучении идиостиля Ф. М. Достоевского // Григорьевские чтения (2020): Тезисы. Сайт Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruslang.ru/doc/grigoriev2020/Fateeva.pdf> (дата обращения 09.02.2021).
15. Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: к вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Осло: SOLUM FORLAG A. S., 1986. 86 с.
16. Чернышева Т. А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. С. 30–34.
17. Breiman L., Friedman J. H., Olshen R. A., Stone C. J. Classification and regression trees. Wadsworth, Belmont, Ca, 1984. 368 p.
18. Rogov A. A., Moskin N. D., Abramov R. V., Kulakov K. A. Text attribution in case of sampling imbalance by the method of constructing an ensemble of classifiers based on decision trees // Data Analytics and Management in Data Intensive Domains: XXII International Conference DAMDID/RCDL'2020 (October 13–16, 2020, Voronezh, Russia): Extended abstracts of the conference. Voronezh: Voronezh State University, 2020. P. 185–188 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://damdid2020.cs.vsu.ru/DAMDID_2020_Extended_Abstracts.pdf (дата обращения 09.02.2021).
19. Stamatatos E. A Survey of modern authorship attribution methods // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2009. Vol. 60 (3). P. 538–556.

Поступила в редакцию 01.03.2021; принята к публикации 17.05.2021

Original article

Alexander A. Lebedev, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9939-9389; perevodchik88@yandex.ru

PARTS OF SPEECH SEQUENCES ANALYSIS AND THE CATEGORY OF IDIOSTYLE

Abstract. The article addresses the linguistic approach to the analysis of the author's idiosyncrasy, which takes into account the morphological features of texts and the parts of speech sequences presented therein. The author outlines the purpose of analyzing the parts of speech sequences in the context of determining the individual author's style. He also reveals specific problems related to such analysis – multiplicity of linguistic concepts, variability of the analysis depth, and specificity of the selection of texts and methods for their analysis. The paper describes the Statistical Methods of Literary Text Analysis (SMALT) information system, which can be used, inter alia, for the morphological analysis of publicistic texts, substantiates the usage of a mathematical method for constructing decision trees, and provides the results of the research. The author gives particular examples of the parts of speech combinations that distinguish texts written by different authors. Eventually the conclusion is made about the impact of the text morphological structure on its perception by readers, as well as about the importance of analyzing the parts of speech sequences for determining the author's idiosyncrasy.

Keywords: idiosyncrasy, parts of speech, parts of speech sequences, morphology, decision tree, SMALT

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No 18-012-90026 Dostoevsky ("Attribution of anonymous and pseudonymous articles in *Time*, *Epoch* and *The Citizen* periodicals").

For citation: Lebedev, A. A. Parts of speech sequences analysis and the category of idiostyle. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.633

REFERENCES

1. Abdulkhakova, L. R. Russian adverbial participles: part of speech or verb form? *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2010;2(12):67–72. (In Russ.)
2. Bogdanova, E. V. Some aspects of the study of the term “idiolect” in Russian and Western linguistics. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2011;1(4):100–108. (In Russ.)
3. Bolotskaya, M. P. Stylistic aspect of studying grammatical categories. *Izvestia of Belinsky State Pedagogical University*. 2009;15:25–29. (In Russ.)
4. Buchneva, D. D. Who is the author of the editorial “Zhelanie” (“Desire”) in the first issue of *Grazhdanin* (Citizen) for 1873? *The Unknown Dostoevsky*. 2020;2:142–161. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721 (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. Russian language. Moscow, 1972. 616 p. (In Russ.)
6. Guseva, L. A. Modal words as part of speech. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017;1–2(67):109–113. (In Russ.)
7. Zakharov, V. N. The question about A. S. Khomyakov. *The author's name is Dostoevsky. An essay on the creative work*. Moscow, 2013. P. 231–247. (In Russ.)
8. Kaftannikov, I. L., Parasich, A. V. Decision trees’ features of application in classification problems. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Computer Technology, Automatic Control & Radioelectronics*. 2015;15(3):26–32. (In Russ.)
9. Kovalenko, B. N. Some controversial issues of the theory of the Russian verb aspect. *Innovative Science*. 2015;6–2:158–162. (In Russ.)
10. Kunavina, I. I. The grammatical status of participle in modern Russian. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2016;2(22):68–73. (In Russ.)
11. Mel'nik, A. D. The problem of the state category words in the modern linguistic literature. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;2(2). Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23004> (accessed 09.02.2021). (In Russ.)
12. Sedov, A. V., Rogov, A. A. Analysis of text heterogeneities based on the parts of speech sequences. *Modern Problems of Science and Education*. 2013;1. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8339> (accessed 09.02.2021). (In Russ.)
13. Tukova, T. V. Parts of speech in grammar course. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 2014;1(1):30–34. (In Russ.)
14. Fateeva, N. A. The study of Dostoevsky’s idiostyle. *Proceedings of the Grigoryev Readings (2020)*. Website of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/grigoriev2020/Fateeva.pdf> (accessed 09.02.2021). (In Russ.)
15. Kjetsaa, G. Attributed to Dostoevsky: the problem of attributing to Dostoevsky anonymous articles in *Time and Epoch*. Oslo, 1986. 86 p. (In Russ.)
16. Chernysheva, T. A. Idiostyle: linguistic aspect. *Cherepovets State University Bulletin*. 2010;1:30–34. (In Russ.)
17. Breiman, L., Friedman, J. H., Olshen, R. A., Stone, C. J. Classification and regression trees. Wadsworth, Belmont, Ca, 1984. 368 p.
18. Rogov, A. A., Moskin, N. D., Abramov, R. V., Kulakov, K. A. Text attribution in case of sampling imbalance by the method of constructing an ensemble of classifiers based on decision trees. *Data Analytics and Management in Data Intensive Domains: XXII International Conference DAMDID/RCDL'2020 (October 13–16, 2020, Voronezh, Russia): Extended abstracts of the conference*. Voronezh, 2020. P. 185–188. Available at: http://damdid2020.cs.vsu.ru/DAMDID_2020_Extended_Abstracts.pdf (accessed 09.02.2021).
19. Stamatatos, E. A Survey of modern authorship attribution methods. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009;60(3):538–556.

Received: 1 March, 2021; accepted: 17 May, 2021

РИММА ТАЛГАТОВНА МУРАТОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4223-0675; bairima@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧАЮЩЕЙ ЛЕКСИКИ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена отсутствием обзора и анализа древнетюркских источников на предмет изучения особенностей употребления цветообозначений. В связи с этим ставится задача выявления колоронимов, встречающихся в письменных памятниках древних тюрков, и рассмотрения их с точки зрения структурно-семантической специфики. Цель статьи – наметить основные тенденции в использовании цветолексем в древний период как в структурном, так и лексико-семантическом плане. Исследование проводилось с применением методов сплошной выборки, систематизации, классификации лексического материала и описательно-аналитического метода. Материалом послужили опубликованные древнетюркские письменные источники и лексикографические работы, составленные по данным памятникам. Изучение колоронимов древнетюркского периода позволило выявить характерные для них особенности: в источниках встречаются почти все базовые цветообозначения, которые восходят своими корнями в глубокую древность – названия для спектральных, ахроматических, неспектральных цветов, мастей лошади, цветообозначения с ограниченной функциональностью; зафиксировано употребление двух вариантов лексем для белого цвета – *aq* и *örüñ*, которые в то время имели четкие разграничения в семантике: *aq* употреблялся для обозначения масти лошади, *örüñ* – как определение предметов белого цвета; отчетливо прослеживается многозначность колоронимов: они, кроме обозначения цвета, выражают коннотативную семантику, принимают активное участие в словообразовании, являются компонентами ономастических терминов; по структуре цветообозначения в большинстве являются монологсемами, также встречаются формы степеней прилагательных цвета, аналитические названия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : цветообозначения, древнетюркские письменные памятники, колоративные эпитеты, метафоризация колоронимов, тюркские языки

Д л я ц и т и р о в а н и я : Муратова Р. Т. Особенности употребления цветообозначающей лексики в древнетюркских письменных источниках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.634

ВВЕДЕНИЕ

Изучение цветообозначающей лексики имеет множество аспектов и граней. Обозначение цвета, который является физическим явлением, имеющим свои параметры – диапазон электромагнитного излучения с определенной длиной волн, представляет собой зрительное, субъективное восприятие человеком этих диапазонов. Вследствие этого в названиях того или иного участка спектра отражается мировосприятие, мировоззрение и мирозерцание народа. В связи с этим цветообозначения являются объектом исследования не только филологических наук, но и таких дисциплин, как психология, филология и т. д.

Основные цветоименования составляют древний пласт лексики любого языка или группы языков, поэтому изучение данной группы лексики позволяет проследить историю и закономерности развития языка. В этом плане не составляют исключения и цветообозначения тюркских языков. В письменных источниках, восходящих к древнетюркской эпохе, можно обнаружить богатый и разнообразный материал по цветоименованиям. Данный пласт лексики представлен в них довольно в большом количестве и позволяет выявить основные тенденции употребления цветообозначений в тот период. Несмотря на изучение языковых особенностей древнетюркских письменных источников в различных аспектах [2],

[5], [8], [9], [11], [13] и наличие многочисленных исследований по тюркским цветообозначениям, выполненных как в XX, так и XXI веке [1], [3], [4], [6], [7], [10], [12], отражение лексем для обозначения цвета в письменных памятниках тюрков не было объектом внимания лингвистов, что обуславливает актуальность данного исследования.

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Древнетюркский этап развития тюркских языков характеризуется наличием самых ранних письменных источников тюрков. В текстах памятников древнего периода, выполненных руническим, уйгурским, арабским, а также согдийским, манихейским и брахми письмами, встречаются цветообозначения. Письменные памятники древних тюрков включают в себя орхонские рунические памятники (например, Памятник Кюль-Тегину, Тоньюкуку, Кули-Чуру, Бильге-Кагану и др., VII–VIII века), древнеуйгурские памятники (Памятник Моюн-Чуру, Енисейский, Таласский и другие рунические памятники VII–VIII веков; покаянная молитва манихейцев «Хуастуанифт», V век; памятник буддийского содержания «Алтун Ярук», X век; книга гаданий тюркским руническим письмом на бумаге «Ырк Битиг», IX век; юридические документы уйгуров X–XIII веков) и др. В качестве древнетюркских источников можно рассмотреть два крупных памятника XI века, выполненных на карахандско-уйгурском языке, – словарь «Дивану лугат ат-турк» («Свод тюркских слов») М. Кашгари и этико-дидактическую поэму «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Ю. Баласагуни. Тексты вышеперечисленных памятников на сегодняшний день опубликованы в исследованиях тюркологов¹, изданы отдельными книгами², а их словарный фонд систематизирован в лексикографических трудах по древнетюркскому языку³.

Основная часть древнетюркских текстов V–XV веков опубликована в книгах С. Е. Малова, которые были собраны из печатных работ разных тюркологов. Тюркские памятники здесь даются в тексте (руническими, уйгурскими или арабскими буквами), в транскрипции (русскими или латинскими буквами), с переводом и сопровождаются замечаниями исторического, литературного, библиографического и языкового характера⁴.

Словарь М. Кашгари «Дивану лугат ат-турк» («Свод тюркских слов») (XI век) представляет собой энциклопедический словарь тюркского языка: в нем содержатся сведения о фонетике, грамматике и лексике многих тюркских языков,

а также историко-этнографический материал, в котором отражены многие стороны внутренней жизни Караханидского каганата и его народа. Автор представил также основные жанры тюркоязычного фольклора – обрядовые и лирические песни, отрывки героического эпоса, исторические предания и легенды, более 400 пословиц, поговорок и устных изречений. Данный словарь на сегодняшний день переведен на турецкий, узбекский, уйгурский и русский языки⁵.

Поэма «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») Ю. Баласагуни (XI век) считается первым крупным письменным произведением тюркоязычной литературы. Это философский трактат этико-дидактического характера, написанный на тюркском языке караханидской эпохи. Автор использовал множество художественных приемов, таких как метафоры, олицетворения, эпитеты, сравнения, аллегории, противопоставления, игра слов и т. д., для усиления выразительности и красоты речи, передачи состояния внутреннего мира героев. Эти художественные приемы, в свою очередь, содержат такой класс лексики, как цветообозначения, что можно объяснить желанием автора оказать эмоциональное воздействие на читателя с привлечением в описании событий и явлений разных цветов и красок. Поэма «Кутадгу Билиг» также опубликована в переводе на разные языки⁶.

«Древнетюркский словарь» представляет собой свод лексики, которая сохранилась в многочисленных тюркоязычных памятниках VII–XIII веков. Словарь содержит слова и устойчивые словосочетания, включая имена собственные, географические и этнические наименования⁷. Другой фундаментальный словарь по древнетюркскому языку, составленный Дж. Клосоном, посвящен этимологическому исследованию лексики тюркских слов⁸.

Исследование цветообозначений проводилось методом сплошной выборки, систематизации, классификации лексического материала и описательно-аналитического метода: из текстов древнетюркских памятников были отобраны словосочетания, фразы, предложения, в которых содержится цветообозначающая лексика, употребляемая как в прямом, так и переносном значении; случаи употребления цветообозначений систематизированы и классифицированы по значениям (обозначение цвета, переносные значения, обозначение масти лошади), по структуре (моноксеммы, аналитические формы), по особенностям употребления (субстантивное употребление, использование прилагательных-цветообозначений в той или иной степени сравнения),

по участию в образовании онимов; каждый случай употребления цветообозначающей лексики анализировался с представлением контекстов, в которых они встречаются.

В письменных памятниках тюрков нами выявлены следующие цветообозначения и названия мастей: *al* 'алый', *ala* 'пегий', *aq* 'белый', *boz* 'серый (о масти лошади)', *čal* 'седой', *čaqır* 'голубой', *čoqur* 'чубарый', *jayız* 'бурый', *jaşıl* 'зеленый', *jägrän* 'рыжий', *kök* 'синий', *kökčün* 'седой', *kökšin* / *kökiš* 'серый', *örün* 'белый, светлый', *qara* 'черный', *qula* 'саврасый', *qizil* 'красный', *sariy* 'желтый', *toriy* 'гнедой'. Данные цветообозначения употребляются не только в их основном значении – обозначении цвета, но имеют вторичную, переносную семантику, обладают метафорическим значением (например, *черный* → 'множество', 'мрак', 'грязь', *желтый* → 'тоска', 'рассвет'). В источниках встречаются их аналитические формы, формы степеней сравнения прилагательных, а также представлена их словообразовательная функция.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА

В древнетюркских памятниках обнаружены следующие лексемы, употребляемые в обозначении цвета: *al* 'алый', *aq* 'белый', *čaqır* 'голубой', *jayız* 'бурый', *jaşıl* 'зеленый', *kök* 'синий', *kökčün* 'седой', *kökšin* / *kökiš* 'серый', *örün* 'белый, светлый', *qara* 'черный', *qoңur* 'бурый', *qizil* 'красный', *sariy* 'желтый'. Например, дошедшая до нас первая фиксация цветообозначения 'красный' наблюдается в древнетюркском руническом памятнике в честь Тоньюкука, датированном VIII веком:

[Тоңукук:] *Tün udumatı, күнтүз olurmatı, qizil qanım tökti, qara tärim jügürti, isig küčig bärüm ök, bän özüm uzun jalmäg jämä it-im oq* '[Тоньюкук:] Я, не спав по ночам, не имея покоя днем, проливая **красную** свою кровь и заставляя течь свой **черный** пот, я отдавал народу (свои) работу и силу и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги'⁹.

В памятнике в честь Кюль-Тегина зафиксированы лексемы *kök* 'синий', *jayız* 'бурый' в качестве эпитетов неба и земли в повествовании мифа о сотворении мира:

üzä kök täñri asra jayız jir qilintıqda äkin ara kisi oyli kılınmıs 'Когда было сотворено **голубое** небо, внизу **темная (бурая)** земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие'¹⁰.

Следует отметить, что выражения *kök täñri* 'голубое небо', *jayız jir* 'темная (бурая) земля' являются постоянными эпитетами в орхоно-рунических письменных памятниках, что можно объяснить мировосприятием древних тюрков.

В произведении «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») автор широко использует цветообозначающую лексику для поэтического описания цвета одежды (материи), цветка, румян лица и др.:

qurumiş jıyačlar tonandı jaşıl bezändi jepün al sariy kök qizil 'сухие деревья оделись **зеленую** и украсились **светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным**'; *jaşıl kök sariy al ağı ton kedip* 'надев **зеленые, голубые, желтые и алые** шелковые халаты'¹¹.

НАЗВАНИЯ МАСТЕЙ ЖИВОТНЫХ

В текстах встречаются такие цветообозначения, которые употребляются только в значении масти лошади: *qula* 'саврасый / буланый / гнедой', *toriy* 'гнедой', *jägrän* 'рыжий / гнедой', *jaziy* 'пестрый'. Такие лексемы, как *ala* 'пегий', *aq* 'белый', *boz* 'серый', *kök* 'сивый', *sariy* 'соловый', *jayız* 'бурый', встречающиеся в источниках, употребляются и в качестве цветообозначений, и как название масти лошади. Лексемы для обозначения масти в большинстве случаев употребляются с определяемым словом *at* / *ad* 'лошадь':

Sariy atlıy sabči, jaziy atlıy jalabač ädgü söz sab älti kätir, – tir, anča biliy: anıy ädgü ol! 'Говорят: на **соловой** лошади вестник и посланник на **пестрой** лошади приехали, доставив хорошие речи' («Ырк Битиг»)¹².

[O]ğuz qağan bir **čoqur** tan [a]jyır [a]tqa minä turur erdi 'Огуз-каган ехал верхом на **чубаром** жеребце' («Легенда об Огуз-кагане», список XV в.)¹³.

Omarın ala adın tergän aldım 'я взял у Омара [в долг] **пегого** вола и телегу' (из юридического документа уйгуров, XIII век)¹⁴.

ВТОРИЧНЫЕ, МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Еще в древнетюркских памятниках обнаруживается, что цветообозначающая лексика активно употребляется в метафорических значениях, имеет коннотативную, мифологическую семантику. Особой многозначностью выделяются лексемы *qara* 'черный', *sariy* 'желтый', *qizil* 'красный', *al* 'алый, розовый', *örün* / *ürün* / *jürün* 'белый'.

Например, в памятниках древнетюркской письменности встречается множество переносных значений слова *qara*:

печальный – *qara tul* 'печальная вдова', букв. 'черная вдова' (Памятник Долины Талас)¹⁵, мрак – *jaruqlı qaralı* 'свет и мрак' («Хуастуанифт»)¹⁶, народ, толпа – *qara түргis* 'народные массы тюргешей' (Памятник в честь Кюль-Тегина)¹⁷, обильный – *qara tärim jügürti* 'заставляя течь свой **черный** / обильный пот (о тяжёлом труде)' (Памятник в честь Тоньюкука)¹⁸, черные, темные силы – *qara jol täñri män* 'Я **черное** божество судьбы' («Ырк Битиг»)¹⁹, множество – *örünüm qaram* 'множество скота', букв. 'светлое и черное' (Памятник из Кезилиг-Хобу)²⁰, могила – *qara urun* букв. 'темное место', раб – *qara baş* букв. 'черноголовый', грязь – *tonqa qara*

juquldı 'к одежде пристала грязь', букв. 'к одежде пристало черное' («Дивану лугат ат-турк»)²¹ и др.

Субстантиваты. Встречаются случаи использования прилагательных цвета в функции существительного:

aq 'белизна' – *jäl aqı* 'белизна грив' (Памятник с р. Кемчик-Джиргак)²², *qara* 'народ' – *qarasın jıyım* 'я народ их поразил' (Онгинский памятник)²³, *ürünj* 'пятно' – *tırnaq ürünjü* 'белое пятнышко на ногте', *sarıg* 'желчь', *ala* 'проказа, недобрые помыслы, козни' – *kişi alası içtin* 'проказа человека внутри' («Дивану лугат ат-турк»)²⁴.

В словообразовании. Цветообозначения являются активным компонентом в образовании терминов – названий растений, животных, птиц, минералов, пищи, болезней и т. д. В письменных источниках тюрков можно обнаружить активное употребление слов *qara* 'черный', *ürünj* 'белый', *sarıg* 'желтый' в словообразовательной функции:

qara kis 'черный соболю' (Памятник хану Могилян)²⁵, *qara örgük* 'черный удод' («Ырк Битиг»)²⁶, *ürünj quş* 'лебедь' («Кутадгу билиг»)²⁷, *qara ärük* 'слива, чернослив', *qara ot* 'аконит', *qara jay* 'нефть', *qara atmak* 'название мучного изделия', *qara quş julduz* 'Юпитер', *sarıg erük* 'абрикос', *sarıg turma* 'морковь' (букв. 'желтая редька'), *sarıg suv* 'желтая жидкость, скапливающая в желудке' («Дивану лугат ат-турк»)²⁸.

Аналитические формы цветообозначений. В древнетюркских памятниках зафиксированы также цветообозначения, образованные аналитическим путем. Например, в текстах из Турфана (Восточный Туркестан), составленных уйгурским письмом в VIII–XI веках, слово *al*, кроме использования в значении 'алый', употребляется в составе аналитического цветообозначения для выражения оранжевого цвета: *al sarıg* 'оранжевый (о планете, букв. 'красно-желтый')'²⁹. В других источниках тоже встречаются названия для цвета, образованные сложением двух цветообозначений: *jürünj sarıg önlüg* 'светло-желтого цвета' («Алтун ярук»)³⁰, *örünj äsri* 'светлая с темными крапинами' («Ырк Битиг»)³¹. В словаре М. Кашгари представлены цветообозначения, образованные парным путем: *sarıg surıg* 'парн. желтый', *jaşıl juşul* 'всякая зелень'³².

Степени сравнения прилагательных цветообозначения. Обнаруживается применение форм уменьшительной и превосходной степеней сравнения прилагательных цветообозначения в древних источниках. Превосходная степень, образованная аналитическим путем (частица, образованная прибавлением *-p* к первой букве или к первым двум буквам прилагательного + цветообозначение), встречается в текстах, написанных уйгурским, манихейским письмами,

в словаре М. Кашгари, в поэме «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни:

ap aq 'совершенно белый', *ür ürünj* 'совершенно белый', *köp kök, kōm kök* 'совершенно синий', *sap sarıg* 'совершенно желтый' («Дивану лугат ат-турк»)³³, *qara qılqı barça bolur qar qara* 'поступки простого люда бывают всецело прескверными' («Кутадгу билиг»)³⁴, *kün täñri jaraqı qar qara közünür* 'свет божества солнца покажется черным-пречерным' («Хуастуанифт»)³⁵.

Прилагательное в уменьшительной степени сравнения *aqsıraq* 'беловатый' зафиксировано в памятнике Моюн-чуру: *aqsıraq ordu* 'беловатый лагерь'³⁶.

В ономастике. В древнетюркских памятниках встречаются антропонимы и топонимы с компонентами-цветообозначениями, в которых употребляются такие лексемы, как *qara* 'черный', *aq* 'белый', *sarıg* 'желтый', *jaşıl* 'зеленый', *kök* 'синий', *qizil* 'красный', *al* 'алый, розовый, рыжий':

Qara qum 'Кара-Кум' (топоним), *Qara buluq* 'Кара булуq' (название озера) (Памятник хану Моюн-чуру)³⁷, *Qara Ćur* 'Кара-Чур' (антроп.) (Памятник долины р. Талас)³⁸, *Qara köl* 'Кара-Кёль' (название озера), *Aq tärmäl* 'Ак тэрмэл' (название реки), *Kök öñ* 'Кёк онг' (название реки) (Памятник в честь Тоньюкука)³⁹, *Sarıg saman* (антроп.), *Sarıg tojin* (антроп.) (юр. док. уйгуров), *Sarıg Ćir* (антроп.) (памятник из Мирана)⁴⁰, *Aq kün* 'Ак-кюн' (антроп.), *Jaşıl ügüz* 'Яшил-угюз' (название реки) (Памятник в честь Кюль-Тегина)⁴¹, *Aq saj* 'Ак сай' (название местности), *Qizil öz* 'Кызыл уз' (название зимовки в горах Кашгара) («Дивану лугат ат-турк»)⁴² и др.

Кроме цветообозначений, в древнетюркских текстах встречаются слова, имеющие непосредственное отношение к классу цветообозначений, например лексемы, обозначающие светлоту / темноту или седину – *jariq* 'светлый', *ülüz* 'мрачный, темный (о солнце)', *aĭiq* 'светлый', *tulas* 'бледный', *Ćal* 'седой', *kökĆin* 'седой':

j(a)ruq küzümüz 'светлые глаза' («Алтун ярук»)⁴³, *kökĆin saqal* 'седая борода' («Кутадгу Билиг»)⁴⁴, *tulas jüz* 'бледное лицо' («Дивану лугат ат-турк»)⁴⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев цветообозначения, зафиксированные в письменных памятниках древнетюркского периода, можно выделить следующие особенности употребления лексем для выражения цвета:

- в памятниках встречаются почти все базовые цветообозначения, которые восходят своими корнями в глубокую древность: названия для спектральных, ахроматических, неспектральных и оттеночных цветов, названия мастей лошади, цветообозначения с ограниченной функциональностью;

- зафиксировано употребление двух вариантов лексем для белого цвета: *aq* ‘белый’ и *örün* ‘белый, светлый’, которые в то время имели четкие разграничения в семантике: *aq* в основном употреблялся для обозначения масти лошади, *örün* – как определение предметов белого цвета;
- отчетливо прослеживается многозначность цветообозначающей лексики: она, кроме обозначения цвета и масти животных, может выражать коннотативную семантику,

принимает активное участие в словообразовании, является компонентом ономастических терминов;

- по структуре цветообозначения в большинстве являются моноксемами, также встречаются формы степеней прилагательных цвета и аналитические названия.

В целом тексты древнетюркских памятников обладают высокой информативностью в изучении цветообозначающей лексики, их семантики и морфологических форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 116 с.; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 112 с.; Bang W und Rachmati G. R. Die Legende von Oğuz Qayan. SPAW. 1932. С. 1–44.
- ² Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.; Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / Пер. с араб. А. Р. Рустамова; Под ред. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. Т. 1. М.: Восточная литература, 2010. 461 с.; Kaşgari M. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. T. I. Ankara, 1939; Kaşgari M. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. T. III. Ankara, 1941; Yusuf Has Hacıp. Kutadgu Bilig I: metin. Ankara, 1999.
- ³ Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.; Clauson G. An Etymological Dictionary of the Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p.
- ⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.
- ⁵ Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк; Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов); Kaşgari M. Divanü lûgat-it-türk tercümesi.
- ⁶ Yusuf Has Hacıp. Kutadgu Bilig.
- ⁷ Древнетюркский словарь.
- ⁸ Clauson G. An Etymological Dictionary of the Thirteenth-Century Turkish.
- ⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 64, 69.
- ¹⁰ Там же. С. 28, 36.
- ¹¹ Там же. С. 31–32, 257.
- ¹² Там же. С. 81, 86.
- ¹³ Bang W und Rachmati G. R. Die Legende von Oğuz Qayan. С. 1–44.
- ¹⁴ Древнетюркский словарь. С. 32–33.
- ¹⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 61, 62.
- ¹⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 118, 122.
- ¹⁷ Там же. С. 32, 41.
- ¹⁸ Там же. С. 64, 69.
- ¹⁹ Там же. С. 83, 84, 90.
- ²⁰ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. С. 82.
- ²¹ Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк. С. 908–909.
- ²² Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. С. 75.
- ²³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 9, 10.
- ²⁴ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). С. 120, 152, 311.
- ²⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 18, 23.
- ²⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 81, 87.
- ²⁷ Древнетюркский словарь. С. 627.
- ²⁸ Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк. С. 908–909; Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). С. 104, 152, 283, 311, 353.
- ²⁹ Древнетюркский словарь. С. 32.
- ³⁰ Там же. С. 287.
- ³¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 80, 85.
- ³² Древнетюркский словарь. С. 246, 488.
- ³³ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). С. 80, 281, 311.

- ³⁴ Древнетюркский словарь. С. 423.
- ³⁵ Там же. С. 422.
- ³⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 36, 40.
- ³⁷ Там же. С. 35, 36, 39, 41.
- ³⁸ Там же. С. 60.
- ³⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 32, 42, 62, 66, 67.
- ⁴⁰ Древнетюркский словарь. С. 488.
- ⁴¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 30, 38.
- ⁴² Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). С. 113, 114.
- ⁴³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. С. 174, 181.
- ⁴⁴ Там же. С. 265, 285.
- ⁴⁵ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). С. 306.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абжапарова М. Д., Широбокова Н. Н. Способы словообразования цветообозначений в казахском, алтайском и русском языках (на примере ахроматических цветов) // Вестник ТГПУ. 2019. № 4. С. 49–56. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-49-56
2. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Наука, 1971. 380 с.
3. Божедонова А. Е. Семантика цветообозначения красный в эпических текстах (сопоставительный анализ на материале якутского олонхо и алтайских, хакасских эпосов) // Мир науки, культуры и образования. 2020. № 6. С. 493–494. DOI: 10.25587/k4197-4798-2737-0
4. Габышева Л. Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 6. С. 57–65. DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44569
5. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX века.). Л.: Наука, 1980. 256 с.
6. Муратова Р. Т. Историческое развитие и семантика цветообозначения аq ‘белый’ в башкирском языке (на общетюркском фоне) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 1. С. 21–31. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-21-31
7. Мусуков Б. А. Лексико-семантическое поле слова ала ‘пестрый, разноцветный; пегий’ в тюркских языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2. С. 300–304. DOI: 10.26140/bgjz-2019-0802-0072
8. Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников / Под общ. ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 88 с.
9. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV века. М.: Наука, 1974. 101 с.
10. Саматов К. Микросистемы ахроматических цветообозначений ак “белый”, кара “черный” и боз “серый” в кыргызском языке // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 14. С. 28–39.
11. Самситова Л. Х., Куланчин А. Ю. Отражение личных и указательных местоимений в словаре «Диван луга ат-турк» Махмуда аль-Кашгари и их соотношение с местоимениями современного башкирского языка // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6. С. 422–424.
12. Сувандии Н. Д. Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 195–206. DOI: 10.25178/nit.2019.4.16
13. Тенишев Э. Р. Древнеуйгурские надписи Киргизии // Народы Азии и Африки. 1964. № 1. С. 146–149.

Поступила в редакцию 27.07.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Rimma T. Muratova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher,
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4223-0675; bairima@yandex.ru

THE USE OF COLOR TERMS IN ANCIENT TURKIC WRITTEN SOURCES

Abstract. The relevance of the research is due to the lack of review and analysis of ancient Turkic sources for the study of the peculiarities of the use of color terms. In this regard, the research task is to identify the color-denoting vocabulary recorded in the written monuments of the ancient Turks, and to study their functioning from the point of view of their structural and semantic specifics. The purpose of the article is to outline the main trends in the use of color lexemes in the ancient period, both structurally and lexico-semantically. The research was carried out using the methods of continuous sampling, systematization, classification of lexical material and the descriptive analytical method. Published ancient Turkic written sources and lexicographic works based on these monuments were used as the research

material. The analysis of the color terms recorded in the studied sources revealed the following features of the use of lexemes for expressing color: the monuments contained almost all the basic color terms that date back to ancient times – names of spectral, achromatic, and non-spectral colors, names of horse coat colors, as well as color coding with limited functionality; the use of two variants of lexemes for white – *aq* and *örün* – was recorded, which at that time had clear distinction in semantics: *aq* was mainly used to describe the color of a horse, while *örün* was used for white objects in general; the polysemy of color-denoting vocabulary was clearly traced: besides describing colors, they can express connotative semantics, take an active part in word formation or act as the components of onomastic terms; in terms of their structure, most of the revealed color names are monolexemes, but there are also comparative forms of color adjectives and analytical names.

Key words: color terms, ancient Turkic written monuments, colorative epithets, metaphorization of coloronyms, Turkic languages

For citation: Muratova, R. T. The use of color terms in ancient Turkic written sources. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.634

REFERENCES

1. Abzhaparova, M. D., Shirobokova, N. N. Ways of color designation word formation in Kazakh, Altai and Russian languages (the study of achromatic colors). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2019;4:49–56. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-49-56 (In Russ.)
2. Aydarov, G. The language of the Orkhon monuments of the ancient Turkic written language of the VIII century. Alma-Ata, 1971. 380 p. (In Russ.)
3. Bozhedonova, A. E. Semantics of the red color in epic texts (comparative analysis based on the material of the Yakut Olonkho and Altai, Khakass epics). *The World of Science, Culture and Education*. 2020;6:493–494. DOI: 10.25587/k4197-4798-2737-o (In Russ.)
4. Gabysheva, L. L. Symbolic meanings of the red name in the languages and culture of Turkic peoples. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2019;6:57–65. DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44569 (In Russ.)
5. Kononov, A. N. The grammar of the Turkic runic monuments (VII–IX centuries). Leningrad, 1980. 256 p. (In Russ.)
6. Muratova, R. T. Historical development and semantics of color term *aq* ‘white’ in the Bashkir language (against the common Turkic background). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020;1:21–31. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-21-31 (In Russ.)
7. Musukov, B. A. Lexico-semantic field of word *ala* ‘motley, varicolored; piebald’ in Turkic languages. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8;2:300–304. DOI: 10.26140/bg23-2019-0802-0072 (In Russ.)
8. Nasilov, V. M. The language of the Orkhon-Yenisei monuments. (G. P. Serdyuchenko, Ed.). Moscow, 1960. 88 p. (In Russ.)
9. Nasilov, V. M. The language of the Turkic monuments of the Uighur script of the XI–XV centuries. Moscow, 1974. 101 p. (In Russ.)
10. Samatov, K. Microsystems achromatic color terms *ak* “white”, *kara* “black” and “gray” in Kyrgyz language. *Modern Problems of Science and Education*. 2017;14:28–39. (In Russ.)
11. Samsitova, L. H., Kulanchin, A. Yu. Reflection of personal and demonstrative pronouns in the “Divan Lugat at-Turk” dictionary of Mahmoud al-Kashgari and their interrelation with pronouns of the modern Bashkir language. *The World of Science, Culture and Education*. 2016;6:422–424. (In Russ.)
12. Suvandii, N. D. Place names of colour designation in Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2019;4:195–206. DOI: 10.25178/nit.2019.4.16 (In Russ.)
13. Tenishev, E. R. Ancient Uighur inscriptions of Kyrgyzstan. *Peoples of Asia and Africa*. 1964;1:146–149. (In Russ.)

Received: 27 July, 2020; accepted: 12 April, 2021

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ГАЛКИНА

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (Кострома, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7019-2413; gnpav@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЦЕЛЕВОГО СОЮЗА *ДАБЫ* В ПУБЛИЦИСТИКЕ XX–XXI ВЕКОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

А н н о т а ц и я . Изучение устаревшей лексики и уместности ее употребления представляет интерес с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка, особенно в современных условиях стандартизации, упрощения и унификации языков вообще и русского языка в частности. В статье представлен анализ использования малочастотного целевого союза *дабы* в публицистических текстах с точки зрения привносимых им значений. В лингвистической литературе он маркируется как устаревший, книжный, стилистически окрашенный. Автор исходит из того, что выбор нетипичных языковых средств следует рассматривать как показатель гибкости языка, его настройки на наиболее точное выражение смысла в данной коммуникативной ситуации. На конкретных примерах показано, что обращение к данному союзу в публицистических текстах оказывается стилистически релевантным, так как он может служить не только средством архаизации в целях создания исторического колорита, но и инструментом для придания оттенка торжественности, возвышенности, а также для имплицитного выражения авторской иронии, сарказма, оценочной позиции. Отмечены случаи, когда целевой компонент, вводимый союзом *дабы*, функционирует самостоятельно, отдельно от главного предложения, указывая скорее на призыв, побуждение, чем на цель. Таким образом, использование нетипичных средств связи коррелирует с основными функциями публицистического стиля: информационной, оценочной, побудительной, воздействующей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : оттенок значения, историческая коннотация, ирония, сарказм, волеизъявление, скрытый смысл, авторское отношение, стилистическое средство

Д л я ц и т и р о в а н и я : Галкина Н. П. Функционирование целевого союза *дабы* в публицистике XX–XXI веков: исторический и коммуникативный аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.635

ВВЕДЕНИЕ

Целью статьи является анализ использования целевого союза *дабы* в публицистике. В лингвистической литературе он маркируется как устаревший, книжный/высокий, стилистически окрашенный¹. Несомненно, в современном русском языке данный союз является малочастотным по сравнению с общеупотребительными *чтобы* и *для того чтобы*. Тем не менее представляют интерес не только широко употребительные, но и малопроодуктивные средства связи. Во-первых, в функциональном плане анализ их использования позволяет ответить на вопрос о том, что может и чего не может быть в данной разновидности языка. Во-вторых, мы исходим из того, что выбор нетипичных языковых средств следует рассматривать как показатель гибкости языка, его настройки на наиболее точное выражение смысла в конкретной коммуникативной

ситуации. Наконец, изучение устаревшей лексики и уместности ее употребления представляет интерес с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка, особенно в современных условиях стандартизации, упрощения, унификации или универсализации языков вообще и русского языка в частности.

Материалом для исследования послужили 900 сложноподчиненных предложений (далее СПП) с придаточными цели, выписанных методом сплошной выборки из печатных книг и интернет-изданий, периодических газет и журналов, содержащих аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно значимые темы («Аргументы и Факты», «Аргументы недели», «Комсомольская правда», «Новый мир», «Новая газета», «Солидарность», «Секретные материалы», «Секретные архивы» и др.). В выборе пути изучения языка исследование соответствует

духу Московской лингвистической школы, идейным основоположником которой был Ф. Ф. Фортунатов: «от формы к содержанию, и шире, от наблюдаемых фактов – к ненаблюдаемым» [8: 47]. В этом смысле последователи «формальной» школы Ф. Ф. Фортунатова при анализе СПП ключевую роль отводят функциональным союзам как выразителям смысловых отношений между частями предложения.

* * *

Исследователи истории русского языка указывают на широкую употребительность целевого союза *дабы* в старославянском и древнерусском языках. В. И. Бorkовский характеризует его как «самый употребительный целевой союз в древнерусском языке» [7: 228], отмечая при этом: «Он часто встречается как в летописях, так и в памятниках религиозного содержания, в деловых документах значительно менее употребителен» [7: 222]. По свидетельству исследователя, в старорусский период *дабы* стал вытесняться целевым союзом *чтобы*, оставляя за собой роль маркера «торжественно-приподнятого стиля» [7: 224], а в современном русском языке *дабы* употребляется как «архаизм» [3: 544]. По А. Н. Стеценко, *дабы* был наиболее распространенным среди союзов, выражающих отношения цели (главным образом в памятниках книжного языка). В XVII веке употребление *дабы* выходит за рамки книжной речи, его можно встретить в языке художественных произведений, деловых документов [12: 260–261]. Л. А. Булаховский отмечал, что союз *дабы* был очень распространенным в языке XVIII века и в первой половине XIX века [4: 375]. «Русская грамматика» маркирует *дабы* пометой ‘устаревший’ и ‘высокий’: «Союз *дабы*, уже в XIX в. имевший окраску устарелости, в современном языке сохраняет эту окраску либо употребляется в целях стилизации или иронически» [10: 595]. Л. Д. Беднарская в монографии, посвященной анализу развития системы сложного предложения «от Пушкина до наших дней», относит его к союзным средствам «архаико-эмотивной окрашенности» и говорит об оживлении их активности в современной художественной прозе [2: 79]. Таким образом, стилистическая отмеченность данного союза имеет давнюю историю. По результатам нашего исследования, охватывающего различные виды СПП со значением обусловленности, авторы публицистических произведений умело используют стилистический потенциал синтаксиса, в частности устаревшие/архаические средства связи СПП [5], [6]. Союз *дабы* среди них наиболее частотен (не считая бесспорно продуктивного *ибо*

в корпусе причинных СПП). Конструкции с ним составляют чуть менее 1,5 % в выборке целевых СПП, в то время как на архаические условные союзы *коли* и *кабы*, например, приходится менее 1 % в выборке условных СПП (0,3 % и 0,2 % соответственно). Отметим, что статистика онлайн-проекта «Русская корпусная грамматика» также показывает относительно высокую частотность союза *дабы* (по сравнению с упомянутыми выше условными *кабы* и *коли*) в Газетном корпусе – 17 вхождений на миллион всех словоупотреблений при показателе 40 вхождений на миллион в выборке основного корпуса, включающего различные стили высказывания [1], [9].

Обращение к данному союзу в публицистических текстах оказывается стилистически релевантным, так как он может служить не только средством архаизации в целях создания исторического колорита, но и строевым элементом для придания оттенка торжественности, возвышенности, а также для имплицитного выражения авторской иронии и сарказма. Это отвечает многообразию задач публицистики [11: 204–205]. В информационном плане публицистическое произведение должно отличаться конкретностью, обоснованностью, точностью фактов и в то же время общедоступностью, эмоциональностью, стремлением заинтересовать, «зацепить» читателя. Коммуникативная задача публицистической речи включает в себе экспрессивно-эмотивную, оценочную и воздействующую функции.

Устаревшая лексика способствует прежде всего созданию исторической коннотации. Например:

«Согласно одной из малоизвестных легенд, даже известь, *дабы* она не замерзала, приходилось разводить на спирту»².

Отсылка к истории здесь осуществляется не только упоминанием о легенде, но и благодаря употреблению устаревшего средства связи *дабы*.

В следующей конструкции оформление придаточного цели союзом *дабы* придает высказыванию оттенок возвышенности, торжественности:

«*Дабы* видели солдаты – сыны Родины, что сердцем он остался с ними», – будто бы сказал, умирая, Кутузов»³.

То, что целевой компонент в данном построении функционирует самостоятельно, отдельно от недостающего главного предложения, скорее указывает на призыв, побуждение, чем на цель. Ср., например: «Пусть видят солдаты – сыны Родины, что сердцем он остался с ними».

Здесь уместно обратиться к этимологии целевого союза *дабы*, которая свидетельствует о его происхождении от слияния частиц *да* и *бы*⁴. Исторически частица *бы* (застывшая форма

аориста глагола *быть*) является обязательным составным элементом почти всех целевых союзов. В семантике слова *дабы* немаловажной оказывается роль его первого строевого элемента – частицы *да*, которая имеет усилительное значение, может участвовать в выражении значения желательности, долженствования [3: 545]. См., например, фрагменты из толкования слова *да* в словаре Т. Ф. Ефремовой: употребляется при выражении настойчивой просьбы, побуждения, призыва или пожелания; соответствует по значению слову *пусть*; употребляется при придании большей выразительности высказыванию⁵. Следующие примеры иллюстрируют модальное значение желательности, волеизъявления, придаваемое целевым придаточным за счет их прикрепления союзом *дабы*.

1) «Ведь спасение, оказание первой помощи и лечение – это три основных постулата, которые нужно применять быстро, дабы спасти жизнь человеку»⁶. 2) «И ни Писаржевский, ни Болховитинов не скупятся на популяризацию непонятного, как не скупятся конструкторы на проработку деталей, дабы машина действовала»⁷. 3) «Так художники не скупятся на краски, дабы картина жила»⁸.

В приведенных примерах мы не наблюдаем исторической отсылки или оттенка возвышенности. В то же время замена союза *дабы* на нейтральное *чтобы* нивелирует компонент пожелания, волеизъявления в семантике предложения. Ср.: «Ведь спасение, оказание первой помощи и лечение – это три основных постулата, которые нужно применять быстро, чтобы спасти жизнь человеку». «Так художники не скупятся на краски, чтобы картина жила».

В следующем построении наряду со значением желательности со стороны тех, о ком говорится в предложении, присутствует оценочная позиция автора:

«Интеллектуалы на Западе давным-давно уже занимаются “прозаическими делами”... зарабатывают всеми возможными путями деньги, чтобы строить красивые и добротные дома, откладывать деньги на черный день, дабы дети и внуки могли “стричь купоны”, не впадая в нищету в случае жизненных неудач, дабы жены могли сами воспитывать своих детей, а не отдавать их под присмотр часто полуграмотных и нерадивых воспитательниц»⁹.

Как и в примерах, рассмотренных выше, в данном предложении союз *дабы* указывает на устремления, пожелания участников описываемых событий. В то же время его ‘возвышенность’ вступает в смысловой конфликт с заниженной лексикой: «прозаическими делами», на черный день, «стричь купоны», впадая в нищету, полуграмотных и нерадивых воспитатель-

ниц. Благодаря такому приему читатель замечает неудовлетворительное, критическое отношение автора к поведению его героев, которое передается и самому читателю.

Дихотомия книжное/разговорное исторически присуща русскому языку, благодаря чему «русский литературный язык обладает особыми стилистическими возможностями для выражения абстрактного, обобщенного, а также возвышенного поэтического содержания» [13: 188]. Органическое сочетание элементов книжности и разговорности как на лексическом, так и на синтаксическом уровне умело используется авторами в целях стилизации. На наш взгляд, такое сращение, своего рода лингвистический симбиоз, наиболее выпукло проявляется в публицистике, о чем свидетельствует вполне уместное использование авторами лексических и синтаксических средств с целью создания тропов – неотъемлемой характеристики публицистического стиля.

Рассмотрим предложение с союзом *дабы*, в котором наряду с исторической коннотацией присутствует ирония:

«Шведские эксперты не хотели возвеличивать “омужичившегося” графа Льва Николаевича, дабы оградить от воздействия опасного русского варварства европейскую цивилизацию»¹⁰.

Иронический оттенок здесь создается за счет использования эмоционально окрашенной оценочной лексики в контрастном контексте («омужичившийся» граф, опасное русское варварство – европейская цивилизация). Противопоставление буквального смысла слов и истинного значения высказывания, излишняя пафосность, привносимая подключением ‘высокого’ книжного союза *дабы*, позволяют создать обличающий скрытый смысл, противоположный позитивному контексту. Таким образом, автор прибегает к иронии, чтобы в иносказательной форме выразить свое негативное отношение, подчеркивая нелепость и комичность описываемой ситуации.

Приведем пример, в котором описываются события из современной жизни, без отсылки к истории:

«(Охваченные первоначальной перестроечной эйфорией, разве не уверовали и мы в то, что есть чудотворные методы преподавания, способные перевернуть всю школу?) И разве не бросились в далекие и близкие города, дабы узреть секреты эти, которыми владеют тамошние маги и кудесники от педагогики...»¹¹.

Как видно, в данном построении книжный союз *дабы* контрастирует на фоне преобладающей оценочной лексики как в самом, так

и в предшествующем ему предложении (*перестроечной эйфорией, разве не уверовали, чудотворные методы, перевернуть, бросились, тамошние маги и кудесники*). Таким образом, создавая иронический эффект, автор выражает негативную оценку описываемой ситуации.

В следующем предложении ирония доведена до сарказма:

«Поэтому либералу, барыге можно все – можно впаивать пенсионерам лежалый товар, можно проколоть колеса крестьянину, который решил продавать картошку с лотка, можно, шелохнув мизинцем, менять русское быдло на нерусское, дабы снижать издержки»¹².

Данное высказывание, буквально насыщенное заниженной оценочной лексикой, словно «выкрикивает» субъективное неприятие и осуждение автора, подвергающего жесткой критике уродливые явления действительности. Подключение к целевому придаточному союзу *дабы*, несомненно, является здесь стилистически релевантным, усиливая саркастический эффект. Ср.: «...менять русское быдло на нерусское, чтобы / для того чтобы снижать издержки».

Приведем пример, в котором *дабы* маркирует парцеллированное придаточное, что придает ему оттенок присоединительности, субъективного дополнения, имплицитно указывает на ироническое отношение автора к целевым, побудительным мотивам разработчиков некоей «Единой обязательной идеологии»:

«Установление Единой обязательной идеологии автоматически вызовет (потребуется!) полную отмену существующего разноречия во всем, что относится к нематериальной стороне жизни страны, государства, общества. Дабы не было того, что называют разнообразием или многообразием»¹³.

Очевидно, что именно союз *дабы* придает парцеллированному придаточному эффект язвительного замечания.

Следующее построение обращает на себя внимание неслучайным, умелым сочетанием стилистически окрашенного *дабы* и нейтрального *чтобы* при оформлении однородных придаточных:

«Но что важнее: дабы ученик знал, что Пушкин чувства добрые лирой пробуждал, или чтобы эта лира отозвалась в юной душе?»¹⁴

Все предложение представляет собой полемический альтернативный вопрос. Первое придаточное, введенное книжным союзом *дабы*, приобретает оттенок возвышенности, которая выглядит излишней на фоне второго, «безоценочного» придаточного, стандартно прикрепленного нейтральным союзом *чтобы*. Благодаря такому оформлению содержание второго целевого компонента, альтернативно представленного автором в виде вопроса, воспринимается как норма. Данный пример интересен еще и тем, что демонстрирует стилистические возможности синтаксиса без, так сказать, специальной или сопутствующей лексической поддержки, поскольку здесь нет стилистически отмеченной лексики. Таким образом, лишь средствами синтаксиса автор имплицитно маркирует свою позицию и предпочтение, искусно и ненавязчиво указывает на правильный выбор в предложенной им альтернативе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы описали все обнаруженные нами случаи употребления союза *дабы* в исследуемом корпусе целевых СПП. Они свидетельствуют о мотивированном выборе авторами данного языкового средства в соответствии с коммуникативной установкой / интенцией. На примере анализа конструкций с устаревшим союзом *дабы* показано, что использование нетипичных средств связи коррелирует с основными функциями публицистического стиля (информационной, оценочной, побудительной, воздействующей) и, таким образом, является стилистически оправданным. Журналисты обращаются к таким средствам с целью маркировки высокого стиля, добавления исторического колорита, придания шутливого или комического оттенка, создания приема иронии или сарказма, привнесения дополнительных смысловых элементов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 11.05.2019); Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01> (дата обращения 12.07.2019); Глинкина Л. А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. С. 88; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 150; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 481.

² Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. С. 104 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения 10.05.2019).

- ³ Там же. С. 22.
- ⁴ Глинкина Л. А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка. С. 88; Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov> (дата обращения 30.06.2020); Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 3-е изд., испр. М.: Дрофа, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения 30.06.2020).
- ⁵ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%B4/%D0%B4%D0%B0> (дата обращения 30.06.2020).
- ⁶ Конев Г. Лед хрупкий и очень опасный // Аргументы недели. 2019. № 50 (694). 25–31 декабря. С. 23.
- ⁷ Данин Д. Жажда ясности // Новый мир. 1960. № 3. С. 225.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Кива А. Intelligencia в час испытаний // Новый мир. 1993. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1993_8/Content/Publication6_6083/Default.aspx (дата обращения 03.04.2020).
- ¹⁰ Кожин В. В. Нобелевский миф. С. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=15263&p=1> (дата обращения 30.05.2019).
- ¹¹ Айзерман Л. Дети гласности // Новый мир. 1993. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1993_8/Content/Publication6_6088/Default.aspx (дата обращения 03.04.2020).
- ¹² Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы. С. 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения 30.04.2019).
- ¹³ Баймухаметов С. О повторном введении еднomyслия // Новая газета. 2019. 26 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/26/80665-o-povtornom-vvedenii-edinomyслия> (дата обращения 03.06.2019).
- ¹⁴ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы (дата обращения 30.06.2020).
2. Беднарская Л. Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий: Монография. Орел: ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. 170 с.
3. Боровский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965. 555 с.
4. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
5. Галкина Н. П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике // Известия Смоленского государственного университета, 2021. № 1 (53). С. 86–101. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-86-101
6. Галкина Н. П. Причинный союз *ибо*: устаревший или незаслуженно забытый? // Актуальные вопросы современного языкознания и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: теория и практика: Сб. статей и тезисов выступлений межвуз. науч.-метод. семинара преподавателей иностранных языков. Кострома: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, 2020. С. 83–92.
7. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В. И. Боровского. М.: Наука, 1979. 464 с.
8. Кузнецов С. Н. Языкознание и интерлингвистика: программы лекционных курсов (МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997–2014) // Современная наука. 2014. № 1. С. 45–63.
9. Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 23.12.2019).
10. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др. М.: Наука, 1982. 709 с.
11. Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 253 с.
12. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка: Учеб. пособие для пед. ин-тов и филол. факультетов ун-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высш. школа, 1977. 352 с.
13. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

Поступила в редакцию 05.08.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Natalia P. Galkina, Cand. Sc. (Philology), Professor, Nuclear, Biological and Chemical Defense Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko (Kostroma, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-7019-2413; gnpav@mail.ru

PURPOSE CONJUNCTION *ДАБЫ* AND ITS FUNCTIONING IN THE JOURNALISM OF THE XX AND XXI CENTURIES: HISTORICAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS

Abstract. The study of outdated vocabulary and the appropriateness of its use is of interest from the point of view of the development and preservation of the language richness and variability, especially amid current standardization, simplification and unification of languages in general and the Russian language in particular. The article presents analysis of the use of a low-frequency conjunction of purpose *дабы* in publicist texts from the point of view of the meanings it can bring. In linguistic literature, it is labeled as outdated, bookish, and stylistically colored. The author assumes that the choice of atypical linguistic means should be considered an indicator of the language flexibility and its adjustment to the most accurate expression of meaning in a given communicative situation. The author uses specific examples to show that the use of this conjunction in publicist texts is stylistically relevant, since it can serve not only as a means of archaization for adding some historical color, but also as a tool for giving the text a touch of solemnity and sublimity, as well as for implicit expression of the author's irony, sarcasm or evaluation. In particular cases, the purpose component introduced by the conjunction *дабы* may function independently, separately from the main sentence/clause, indicating a call or motivation rather than a goal. Thus, the use of atypical means of communication correlates with such main functions of the journalistic style as providing information, evaluation, incentive, and influence.

Key words: shade of meaning, historical connotation, irony, sarcasm, will, hidden meaning, author's attitude, stylistic means

For citation: Galkina, N. P. Purpose conjunction *дабы* and its functioning in the journalism of the XX and XXI centuries: historical and communicative aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.635

REFERENCES

1. Apresyan, V. Yu., Pekelis, O. E. Subordinate conjunctions. Materials for the draft corpus description of Russian grammar. Moscow, 2012. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 30.06.2020). (In Russ.)
2. Bednarskaya, L. D. Main patterns in the development of a complex sentence in the language of Russian literary prose of the XIX–XX centuries: Monograph. Oryol, 2014. 170 p. (In Russ.)
3. Borkovsky, V. I., Kuznetsov, P. S. Historical grammar of the Russian language. Moscow, 1965. 555 p. (In Russ.)
4. Bulakhovsky, L. A. Russian literary language of the first half of the XIX century. Moscow, 1954. 468 p. (In Russ.)
5. Galkina, N. P. The role and place of archaic conjunctions in modern journalism. *Izvestia of Smolensk State University*. 2021;53(1):86–101. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-86-101 (In Russ.)
6. Galkina, N. P. A causal conjunction *убо*: archaic or unfairly ignored? *Actual issues of modern linguistics and trends in the teaching of foreign languages in a non-linguistic university: theory and practice*. Kostroma, 2020. P. 83–92. (In Russ.)
7. Historical grammar of the Russian language. Syntax. Complex sentence. (V. I. Borkovsky, Ed.). Moscow, 1979. 464 p. (In Russ.)
8. Kuznetsov, S. N. Linguistics and interlinguistics: programs of the two lecture courses at Lomonosov Moscow State University (1997–2014). *Modern Science*. 2014;1:45–63. (In Russ.)
9. Draft corpus description of Russian grammar. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 23.12.2019). (In Russ.)
10. Russian grammar: In 2 volumes. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. II. Syntax (E. A. Bryzgunova, K. V. Gabuchan, V. A. Tsikovich et al.). Moscow, 1982. 709 p. (In Russ.)
11. Solganik, G. Ya. Text stylistics: Textbook. Third edition. Moscow, 2001. 253 p. (In Russ.)
12. Stetsenko, A. N. Historical syntax of the Russian language. Second edition, revised and expanded. Moscow, 1977. 352 p. (In Russ.)
13. Uspensky, B. A. A brief history of the Russian literary language (XI–XIX centuries). Moscow, 1994. 240 p. (In Russ.)

Received: 5 August, 2020; accepted: 12 April, 2021

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ОПОЛОВНИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук
Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7540-5975; omw@mail.ru

ИННА ВЛАДИМИРОВНА КОКУРИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук
Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5451-6203; inna-kokurina@mail.ru

**ФУНКЦИИ ЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ
(на материале современной карикатуры)**

А н н о т а ц и я . Статья посвящена рассмотрению специфики функционирования логических частиц в креолизованных текстах. Усиление роли визуальной информации привело к появлению большого количества поликодовых текстов, которые рассматриваются во многих междисциплинарных исследованиях. Внимание ученых фокусируется в основном на лексических, риторических и стилистических средствах, а служебные части речи, в частности частицы, не исследуются, что определяет актуальность представленной работы. В качестве гипотезы было принято предположение, что специфика карикатуры как поликодового текста влечет за собой и специфику функционирования исследуемого класса слов. В результате исследования было установлено, что особенности функционирования логических частиц обусловлены, с одной стороны, критическим целеполаганием карикатуры, а с другой стороны, наличием визуального компонента. Отмечается, что поликодовость текста карикатуры влияет на тип и выраженность соотносимых частицей понятий, которые могут быть выражены вербально и/или визуально либо быть имплицитными. Выделяется новая функция логических частиц – синтезирующая, то есть функция обеспечения связи вербальных и визуальных элементов семиотически осложненного текста. При этом визуальный компонент может дополнять, уточнять или противоречить вербальному, вскрывая дополнительные смыслы. Устанавливается, что частицы способны актуализировать информацию, передаваемую иконическими средствами, способствуя достижению определенного прагматического эффекта, который определяется предназначением карикатуры давать критическую оценку различным факторам актуальной общественно-политической жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : креолизованный текст, карикатура, логические частицы, функция, рема, прагматика
Д л я ц и т и р о в а н и я : Ополовникова М. В., Кокурина И. В. Функции логических частиц в креолизованном тексте (на материале современной карикатуры) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.636

ВВЕДЕНИЕ

Современные люди живут в мире, насыщенном визуальными образами, уже в детстве ребенок сталкивается с иллюстрациями в книгах или произведениями искусства, мультфильмами, кинематографом, рекламой. За последние десятилетия визуальная культура подверглась кардинальному изменению и проникла во все сферы жизни человека, стала его постоянным спутником. Кроме того, научно-технический прогресс, дигитализация и постоянный цифровой обмен привели не только к повышению комфорта повседневной жизни, но и к посто-

янному цейтноту, следствием которого стали новые требования человека к источникам информации. Данные процессы способствовали усилению роли визуальной информации по сравнению с вербальной, что нашло отражение в широком распространении креолизованных текстов и возросшем интересе к ним ученых. Отмечается, что

«манифестация интереса к визуальности со стороны представителей различных наук побудила более радикальных исследователей объявить о смене парадигмы в области социально-гуманитарного знания – визуальном повороте» [3: 186],

«авангардом» которого сегодня являются масс-медиа [6: 228].

В последние десятилетия появились междисциплинарные работы, в которых рассматриваются разные виды семиотически осложненных текстов, то есть текстов, включающих, наряду с традиционным вербальным, также компоненты другой знаковой системы. Для интерпретации поликодовых сообщений необходимо декодирование информации из обеих частей, при этом комплекс изображений и слов не является простой «суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл»¹.

В рамках изучения креолизованных текстов объектами анализа становятся комиксы, печатная и видеореклама, предвыборный плакат и др. Большое количество исследований посвящено также политической карикатуре, о которой речь пойдет и в нашей работе.

А. В. Дмитриев отмечает, что карикатура – одна из важнейших форм невербального общения людей, которую можно найти уже в рисунках Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима [2: 107]. Широкое распространение данного жанра началось в середине XIX века, в наши дни карикатура переживает новый расцвет благодаря развитию информационных технологий.

Карикатура как элемент политической коммуникации используется в качестве средства давления в ситуации общественных разногласий и стремится привлечь внимание реципиента к сложившемуся положению вещей [12: 73]. Несмотря на свой небольшой объем, данный вид текста способен в короткое время актуализировать в сознании читателя большой пласт информации, поскольку, с одной стороны, он апеллирует к определенной прецедентной ситуации, с другой стороны, задействует как аргументативную логику вербальной коммуникации, так и специфическую ассоциативную логику визуальных образов [11: 51]. Таким образом, карикатура – это не просто иллюстрация, а мыслительный и одновременно эмоциональный импульс, который требует от реципиента уже в момент зрительного восприятия толкования и уточнения изображенного и тем самым активной интеллектуальной работы [13: 25], [16: 11]. По степени воздействия на реципиента ученые сравнивают карикатуру с такими жанрами, как басня, памфлет, эпиграмма [7: 27], а также с аналитическим комментарием [15: 147]. Как жанр карикатура базируется одновременно на разных принципах: будучи образной и юмористической в плане вы-

ражения, она является острой, наводящей на размышления или концептуальной в транслируемом послании [14: 127].

Вербальный компонент карикатуры характеризуется малым объемом, однако он должен оперировать емкими лексическими единицами и грамматическими структурами, чтобы в полной мере реализовать интенцию автора и добиться необходимого коммуникативно-прагматического эффекта. Одним из средств, позволяющих ввести в фокус рассмотрения целый пласт дополнительной информации и сформировать желаемую оценку, являются логические частицы.

Наиболее богаты частицами немецкий и русский языки. На материале немецкого языка класс логических частиц, противопоставленный модальным и грамматическим, был впервые выделен и системно описан в работах профессора Н. А. Тороповой [8], [9], по ее данным, в него входят 43 единицы, большинство из которых, однако, полифункциональны. Закономерности функционирования этого класса слов определяются законами формальной логики, поэтому они схожи во всех языках. Любая логическая частица сопровождает знаменательное слово (ядро) и соотносит его со смежным понятием (коррелятом). Традиционно выделяют две основные функции логических частиц: текстообразующую и коммуникативную (ремовыделительную). Отмечается, что для выявления сущности частиц недостаточно рамки изолированных предложений, а требуется непременно привлечение текстовых категорий², на основании чего можно выдвинуть предположение, что специфика текста влечет за собой и специфику функционирования отмеченного класса слов. В связи с этим представляется интересным рассмотреть использование логических частиц в рамках карикатуры как одного из видов семиотически осложненного текста. Кроме того, интерес к функциям частиц обусловлен

«ярким несоответствием между фактически нулевым структурно-модельным статусом частицы как служебного слова, с одной стороны, и усиленным коммуникативно-прагматическим статусом частицы в тексте» [4: 52].

Исследование проводится на материале немецкоязычных работ, опубликованных на сайте конкурса политической фотографии и карикатуры Rückblende³ и на портале сообщества карикатуристов toonpool⁴ в 2019–2020 годах. Полученные данные могут быть экстраполированы и на особенности функционирования частиц в других языках, в частности английском и русском.

В результате анализа корпуса фактического материала было выявлено, что логические частицы не только выполняют основные функции, устанавливая корреляцию между однородными понятиями и маркируя ядерный элемент в качестве ремы, но и расширяют комплекс своих функционально-текстовых характеристик, осуществляя синтез компонентов поликодового текста и способствуя достижению определенного прагматического эффекта, который определяется предназначением карикатуры давать критическую оценку различным факторам актуальной общественно-политической жизни. Рассмотрим каждую из этих функций подробнее.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ

Любая логическая частица соотносит в тексте смежные понятия: ядро, которое она непосредственно сопровождает, и коррелят, который благодаря частице вводится в фокус рассмотрения как понятие, однородное ядерному. Коррелят может быть вербально выраженным в тексте либо имплицитным.

Проиллюстрируем функцию соотносения однородных понятий на примере использования частиц в карикатуре «Hunde mit Burnout» (рис. 1). В левой части карикатуры изображены две собаки, которые встретились на прогулке. Одна спрашивает другую: «Hey, ist dein Herrchen **auch** in der Quarantäne?» (Твой хозяин **тоже** на карантине?). Вторая отвечает: «Nö. **Nur** zu faul zum Rausgehen» (Нет, **просто** ленился выходить из дома.). Частица *nur* (только / просто), имеющая в данном случае ограничительно-выделительное значение, соотносит ядерный элемент *zu faul zum Rausgehen sein* (лениться выходить) с коррелятом *in Quarantäne sein* (быть на карантине). Благодаря частице в текст вводится элемент сравнения, и реципиент понимает, что одна причина отсутствия хозяина на прогулке (ядро) является менее весомой, чем другая (коррелят).

Частица *auch* (тоже), имеющая добавительное значение, соотносит ядро *dein Herrchen* (твой хозяин) с имплицитным коррелятом *mein Herrchen* (мой хозяин), который легко восстанавливается благодаря прагматической пресуппозиции (знанию ситуации) и парадигматическим связям смежных понятий *твой – мой*.

В правой части карикатуры изображена еще одна собака, которая комментирует разговор первых двух: «Habt ihr es gut! Mein Frauchen zerrt mich zur Zeit 20 x am Tag raus!» (Везет вам! Моя хозяйка тащит меня гулять 20 раз на день!). Изображения хозяйки на карикатуре

нет, но есть ее реплика: «Komm Bello. **Noch** eine Runde!» (Белло, ко мне, **еще** кружок!). Логическая частица *noch* (еще) с добавительным значением, выделяя в качестве ядра существительное *eine Runde* (круг), сигнализирует о том, что этот круг не первый, были другие, и эта информация также находит косвенное отражение в визуальном компоненте карикатуры: собака пробежала уже так много кругов, что, обессилев, лежит на траве. Таким образом, частица здесь не только выполняет текстообразующую функцию, но и способствует взаимодействию вербального и иконического компонентов в семиотически неоднородном тексте. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о новой функции логических частиц – синтезирующей. Остановимся на ней подробнее.

Рис. 1. Hunde mit Burnout

Figure 1. Dogs with burnout

СИНТЕЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ

Логические частицы зачастую выступают в функции связующего звена между вербальным и иконическим компонентами карикатуры, поскольку соотносимые частицами однородные понятия могут не только присутствовать (эксплицитно или имплицитно) в текстовой части, но и представляться визуально, при этом изображаются либо ядро, либо противочлен, либо оба смежных элемента. Следует отметить, что между вербальной и визуальной составляющими креолизованного текста наблюдаются различные виды корреляции: параллельная, перекрестная, оппозитивная, интерпретативная, поддерживающая [1: 35–37]. Обратимся к примерам.

Синтезирующая функция логической частицы *auch* ярко проявляется в карикатуре Atemnot (рис. 2), на которой представлена антирасистская демонстрация. Протесты в мае 2020 года были вызваны инцидентом, в ходе которого сотрудник полиции Миннеаполиса задушил афроамериканца Джорджа Флойда. На карикатуре демонстранты несут лозунги «Black lives matter» (Жизнь чернокожих имеет значение) и «I can't breathe» (Я не могу дышать).

(Я не могу дышать), а немецкий бургер, в маске и с сумкой для покупок, реагирует на это фразой: «Na und – ich **auch** nicht!» (И что? Я **тоже**!). Частица **auch** соотносит ядерный элемент **ich** (я) и противочлен **I** (я), при этом оба коррелирующих компонента находят отражение в визуальной части (фигура немецкого бургера и фигуры демонстрантов, ассоциирующих себя с задушенным чернокожим соотечественником). Смежные понятия объединяются частицей на основании одного и того же действия – невозможности дышать, а иконический компонент иллюстрирует разницу в причинах, приведших к этому состоянию: жестокость и противоправные действия полицейского, с одной стороны, и необходимость носить маску для защиты от коронавируса – с другой. Благодаря синтезирующей функции частиц смежность ядра и коррелята переносится на иконический уровень, за счет чего разница между отмеченными явлениями стирается, они ставятся на один уровень и рассматриваются как равнозначные. В данном случае наблюдается перекрестная корреляция вербального и невербального компонентов креолизованного текста. Кроме того, соотнесение в рамках одной коммуникативной ситуации двух понятий, выраженных средствами разных языков, свидетельствует об универсальности логических частиц, механизм функционирования которых обусловлен не столько семантическими особенностями конкретного языка, сколько законами формальной логики.

Рис. 2. Atemnot
Figure 2. Shortness of breath

Другой тип корреляции компонентов поликодового текста наблюдается в карикатуре «Maduro forever» (рис. 3), которая представляет президента Венесуэлы и его соратников во время выступления перед жителями страны. Лидер государства, обращаясь к своему народу по-

сле инаугурации в январе 2019 года, говорит: «Volk von Venezuela, wir haben unseren kompletten Reichtum verpasst, wir haben nichts mehr – aber ihr habt ja immer **noch** mich!» (Народ Венесуэлы! Мы потеряли все наше богатство, у нас больше ничего не осталось, – но ведь у вас все **еще** есть я!). Грамматическая основа **ihr habt mich** (у вас есть я) является ядром логической частицы **posch**, которое находит отражение также и в иконической части. Изображение Н. Мадуро выступает в качестве референта личного местоимения **mich**. Коррелят в данном примере имплицитен, что типично для частицы **posch** с темпоральным значением, актуализирующей в сознании реципиента пресуппозицию ожидания и сигнализирующей, что действие к указанному моменту времени должно было закончиться, что, однако, не соответствует действительности. Итоги выборов в Венесуэле также противоречат ожиданиям оппозиции и солидарных с ней западных политических лидеров, желающих видеть на посту президента своего кандидата. Кроме того, возникновению такого ожидания способствует контекст, свидетельствующий о том, что действующая власть продемонстрировала свою экономическую несостоятельность. Визуальный компонент находится в поддерживающей корреляции с вербальным, дополняя его семантику.

Рис. 3. Maduro forever
Figure 3. Maduro forever

Частица, выстраивающая взаимодействие различных кодов семиотически неоднородного текста, реализует коммуникативное намерение автора и в следующем случае. На карикатуре «Wirecard Merkel China» (рис. 4) изображена А. Меркель во время государственного визита в Китай в июле 2020 года. Обращаясь к лидеру КНР, бундесканцлер говорит: «Ich möchte mit Ihnen **nur** über Menschenrechte reden» (Я бы хотела обсудить с Вами **только** права человека). Логическая

частица *nur* (только), имеющая в данном примере ограничительное значение, сопровождается ядерный элемент *Menschenrechte* (права человека), выделяя его как самый актуальный на фоне всех остальных вопросов (коррелята). Противочлен не представлен в репликах героев карикатуры, однако находит отражение в визуальном компоненте: внешний вид А. Меркель дает реципиенту возможность понять, что она заинтересована прежде всего в продвижении экономических интересов ведущих немецких промышленных и финансовых компаний. Таким образом, вербальный и иконический компоненты карикатуры находятся в оппозитивной корреляции, именно синтезирующая функция частицы способствует созданию этого противоречия.

Рис. 4. Wirecard Merkel China
Figure 4. Wirecard Merkel China

Синтезирующая функция логической частицы *nur* с добавительным значением прослеживается и в карикатуре «EU und Apple» (рис. 5). Фигуры быка и молодой женщины, символизирующие Евросоюз, стоят перед яблоней, с которой им удалось стрясти все плоды, кроме одного, повторяющего логотип фирмы Apple. Девушка убеждает быка: «Du musst **noch** einen Anlauf nehmen, der große Apfel fällt einfach nicht runter...» (Тебе нужно **еще** раз разбежаться, это большое яблоко просто так не упадет). Речь идет о судебных разбирательствах ЕС и указанной корпорации, в ходе которых Европейский суд отменил решение Еврокомиссии о взыскании с фирмы 13 миллиардов евро за нарушение норм налогообложения. Логическая частица относится к ядерному элементу *einen Anlauf nehmen* (разбежаться), коррелят имплицитный, но семантическая пресуппозиция самой частицы помогает его легко восстановить (бык уже разбежался), а визуальный компонент косвенно иллюстрирует этот противочлен, пред-

ставляя его следствие (падающие яблоки, шишка на лбу быка и искры из глаз, символизирующие одновременно и Евросоюз, и силу удара). При этом визуальный и вербальный компоненты карикатуры находятся в отношении поддерживающей корреляции, которая устанавливается частицей.

Рис. 5. EU und Apple
Figure 5. EU und Apple

Особый интерес представляют случаи, в которых оба смежных понятия (ядро и коррелят) не выражены вербально, но визуализированы, как, например, в карикатуре «Im harten Griff» (рис. 6). На рисунке изображены А. Лашет, премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия, и К. Теннис, владелец крупнейшего в Европе мясокомбината в Гютерсло. Из-за вспышки коронавируса на его предприятии в июне 2020 года показатели заболеваемости выросли как в городе, так и во всей федеральной земле. А. Лашет держит в руке дырявый мешок, из которого в разные стороны разбегаются шарики вируса, и обращается к предпринимателю с вопросом: «Na, **auch** alles im Griff?» (Ну что, **тоже** все контролируешь?). В качестве ядерного элемента частицы *auch* можно рассматривать личное местоимение *du* (ты), которое в данной фразе элиминировано, что допускается в разговорной диалогической речи, однако референт местоимения представлен в иконической части карикатуры. Коррелят частицы имплицитен, но также легко восстанавливается (личное местоимение *я*) и находит отражение на рисунке. Благодаря синтезирующей функции логической частицы *auch* с добавительным значением внимание реципиента фокусируется на противоречии между смыслами, формируемыми разными семиотическими системами. Таким образом, вербальный и визуальный элементы карикатуры находятся в оппозитивной корреляции.

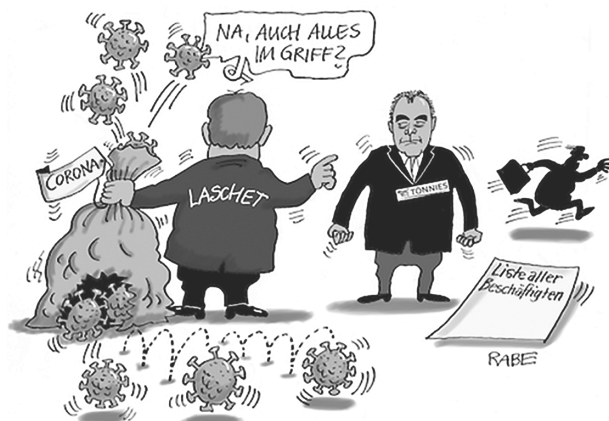

Рис. 6. Im harten Griff

Figure 6. In a tough grip

Обобщая вышесказанное, отметим, что логические частицы, опираясь на свою семантику и способность соотносить однородные понятия, выполняют в рамках креолизованных текстов дополнительную синтезирующую функцию, устанавливая смысловые связи между элементами поликодового текста.

Еще одной важной характеристикой логических частиц считается их способность определять коммуникативный фокус высказывания. Обратимся к рассмотрению коммуникативно-прагматических функций частиц.

РЕМОВЫДЕЛИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ

Традиционно считается, что все логические частицы выполняют коммуникативную функцию, то есть являются маркерами ремы, выделяя ядро как наиболее значимый в информационном плане элемент высказывания. В карикатурах эта функция также реализуется.

В левой части карикатуры «Lex Cum Ex» (рис. 7) изображен довольный финансист, открывающий бутылку шампанского, а в правой части – двое нищих, собирающих бутылки в мусорном контейнере. Автор критикует сложившуюся в Германии ситуацию: в силу вступил новый закон, благодаря которому многие банкиры-злоумышленники получают право не возвращать миллиарды евро, полученные из федерального бюджета в качестве возмещения налоговых выплат при мошеннической торговле ценными бумагами. Один из бродяг говорит: «Sich es positiv. Durch den Trickle-Down-Effekt haben am Ende **auch** wir was davon» (Надо видеть хорошее. Благодаря эффекту Trickle-Down мы **тоже** будем в выигрыше). Частица **auch** (тоже) относится к личному местоимению **wir** (мы) и маркирует его в качестве ремы высказывания. Несмотря

на то что личные местоимения выражают данное и, как правило, являются темой, сопровождающая их логическая частица всегда ведет к нарушению этой закономерности и выделяет их как новую и наиболее важную в коммуникативном плане информацию, на которой фокусируется основное внимание реципиента. Референт данного местоимения (нищие у помойки) представлен в визуальной части креолизованного текста. Логическая частица соотносит ядерный элемент с вербально выраженным в предтексте коррелятом *die Cum-Ex-Betrüger* (Cum-Ex-мошенники), являющимся скорее антонимом, чем однородным понятием, поскольку герои карикатуры находятся на противоположных концах социальной лестницы. Данное противопоставление, созданию которого способствует логическая частица **auch**, подчеркивает абсурдность сложившейся в Германии ситуации и является основой для возникновения сатирического эффекта.

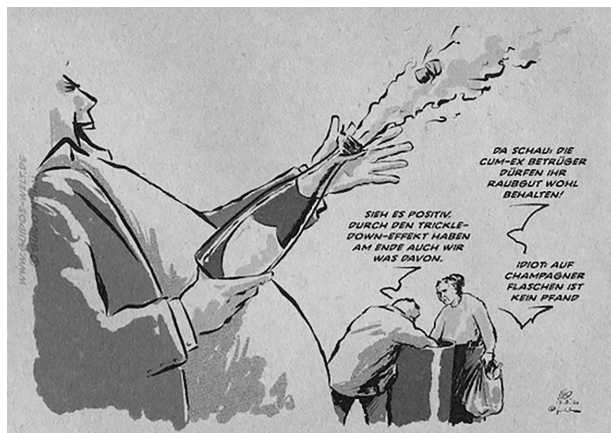

Рис. 7. Lex Cum Ex

Figure 7. Lex Cum Ex

Таким образом, в карикатуре, как и в семиотически гомогенном тексте, частица может маркировать в качестве ремы любой элемент высказывания. При этом она не просто выделяет значимость некоторого элемента в информационном плане, но и формирует дополнительные оценочные смыслы, что позволяет говорить о наличии у нее прагматической функции. Рассмотрим ее подробнее.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ

Логические частицы в карикатуре способствуют созданию необходимого автору эмоционально-экспрессивного, воздействующего, персуазивного эффекта, что свидетельствует о наличии у них прагматической функции. Манипулятивный потенциал частиц в политическом дискурсе

исследовался на материале семиотически однородных текстов (см., напр., [5], [10]). В карикатуре, имеющей сатирическую направленность и нацеленной на острую критику актуальной общественно-политической ситуации, частицы также реализуют свой прагматический потенциал, формируя или усиливая негативную оценку происходящего. Рассмотрим данную функцию частиц в креолизованном тексте более детально.

На карикатуре «Geschlechtergerechte Sprache» (рис. 8) изображена презентация нового издания знаменитого словаря Дуден. Выступающий говорит: «Wir haben jetzt **auch** den Duden in geschlechtergerechter Sprache vorliegen» (Теперь у нас есть **и** Дуден на гендерно-корректном языке). Логическая частица *auch* с добавительным значением сопровождает ядерный элемент *der Duden* и выделяет его в качестве ремы. Коррелят в данном случае имплицитен, но может быть восстановлен благодаря нашим знаниям о мире: в Германии, как и в большинстве развитых стран, все большее внимание уделяется борьбе с гендерной дискриминацией и использованию гендерно нейтральных формулировок в официальных документах. Визуальный компонент иллюстрирует ядро частицы, представляя новую версию словаря с названием, получившим суффикс женского рода, «Die Dudin», что подчеркивает абсурдность ситуации и создает комический эффект.

Рис. 8. Geschlechtergerechte Sprache
Figure 8. Gender-appropriate language

Прагматическое воздействие также может базироваться на оппозитивной корреляции вербального и визуального элементов, возникающей благодаря использованию частицы, как на карикатуре «Diagnose» (рис. 9). На рисунке в виде спичек представлены врач и его посетители, причем одна из спичек-посетителей изображена со сгоревшей головкой. Успокаивая больного, медик говорит: «Keine Sorge, das ist **nur** 'ne kleine Entzündung» (Не бойтесь, это **про-**

сто небольшое воспаление). Логическая частица *nur* (только) относится к ядерному элементу *eine kleine Entzündung* (небольшое воспаление) и выделяет его как меньшую из возможных проблем на фоне коррелята (коронавируса), однако визуализация ядра позволяет понять всю серьезность проблемы.

Рис. 9. Diagnose
Figure 9. Diagnosis

Прагматический потенциал логических частиц раскрывается и в карикатуре «EU Machtpoker» (рис. 10), на которой изображена пара, сидящая за столиком в ресторане и желающая сделать заказ. На заднем плане видна дверь, ведущая в служебное помещение. По плакату на стене и символике на меню можно сделать вывод, что это помещение является метафорическим изображением Евросоюза. Посетители пытаются позвать официанта: «Hallo?! Wir haben gewählt!» (Э-э-эй! Мы выбрали!). Из служебного помещения доносится ответ: «Moment, wir rockern **noch**!» (Минутку, мы **еще** сражаемся!). Карикатура базируется на двух популярных метафорических моделях: Политика — это Кухня и Политика — это Игра. Логическая частица *noch* (еще) с темпоральным значением относится к полисемантической лексеме *rockern*, которую можно трактовать как в прямом ('играть в покер'), так и в переносном значении ('вести скрытую борьбу'), и оба прочтения поддерживаются как вербальным, так и визуальным контекстом. Таким образом, за ситуацией из повседневной жизни скрывается критика положения, сложившегося после выборов в парламент ЕС: формально председатель Еврокомиссии выбирается Советом Европейского союза, однако существенное влияние на распределение ключевых постов оказывают главы ведущих государств. Частица *noch*, выделяя ядро в качестве ремы высказывания,

смещает фокус внимания реципиента на глагол *pokern*, реализуя метафору политической игры. Благодаря тому что частица соотносит однородные понятия, актуализируется противоречие с прагматической пресуппозицией (в ресторане клиент должен быть главным, его должны обслуживать официанты) и тем самым подчеркивается, что закулисная борьба весомее, чем выбор, сделанный членами Еврокомиссии. Кроме того, семантика частицы указывает на то, что эта борьба, вопреки ожиданиям, еще ведется и неизвестно, когда закончится. Таким образом, сатирический эффект достигается за счет взаимодействия семантики частицы, ее полисемичного ядерного элемента, прагматической пресуппозиции и визуального компонента карикатуры.

Рис. 10. EU Machtpoker
Figure 10. EU power poker

Подводя итог анализу прагматической функции логических частиц, отметим, что она тесно связана с жанровым предназначением карикатуры. Формирование или усиление отрицательной оценки событий и их участников осуществляется за счет создания контраста между ядерным элементом частицы и ее противочленом либо между их вербальной и визуальной репрезентациями, а также путем подключения пресуппозиций, акцентирования внимания на определенном, на первый взгляд незначительном, элементе ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно констатировать, что логические частицы обладают комплексом функционально-текстовых характеристик, которые они успешно реализуют в рамках креолизованных

новых текстов. Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1) Функционирование логических частиц в карикатуре имеет свою специфику, обусловленную, с одной стороны, социально-критическим назначением такого вида текста, а с другой стороны, наличием визуального компонента, который может поддерживать, уточнять или противоречить вербальному, вскрывая при этом дополнительные смыслы.

2) Традиционно основная функция логических частиц заключается в установлении разного вида отношений (добавительное, темпоральное, ограничительное, выделительное и др.) между смежными понятиями (ядром и коррелятом), что прослеживается и на примере карикатуры.

3) В семиотически осложненных текстах соотносимые частицей понятия могут быть выражены вербально и/или визуально либо быть имплицитны. Если ядро и коррелят представлены средствами различных знаковых систем, логическая частица выполняет синтезирующую функцию, то есть устанавливает корреляцию между вербальным и иконическим компонентами креолизованного текста.

4) Логические частицы фокусируют внимание реципиента на наиболее важной в коммуникативном плане информации, при этом даже элементы, которые в большинстве случаев относятся к тематической группе (например, личные местоимения), могут выделяться в качестве ядерного элемента и тем самым выступать в качестве ремы. В карикатуре референт местоимения, которое сопровождается частицей, а также коррелят, как правило, иллюстрируются в визуальной части, отсылая либо к прецедентному имени, либо к типичному представителю какой-либо социальной группы.

5) Прагматические функции частиц в карикатуре определяются предназначением данного жанра давать критическую оценку различным факторам актуальной общественно-политической жизни.

Выделенные функции логических частиц тесно взаимосвязаны, а их комплексное рассмотрение, с одной стороны, помогает понять механизм создания сатирического эффекта, с другой – формирует понятийную и терминологическую базу для адекватного описания семантики этого класса слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 11.

² Торопова Н. А. Логические частицы и смежные классы слов в немецком языке: Учеб. пособие. Иваново: ИвГУ, 1986. С. 6.

³ <https://rueckblende.rlp.de/>⁴ <https://de.toonpool.com/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворошилова М. Б. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
2. Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки. М.: ОФСПП РАН, 1996. 212 с.
3. Зенкова А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Антиномии. 2004. № 5. С. 184–193.
4. Нагорный И. А. Коммуникативно-прагматические функции русских частиц в тексте // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 2. С. 50–57.
5. Ополовникова М. В., Зимина М. В. Логические частицы как средство речевого воздействия в немецкой политической коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 6 (717). С. 502–512.
6. Симаква С. И. Визуальный поворот – новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). С. 225–232. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11032
7. Талыбина Е. В., Минакова Н. А. Карикатура как взаимодействие вербальных и невербальных знаковых систем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 24–30.
8. Торопова Н. А. Ракурсы исследования частиц (на материале немецкого языка) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Филология. 2000. Вып. 1. С. 86–96.
9. Торопова Н. А. Семантика и функции логических частиц: (На материале нем. яз.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 173 с.
10. Хорецкая Н. Ю., Кокурина И. В. «Нам не дано предугадать...», или логические частицы в манипулятивных техниках политического медиапространства (на материале текстов немецких СМИ) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 159–162. DOI: <https://doi.org/10.24412/FibzzoOZFCk>
11. Bernhardt P., Liebhart K., Pribersky A. Visuelle Politik: Perspektiven eines politikwissenschaftlichen Forschungsbereichs // Austrian Journal of Political Science. 2019. № 48 (2). S. 44–54. DOI: 10.15203/ozp.2961.vol48iss2
12. Harzer R. Mächtige Karikaturen – Ohnmächtige Gender-Bewegung // Zeitschrift des Interdisziplinären Zentrums für Frauen- und Geschlechterforschung: Universität Bielefeld, 2005. № 30 (22 Jg.). S. 72–76.
13. Krüger W. Die Karikatur als Medium in der politischen Bildung. VS Verlag für Sozialwissenschaften | Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden 1969. 56 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-663-12041-4>
14. Male A. Illustration. Theorien und Zusammenhänge. München: Stiebner, 2008. 216 S.
15. Meissner M. Zeitungsgestaltung. Typografie, Satz und Druck, Layout und Umbruch. München: Paul List, 2007. 288 S.
16. Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft: Eine ikonologische Untersuchung zu Feindbildern in Karikaturen. Aachen: Shaker, 1998. 383 S.

Поступила в редакцию 14.08.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Maria V. Opolovnikova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7540-5975; omw@mail.ru

Inna V. Kokurina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5451-6203; inna-kokurina@mail.ru

FUNCTIONS OF FOCUS PARTICLES IN CREOLIZED TEXTS (illustrated by modern caricatures)

Abstract. The article deals with the specifics of the functioning of focus particles in creolized texts. The increasing role of visual information has led to the emergence of a large number of polycode texts, which are addressed by many interdisciplinary studies. The researchers mainly focus on lexical, rhetorical, and stylistic means, while functional parts of speech, in particular particles, are not studied enough, which determines the relevance of this article. As a hypothesis, it was assumed that the specificity of a caricature as a polycode text entails the specifics of the studied words functioning. As a result of the study, it was found that the specific functional features of focus particles are determined by critical goals pursued by caricatures, on the one hand, and by the presence of a visual component, on the other hand. It is noted that the polycode character of the caricature text affects the type and representation of ideas related by particles. More-

over, these ideas can be presented explicitly (verbally and/or visually) or implicitly. A new – synthesizing – function of focus particles is described, when the particles ensure connection between verbal and visual elements in a semiotically complicated text. In this case, the visual component can complement, clarify or contradict the verbal one, revealing additional meanings. It is established that particles are able to bring meaning and relevance to the information conveyed by iconic means, contributing to the achievement of a certain pragmatic effect, determined by the purpose of caricatures to give critical assessment of various factors of current socio-political life.

Key words: creolized text, caricature, focus particles, function, rheme, pragmatics

For citation: Opolovnikova, M. V., Kokurina, I. V. Functions of focus particles in creolized texts (illustrated by modern caricatures). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.636

REFERENCES

1. Voroshilova, M. B. Political creolized text: keys to reading. Ekaterinburg, 2013. 194 p. (In Russ.)
2. Dmitriev, E. V. Sociology of humor: Essays. Moscow, 1996. 212 p. (In Russ.)
3. Zenkova, A. Yu. Visual research as an integral field of social and humanitarian knowledge. *Antinomies*. 2004;5:184–193. (In Russ.)
4. Nagorny, I. A. The communicative and pragmatic functions of Russian particles in the text. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2015;2:50–57. (In Russ.)
5. Opolovnikova, M. V., Zimina, M. V. Logical particles as a means of verbal manipulation in German political communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2015;6(717):502–512. (In Russ.)
6. Simakova, S. I. Visual turn – new philosophy of image in means of mass communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;10(420):225–232. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11032 (In Russ.)
7. Talybina, E. V., Minakova, N. A. Caricature as interaction of verbal and non-verbal sign systems. *Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching*. 2013;1:24–30. (In Russ.)
8. Toropova, N. A. Perspectives of particles research (based on the material of the German language). *Ivanovo State University Bulletin. Series: Philology*. 2000;1:86–96. (In Russ.)
9. Toropova, N. A. Semantics and functions of focus particles: (based on the material of the German language). Saratov, 1980. 173 p. (In Russ.)
10. Khoretskaya, N. Yu., Kokurina, I. V. “We cannot divine...” or logical particles in manipulative techniques in political media space (based on the texts of German media). *Political Linguistics*. 2017;5(65):159–162. DOI: <https://doi.org/10.24412/FibzzoOZFck> (In Russ.)
11. Bernhardt, P., Liebhart, K., Pribersky, A. Visuelle Politik: Perspektiven eines politikwissenschaftlichen Forschungsbereichs. *Austrian Journal of Political Science*. 2019;48(2):44–54. DOI: 10.15203/ozp.2961.vol48iss2
12. Harzer, R. Mächtige Karikaturen – Ohnmächtige Gender-Bewegung. *Zeitschrift des Interdisziplinären Zentrums für Frauen- und Geschlechterforschung*. 2005;30(22):72–76.
13. Krüger, W. Die Karikatur als Medium in der politischen Bildung. VS Verlag für Sozialwissenschaften | Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden 1969. 56 s. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-663-12041-4>
14. Male, A. Illustration. Theorien und Zusammenhänge. München, 2008. 216 S.
15. Meissner, M. Zeitungsgestaltung. Typografie, Satz und Druck, Layout und Umbruch. München, 2007. 288 s.
16. Plum, A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft: Eine ikonologische Untersuchung zu Feindbildern in Karikaturen. Aachen, 1998. 383 s.

Received: 14 August, 2020; accepted: 12 April, 2021

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА РУСАНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Акцентируется внимание на перспективности сопоставительного исследования данных, полученных в результате лингвистического изучения региональных документов XVIII века, с языковым материалом законодательных актов эпохи. Отмечается, что законодательные акты того времени выполняли не только распорядительную функцию, но и кодифицирующую, регламентирующую документообразование. В результате сопоставительного анализа языка центральных и региональных документов впервые выделяются четыре типа отношений между функционирующими в них наименованиями документных жанров. Базовым признается тип отношений, определяющий зависимость появления в региональной деловой письменности новой разновидности документов от ее законодательного утверждения. Второй тип выявленных отношений связан с пересечением терминов, утвержденных для обозначения функционально близких документных жанров. Третий обнаруженный тип отражает асимметричные отношения между функционирующими в законодательных и региональных текстах терминами, обозначающими один и тот же жанр. Четвертый тип формируют отношения между терминами, связанными с документными жанрами, приходящими на смену друг другу. Выявленные типы отношений между наименованиями документных жанров в законодательных актах и региональных документах позволяют уточнить особенности формирования и функционирования терминосистемы делового языка XVIII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского языка, деловой язык XVIII века, документный жанр, законодательный акт, региональная деловая письменность, терминология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Русанова С. В. Наименования документов в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 58–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.637

ВВЕДЕНИЕ

Плодотворное лингвистическое изучение местных архивных документов XVIII века в последние десятилетия позволило создать широкую картину функционирования делового языка в его региональных вариантах, классифицировать представленные в них системы документных жанров, выявить местные фонетико-орфографические, грамматические, лексико-семантические особенности. Актуальным становится сопоставительное исследование языкового материала, представленного в региональных документах и законодательных актах XVIII века, так как оно дает возможность посмотреть на отдельные вопросы эволюции и функционирования делового языка указанного периода под несколько другим углом зрения, уточнить степень освоения нормы и характер вариативности делового регионального письма.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

В условиях выстраивающегося канцелярского делопроизводства законодательные акты выпол-

няли не только распорядительную, но и кодифицирующую функцию, регламентирующую документообразование, что подчеркивают многие исследователи региональной деловой письменности данной эпохи [12]. Отмечается зависимость региональной традиции от стандартов, диктовавшихся центром¹. Как определенный кодификационный момент расценивается издание многочисленных нормативных документов (указов, циркуляров), устанавливающих не только новые образцы составления тех или иных деловых бумаг, но и использование книжных языковых средств в качестве стилиобразующих в деловом письме² [7: 11].

В центре настоящего исследования – вопрос о соотношении терминов, обозначающих документные жанры, в языке законодательных актов и региональных документов XVIII века, что заостряет внимание на некоторых аспектах формирования и совершенствования жанровой системы этого периода. Материалом послужили опубликованные источники из фондов центральных

и региональных архивов³, а также рукописные источники из фондов Национального архива Республики Бурятия и Российского государственного архива древних актов⁴.

Анализ языка центральных и региональных документов позволяет выделить четыре типа отношений между функционирующими в них наименованиями документных жанров. Первый тип можно назвать базовым. Исходным является нормативный законодательный акт, обуславливающий введение в региональное делопроизводство новой разновидности документов. Так, утверждение 19 марта 1719 года именного указа об обязательном «ответствовании на указы посылаемые в Губернии из Сената и Коллегий» (ПСЗ, т. 5, № 3333, с. 681)⁵ и закрепление требования отчетности по выполнению указов в ряде последующих законодательных актов, и прежде всего в указе от 12 марта 1730 года (ПСЗ, т. 8, № 5513, с. 254–255), определяют появление в региональной деловой письменности рапортов (репортов) как определенной разновидности отчетных документов. Генеральный регламент 1720 года утверждает ряд ключевых официально-деловых жанров (ПРП, с. 72–121), среди которых указ, инструкция, доклад, доношение, челобитная, реестр, диплом, патент и др. Именной указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года закрепляет в качестве основных форм исковых заявлений челобитную и доношение, которые приобретают четко структурированную казусную часть (ПРП, с. 632). Принятый в 1723 году именной указ о промемории (ПСЗ, т. 7, № 4260, с. 88) открывает новую страницу в истории оформления горизонтальных, межведомственных деловых отношений. В региональных архивных фондах одни из ранних промеморий датируются 1724 годом [2: 70], [10].

Второй тип отношений связан с пересечением терминов, утвержденных для обозначения функционально близких документных жанров⁶, вследствие чего в региональной деловой письменности на раннем этапе использования становится возможным их вариантное употребление для наименования одного и того же документа. Например, утверждение Генеральным регламентом и другими законодательными актами первой половины XVIII века вслед за доношением рапорта как отчетного документа актуализирует проблему их функциональной дифференциации. Показательным в этом отношении представляется рапорт (репорт) в Иркутский архиерейский приказ из Селенгинского Троицкого монастыря от 15 октября 1736 года, название которого исправляется несколько раз, что, безусловно, свидетельствует о сомнениях составителя в определении жанровой принадлежности документа:

написав заголовок *репортъ*, составитель зачеркнул его, переименовал составленный (или составляющийся) документ в *доношение* и вернулся в конечном счете к названию *репортъ* (НАРБ, д. 13, л. 15). О синонимичности заимствованного слова *рапорт* (*репорт*) исконному *доношению* в первой половине XVIII века и отсутствии строгого разграничения документов в корреспонденции центральных и местных учреждений см. также в [4: 52–53].

Показательными оказываются точки пересечения в формулярах данных документов второй половины столетия. В частности, в заключительной части рапортов в формуле свидетельства составления документа подотчетным лицом, наряду с классическими перформативными глагольными формами *репортуя* / *репортует* / *репортуем*⁷, могут встречаться сочетания форм глаголов *доносить* и *репортовать*, а также изолированное употребление глагола *доносить*:

«*дonesя и репортуя* Буза Балхонов» (ПЗДП, № 61, л. 2, 1792 г.);

«симъ на главное рассмотрение и резолюцию в покорности *доносить* <...> Староста Федоръ Дюрягинъ» (ПЗДП, № 63, л. 266, 1796 г.);

«симъ всепокорнейше и *доносится*» (ПЗДП, № 65, л. 1, 1797 г.);

«о чемъ чилибинскому духовному правлению в благорасмотрение и *доносим* <...> с[вя]щенникъ василий земляничинъ пономарь стефанъ маминъ» (ЧС, № 94, л. 12 об., 1789 г.).

В то же время для речевых штампов, заключающих доношения, подобные пересечения терминов *доносить* и *репортовать* не типичны: авторы доношений только *доносят*:

«О семъ *доносить* Холоцкого посел[ь]я посел[ь] шикъ монах Иона да белець Спиридонъ Мохсеевыхъ» (НАРБ, д. 13, л. 2, 1737 г.);

«О сем *доносит* находящеися во обители вашего высокопреподобия казначей игумен Дорофей 1772 года декабря 31 дня» [8: 43];

«О сем *доносят* вашего высокопреосвященства нижайшии послушники и бгомолцы Тро[и]цкаго Антониева Сииского м[о]н[ас]т[ы]ря архимандрит Гавриил з братиею» [8: 46];

«симъ подчтнейше *доношу* а подлиные ево вышеписанаго крестьянина доношение подписка при семъ въ воскресенское духовное правление во арегианале представляю месеца дня 1779 года сщениикъ димитрей протасовъ» (ЧС, № 27, л. 171 об.)⁸.

Подобное пересечение обнаруживается также в употреблении терминов *промемория* и *сообщение* в региональной письменности середины 60-х годов в связи с введением в документооборот жанра сообщения в утвержденном 21 апреля 1764 года Екатериной II «Наставлении губернаторам» (ПСЗ, т. 16, № 12.137, с. 716–720). Примером может служить известие настоятеля

Троицкого Селенгинского монастыря Феофана Стукова поручику Селенгинской воеводской канцелярии Резанову от 7 ноября 1764 года, в котором форма сношения между представителями не подчиненных друг другу ведомств именуется по-разному:

«Известие | Понеже минувшаго октября 20го дня присланнымъ в здешней Тр[ои]цкой | Селенгинской м[о]н[а]ст[ы]рь *сообщением* требовали, в силе Ея ИВа указов <...> от здешняго Тр[ои]цкого м[о]н[а]ст[ы]ря потребно | весьма занужно ведать <...>».

Далее излагаются требования о сборе необходимой информации, касающейся жизнедеятельности монастыря, которые подытоживаются пунктом:

«...по присланной из Селенгинской воеводской канцелярии | в здешней м[о]н[а]ст[ы]рь сего году августа от 11го числа *промежорий* которою | требовано чтоб по приложенной *при той промежории* с оригинального | из упомянутой коллегии экономии марта от 26го сего ж году под № 3772^м || Ея ИВ указу копии во всем повеленномъ уяснит[ь] такъ какъ | онои указ повелевает: / что имянно и какое ползе ЕЯ ИВ | интереса (так в ркп) приращения исполнения уяснено и в том зачем до сего | никакого уведомления не прислано и кемъ то было упущено | и того де ради от предписаннаго Тр[ои]цкого Селенгинскаго м[о]н[а]ст[ы]ря *чрез оное сообщение* | требуйте чтоб на объявленные восемь пунктов весьма нужнодобные | объяснении наивернииши по присяжной должности без наималейшей праронки | и утайки / ежели ранье неможно то / конечно чрез три дни справясь | уяснить обстоятельно перечневую съ яснымъ всему показаниемъ | ведомость и по сочинении к розсмотрению и по веленному распоряжению | прислат при писменном виде <...> и в силу *того сообщения* | показанная ведомость как о здешнем м[о]н[а]ст[ы]ре такъ и о вотчинах | Темлюнской и Кударинской по присяжной должности | без наималейшей проронки и утайки, {кроме Хилоцкой вотчины} | сочинена на все вышеписанные восемь пунктовъ которая | к рассмотрению и по веленному распоряжению здешняго м[о]н[а]ст[ы]ря | со служителемъ и посылается <...>» (ПЗДП, № 43, л. 108–109).

Третий тип образуют отношения между функционирующими в законодательных и региональных текстах терминами, которые можно назвать асимметричными. Суть таких отношений заключается в том, что в законодательных актах и региональных документах для наименования одного и того же документного жанра используются разные термины. Яркой иллюстрацией подобного соотношения является асимметрия в использовании просительной терминологии. Начиная с Петровской эпохи до конца восьмидесятых годов столетия в законодательных актах в качестве официального обозначения всех видов просительных документов – собственно искового заявления, явочного заявления, апелляционной жалобы, неискового прошения – используется унаследованный из приказного языка термин

челобитная, который может уточняться определениями (*исковая челобитная, явочная челобитная*) [11]. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров из законодательных актов:

«...которые истцы всякихъ чиновъ люди, впредь съ сего Его Великаго Государя указу, учнуть приносить *исковыя челобитныя* на ответчиковъ во всякихъ своихъ обидахъ о допросе» (ПСЗ, т. 4, № 1806, с. 73);

«...*исковыя челобитныя*, по которымъ, какъ по Уложению 10 главы 100, 101 и 102 пунктамъ, и по указу о Форме Суда 1723 года, у истцов с ответчиками суда производятся» (ПСЗ, т. 16, № 12.210, с. 842);

«...*челобитныя мировыя* на площади, или где инде писать, на бумаге, которая подъ гербомъ величиною противъ золотого» (ПСЗ, т. 3, № 1703, с. 650);

«...однако же до рассмотрения и решения оными вступить отъ техъ тяжущихся *мировое челобитье*, что они по тому делу между собою помирились» (ПСЗ, т. 21, № 15.553, с. 712);

«Съ *явочныхъ челобитень*, которыя подаютъ о всякихъ делехъ для записки, пошлѣнь имать по 4 деньги с челобитной» (ПСЗ, т. 4, № 1743, с. 2);

«...но изъ сего исключаются *явочныя челобитныя*, подаваемая въ убивствахъ, въ разбояхъ и въ грабежахъ» (ПСЗ, т. 16, № 11988, с. 460);

«Ежели въ Ратуше какое дело будетъ решено не право, то на Бурмистровъ *челобитныя* принимать, и неправо вершенныя дела для рассмотрения брать и вершить по Уложению и указамъ» (ПСЗ, т. 8, № 5333, с. 98);

«На решенныя жъ съ сего времени дела *апелляционныя челобитныя* подавать, считая отъ дня объявляния решительнаго определения, всемъ находящимся внутри Государства полагается сроку одинъ годъ» (ПСЗ, т. 16, № 11.629, с. 30).

В региональной же деловой письменности с середины столетия в наименовании просительных документов отражается тенденция к постепенной специализации термина *челобитная* и замене родового наименования видовыми лексическими одночленными эквивалентами: *челобитная* используется только для обозначения искового заявления, необходимого для инициирования судебного расследования⁹; вместо *явочной челобитной* фигурирует *объявление*; неисковое прошение оформляется как *доношение* или *прошение* [11: 23].

Сопоставительное исследование региональной деловой письменности и законодательных нормативных актов позволяет выделить еще один тип соотношения терминов, функционирующих в законодательных и региональных документах, – четвертый, который может быть определен как ядерно-периферийный. Законодательное утверждение нового документного жанра, который приходит на смену утратившему актуальность старому жанру, приводит к их сосуществованию в рамках некоторого временного отрезка, причем вытесненный из активного документооборота жанр перемещается на периферию

и какое-то время продолжает обслуживать местную официально-деловую переписку параллельно с новым документным жанром. Так произошло с *памятью*, на смену которой, как отмечают исследователи, пришла *промемория* [6: 5] или *инструкция* [7: 29]. В документах Национального архива Республики Бурятия, в частности в фонде Троицкого Селенгинского монастыря, памяти встречаются до середины XVIII века и используются во внутриепархиальной переписке [9]. По характеру отношений между коммуникантами обнаруженные памяти могут быть разделены на две группы. Большая часть документов представляет собой распоряжения (инструкции) монастырского начальства «посельщикам» монастырских вотчин или служителям монастырей, о чем свидетельствуют формулы начального протокола памяти:

«...из Тр[ои]цкого Селенгинского м[он]а[ст]ы[ря] память того м[он]а[ст]ы[ря] в Кударинскую вотчин[у] | поселным монаху Дионисию с товарищем» (НАРБ, д. 13, л. 49, 1736 г.);

«...из Троицкого Селенгинского м[он]а[ст]ы[ря] в Хилоцкую вотчину | поселщику Никити К'васоварову память» (НАРБ, д. 31, л. 3, 1747 г.);

«...память из Троицкого Селенгинского м[он]а[ст]ы[ря] посланному | того м[он]а[ст]ы[ря] м[он]а[ст]ы[р]скому служителю Михайлу | Кропивину» (НАРБ, д. 31, л. 23, 1747 г.).

Схожее распоряжение 1725 года из земской конторы Иркутской провинции, адресованное иркутскому служилому человеку Ивану Бочарову, оформляется в форме инструкции (НАРБ, д. 3, л. 206–207 об.).

В архивном фонде встречаются также документы, представляющие собой форму переписки между равными по административно-служебному статусу коммуникантами. Такой характер имеет, например, память архимандрита Вознесенского Иркутского монастыря архимандриту Селенгинского Троицкого монастыря от октября 1725 года об обязательной присылке в Вознесенский монастырь на пропитание школь-

ным ученикам денег вместо наличного хлеба. Аналогичный по функциональной направленности и статусу коммуникантов документ от октября 1726 года о высылке иеромонаха Корнилия из Посольского монастыря оформляется уже как промемория. Ср. начало двух документов:

«По указу Ея величества г[о]с[уд]и[ни] императрицы и самодержицы всерос[си]ско[го] память Вознесенского Иркутского м[он]а[ст]ы[ря] из д[у]х[ов]ного при[каза] Селенгинского Тр[ои]цкого м[он]а[ст]ы[ря] всечестному отцу Мисаилу архимандриту» (НАРБ, д. 3, л. 178) –

«Промемория; | Вознесенского Иркутского м[он]а[ст]ы[ря] из д[у]х[ов]ного при[каза] | в Тр[ои]цкий Селенгинской м[он]а[ст]ы[р]ь всечестному о[т]цу Мисаилу архимандриту» (НАРБ, д. 3, л. 260).

Похожая картина складывается в конце столетия с промеморией, которая исключается из документооборота, будучи вытесненной рядом новых жанров, таких как сообщение, предложение, уведомление в утвержденных в 1775 году Екатериной II «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» (ПСЗ, т. 20, № 14.392). Однако в региональной деловой письменности промемории продолжают функционировать вплоть до начала восьмидесятых годов¹⁰, что свидетельствует о передвижении промемории на периферию делопроизводственных отношений перед тем, как окончательно выйти из документооборота. Кроме того, в отдельных региональных жанровых подсистемах промемория обнаруживает элементы структурно-содержательной и функционально-стилистической трансформации, утрачивается обязательная для промеморий этикетно маркированная формула резолюции *благоволит учинить* (*благоволит ведать и учинить*), что приводит к ее сокращению, по сути, до сопроводительной записки. Именно такой характер имеют промемории Истоминской комендантской канцелярии конца 70-х годов. Ср. приведенные ниже для примера промемории данного периода из челябинского и омского архивов.

«Промемория

от челябинского дх: правления въ исетскую/ провинциальную канцелярию./ минувшаго февраля, 16, числа въ присланном/ въ челябинское дх: правление звериноголовской/ крепости священник феоdorf гилефь репорте/ написал, что, 26, де Ч: генваря сего года паро/хия ево деревни алабужской из записных/ в двойной оброкъ крестьянинъ иванъ остров/ских объявилъ свое желание обратится от ра/скола въ правоверие, которой (крестьянин островских)* имъ священником/ по надлежащему къ православной церкви/ присоединенъ и просилъ темъ репортом/ о выключке онаго островскихъ из двой/наго оклада куда надлежитъ сообщить/ того ради въ челябинскомъ дх: правлении определено въ исетскую провинциаль/ную канцелярию симъ сообща требовать/ дабы благоволено было показаннаго/ бывшаго в расколе крестьянина остров/ских изъ (книгъ двойнаго оклада)* выключить, и по/ выключении челябинское дх: правление/ уведомить 1778 года марта, 1, дня» (ЧС, № 8, л. 53).

* Написано между строк.

«Промемория

подана ноября 15 числа 1778 года

В Тюменскую комендантскую канцелярию, в Тюменское воеводство канцелярии в сходстве присланной и зоной воеводской канцелярии, промемория для препровождения до Тобольска ссыльных колодниковъ семи человекъ команду.

Ротари Тюменской Гарнизонной коменданты, редовые Степанъ Падеринъ, казаки Семень Будолинъ, Иванъ Бадрызовъ, Андрей Спонисло, которые причемъ в Тюменскую воеводскую канцелярию посылавши до ноября 15 дня 1778 года.

Комендантъ Кирилъ Расмиряевъ.

Цит. по: [3].

Проведенное исследование помогает уточнить нормативные аспекты функционирования деловых терминов в региональном письме, дифференцировать законодательно регламентированные языковые элементы в местных текстах и региональные интерпретации подобных форм. Например, становится ясным, что встречающееся в забайкальском просительном документе 1785 года в формуле просьбы сочетание *явочное челобитье*¹¹, введенное составителями издания в качестве названия документа, не совсем точно, так как в деловой письменности второй половины XVIII века не имела названия только одна разновидность документа – исковая челобитная, в формуле просьбы которой начиная с Петровских реформ нормативным был и термин *челобитье*. Кроме того, формуляр исковой челобитной на протяжении всего столетия был самым отточенным и соблюдение его жестко регламентировалось, ибо адресовалась челобитная императору. Именно это мы видим в анализируемом документе:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая бьет челом якутской мещанин Григорей Лаврентьев сын Седалищев на иркутского мещанина Васил[ь]я Алексеева сына Зимина а о чем мое челобит[ь]е тому следуют пункты» (ПЗДП, № 77, л. 33).

Явочная же челобитная (явочное челобитье) именовалась с середины XVIII века в региональной делопроизводственной практике достаточно последовательно *объявлением* и имела совершенно иной формуляр. Следовательно, лексема *явочное* в данном случае не выполняет дифференцирующей, жанроопределяющей функции, что подтверждает и следующая за выражением просьбы формула рукоприкладства: «...сие писано за неимением гербовой на простой *челобитну* писалъ якутской мещанин Алексеи Седалищевъ». Введение определения *явочная* объясняется непрофессионализмом составителя документа: челобитную писал не канцелярский служащий, а сам податель – якутский мещанин.

Обращает на себя внимание также сочетание *явочное прошение* в тюменском просительном документе 1787 года [13: 161], воспринимающееся, на первый взгляд, как проявление региональной вариативности, обусловленной свободным смешением элементов приказного наследия и канцелярского делопроизводства. Однако асимметрия в употреблении терминов для обозначения просительных документов в законодательных и региональных текстах позволяет увидеть в данном случае отражение не свободного смешения раз-

нородных элементов в речи местных составителей, а стремления региональных делопроизводителей следовать законодательным установкам. *Явочные челобитные*, как известно, были актуальными в законодательном языке вплоть до указа Екатерины II от 19 февраля 1786 года о замене «челобитен» прошениями (ПСЗ, т. 22, № 16.329), в результате чего *исковые челобитные* закономерно заменяются на *исковые прошения*, *явочные челобитные* – на *явочные прошения*, *апелляционные челобитные* – на *апелляционные прошения*. Новые наименования просительных документов мы находим, например, в указе 1794 года о пошлинах с просительных дел:

«Установленные до сего времени пошлыны с просительных дел, за печати восковыя, печатныя пошлыны, с *прошений исковых, явочных и апелляционных*, кроме *мировых*, с патентов и жалованных грамот собирать вдвое противу настоящаго» (ПСЗ, т. 23, № 17226, с. 533).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ языка центральных и региональных документов обнаруживает ряд типов отношений между терминами, обслуживающими жанровую систему делового языка XVIII века, что позволяет уточнить особенности формирования последней, понять некоторые причины, обуславливающие терминологическую вариативность в наименовании документных жанров исследуемого периода.

Появление в региональной деловой письменности новой разновидности документов, безусловно, предварялось ее законодательным утверждением. Многочисленные нормативные акты не только утверждали новые документные жанры, но и устанавливали новые образцы составления деловых бумаг, использования в деловом письме книжных языковых средств в качестве стилиобразующих. Однако кроме данного, базового, типа отношений между терминами, функционирующими в законодательных и региональных текстах, актуальным оказывается и пересечение терминов, утвержденных для обозначения функционально близких документных жанров. В региональной деловой письменности это обнаруживается, с одной стороны, в вариантном употреблении таких терминов для наименования одного и того же документа на раннем этапе их использования, с другой стороны, в функциональной конкуренции соответствующих документных жанров, приводящей к трансформации или вытеснению одного из них. Интересной представляется и асимметрия в отношениях между терминами, обнаруженная в деловых текстах и заключающаяся в том, что в законодательных актах и региональных документах для наименования одного

и того же жанра могли использоваться разные термины. Еще один тип отношений, который мы условно назвали ядерно-периферийным, отражает отношения между терминами, обозначающими документные жанры, которые приходили на смену друг другу. Показательным оказывается пере-

мещение жанра, потерявшего свою актуальность, перед его окончательной архаизацией на периферию делопроизводственной практики, когда он продолжает какое-то время обслуживать местную официально-деловую переписку параллельно с новым документным жанром.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 354.
- ² Особое место среди подобных законодательных актов занимали сенатские указы о титулах монархов и формах обращения к ним в документах разной функциональной направленности. См.: Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. 7, № 4755, 5071; Т. 8, № 5501; Т. 9, № 8475; Т. 16, № 11.590. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
- ³ В статье используются следующие сокращения:
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
ПРП – Памятники русского права / Под ред. проф. К. А. Софроненко. Вып. 8. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. 668 с.
ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова; Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. 260 с.
ЧС – Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / Сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск: Полиграф-мастер, 2005. 174 с.
Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–VIII веков (см. [1]).
Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья (см. [5]).
Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.) (см. [8]).
Тюменская деловая письменность 1762–1796 гг. (см. [13]).
- ⁴ НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия. Фонд 262 «Троицкий Селингинский монастырь». Оп. 1; РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1092 «Селенгинская воеводская канцелярия. Пограничные канцелярии в г. Иркутске и Селенгинске». Оп. 1.
- ⁵ В тексте в ссылке на данный и другие опубликованные и неопубликованные архивные источники в круглых скобках указаны: источник, том (т.), номер указа или документа (№), страница (с.) или лист (л.), при необходимости – год (г.). Графика деловых текстов XVIII века приводится в соответствии с современной. При цитировании региональных источников выносные буквы пишутся в строке без выделения, титла раскрываются, восстанавливаемые при этом буквы даются в квадратных скобках. Курсив в текстах из законодательных актов и региональных документов наш.
- ⁶ Семантическая близость терминов может быть обусловлена рядом причин: изначальным их синкретизмом и дальнейшей специализацией значения, функциональной дивергенцией документного жанра и введением новых терминов, ориентацией в определенных случаях на европейскую терминологическую традицию.
- ⁷ Ср.: о семь *репортуетъ* Селенгинского Тр[ои]цкого м[о]н[ас]т[ы]ря архимандритъ Мисаиль (НАРБ, д. 8: л. 40, 1732 г.); О семь *репортуютъ* Тр[ои]цкого Селенгинского м[о]н[ас]т[ы]ря наместникъ иеромонахъ Лаврентий да строителъ иеромонахъ Тихон (НАРБ, д. 13: л. 51, 1736 г.); того ради в нерчинскую воеводскую канцелярию сим и *репортуемъ* октября 22 дня 1753 году [1: 51]; о чемъ челябинскому духовному правлению, симъ и *репортьтуемъ* Генъваря 2 дня 1784 года, с[в]ященникъ адрианъ пеуновъ с[в]ященникъ иаковъ протасовъ диаконъ григорий пеуновъ (ЧС, № 63, л. 1); о семь челябинскому д[у]ховному правлению симъ и *репортуемъ* 1785 году июня 30 дня с[в]ященникъ димитрий протасовъ (ЧС, № 70, л. 77 об.); въ чемъ ишимскому духовному Правлению и *репортуемъ* октября 29 1783 года [5 (73): л. 62].
- ⁸ К единичным случаям подобного пересечения терминов можно отнести формулу свидетельства составления доношения в Селенгинскую воеводскую канцелярию из Троицкой крепости, а также в доношении приказчика мельницы Ивана Ружейникова архимандриту Троицкого Селенг[и]нского монастыря формулу рукоприкладства, написанную другим, нежели основной текст, почерком: того ради в Селенгискую воевоцкую канцелярию и *репортуую* 1735 году генъваря 4го дня Калитинъ (РГАДА, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1); к сему *репортуу* вместо отставного салдата Ивана Ружейникова служитель Иван Поповъ руку приложилъ (ПЗДП, № 70, л. 158 об., 1764 г.).
- ⁹ Актуальность сохраняет и термин *мировая челобитная* как наименование заявления о примирении истца и ответчика до судебного разбирательства.
- ¹⁰ Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2002. С. 437. См. также: ПЗДП, № 34, 1781 г.; ЧС, № 20, 21, 1780 г.
- ¹¹ Ср.: И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сие мое *явочное челобит[ь]* въ Якутскомъ городовомъ магистрате принять и по прописаннымъ злоумышлениямъ вышеозначенного мещанина Зимина похвал[ь]бе и ругателстве чтобъ не учинилъ онъ Зиминъ какого смертного убивства в чемъ впредь доподлинного моего челобит[ь]я записать <...> (ПЗДП, № 77, л. 33).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биктимирова Ю. В. Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–VIII веков: Учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2015. 155 с.
2. Бородин Е. В. Тобольский надворный суд в 1721–1727 гг.: к вопросу о функционировании канцелярии // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. 2009. С. 70–75 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNMK/012_Borodina.pdf (дата обращения 24.05.2020).
3. Ваганова К. Р. Жанрово-стилистические особенности промеморий в омском розыском делопроизводстве XVIII века // Материалы XIX Междунар. молодежной науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1894.htm (дата обращения 24.05.2020).
4. Горбань О. А. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
5. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 2 / Сост. Р. П. Сысуева, И. А. Шушарина. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. 342 с.
6. Лингвистическое краеведение на Южном Урале: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Ч. II. Челябинск, 2001. 242 с.
7. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
8. Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.; Смоленск: СГПУ, 2001. 130 с.
9. Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 70–74.
10. Русанова С. В. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 2. С. 153–164.
11. Русанова С. В. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
12. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
13. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность 1762–1796 гг. Тюмень, 2001. 251 с.

Поступила в редакцию 28.08.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Svetlana V. Rusanova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

NAMES OF DOCUMENTS IN LEGISLATIVE ACTS AND REGIONAL FORMAL WRITING OF THE XVIII CENTURY

Abstract. The article focuses on promising comparative research of the language of the eighteenth-century legislative acts and the results of the linguistic study of regional documents dating to that period. It is noted that the eighteenth-century legislation performed not only the administrative function, but also the codifying one. It means that legal acts regulated the process of document formation. The author performed the comparative linguistic analysis of central and regional documents and discovered for the first time four types of relations between the document genre names used in these texts. The first (basic) type is the one that determines how the appearance of a new document type in regional formal writing depends on the legislative approval of this document. The second type is related to the overlap of terms which describe functionally similar document genres. The third one reflects the asymmetric relations between the terms used in legislative and regional texts to describe the same document genre. The fourth type is formed by the relations between the names of document genres which replace each other. The identified types of relations between the document genre names in the legislative acts and regional instruments clarify the peculiarities of forming and functioning of term system in the eighteenth-century official language.

Key words: Russian language history, formal language of the XVIII century, document genre, legislative act, regional formal writing, terminology

For citation: Rusanova, S. V. Names of documents in legislative acts and regional formal writing of the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):58–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.637

REFERENCES

1. Biktimirova, Yu. V. Formal documents of the eastern Transbaikalian region in the XVII–XVIII centuries. Chita, 2015. 155 p. (In Russ.)
2. Borodina, E. V. Tobolsk Court of First Instance in the 1721–1727 period: the functioning of the court's registry. *Historical research in Siberia: problems and perspectives*. 2009. P. 70–75. Available at: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNMK/012_Borodina.pdf / (accessed 24.05.2020) (In Russ.)
3. Vaganova, K. R. Genre and stylistic features of promemorias in the Omsk criminal investigation department of the XVIII century. *Proceedings of the XIX Lomonosov International Research Conference for Undergraduate and Postgraduate Students and Young Researchers*. Moscow, 2012. Available at: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1894.htm (accessed 24.05.2020) (In Russ.)
4. Gorban, O. A. The donosheniya and reports of Don Cossacks in the mid 18th c.: source analysis. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2019;4(24):45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4> (In Russ.)
5. Kurgan's old times: material on the history of formal written language in the southern Transural region. Issue 2. (R. P. Sysueva, I. A. Shusharina, Eds.). Kurgan, 2003. 342 p. (In Russ.)
6. Linguistic local history of the Southern Urals: Materials on the history of formal written language of the XVIII Century. (L. A. Glinkina, Ed.). Part II. Chelyabinsk, 2001. 242 p. (In Russ.)
7. Mayorov, A. P. Essays on the vocabulary of regional formal documents of the XVIII century. Moscow, 2006. 263 p. (In Russ.)
8. Nikitin, O. V. Eighteenth-century manuscripts of the Siyskiy Monastery (1768–1789). Moscow, Smolensk, 2001. 130 p. (In Russ.)
9. Rusanova, S. V. Transformation of mandatory memory under conditions of reform of the regional record keeping in the first half of the XVIII century. *The Buryat State University Bulletin*. 2012;10:70–74. (In Russ.)
10. Rusanova, S. V. The promemoria in the XVIII century regional business documentation: its functional orientation and genre specifics. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2015;2:153–164. (In Russ.)
11. Rusanova, S. V. Headings of the pleading documents in Russian legislative acts and regional business writing of the 18th century. *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2019;18(2):16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2> (In Russ.)
12. Sadova, T. S., Rudnev, D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
13. Trofimova, O. V. Tyumen formal writing of the 1762–1796 period. Tyumen, 2001. 251 p. (In Russ.)

Received: 28 August, 2020; accepted: 12 April, 2021

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА СМЕРНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора теоретической семантики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5763-6662; katarzina@yandex.ru

СЛОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В «ПРОСТОМОВНЫХ» ПАМЯТНИКАХ XVI ВЕКА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена описанию различных модальных значений, выражаемых одной грамматической конструкцией сложного будущего времени (на материале трех памятников XVI века, написанных на «простой мове»). Основное внимание в работе уделяется сложному будущему I, а именно аналитической конструкции «*маю* + инфинитив», и ее значениям в «простомовных» памятниках конфессионального содержания и деловой письменности. Во всех исследуемых текстах эта конструкция демонстрирует модальную семантику с различными значениями в зависимости от содержания памятника: долженствования, возможности / невозможности, неизбежности, клятвы. В памятниках религиозного содержания в конструкциях со связкой в прошедшем времени (*мель* + инфинитив) к модальному также добавляется значение будущего в прошедшем. Наиболее распространенным для конфессиональных памятников оказывается значение предсказания (неотвратимости) будущего, для памятника деловой письменности – значение долженствования. Подобные исследования необходимы для изучения межславянских интерференций, безусловно оказавших существенное влияние на возникшую в XVI веке «полисемию» данной грамматической конструкции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сложное будущее, «простая мова», семантика, модальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Смирнова Е. А. Сложное будущее время в «простомовных» памятниках XVI века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 66–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.638

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проводилось на материале трех памятников, написанных на «простой мове», письменном языке Великого княжества Литовского: двух конфессиональных – Евангелия В. Тяпинского ок. 1580 года [13] (далее ЕТ) и Пересопницкого Евангелия 1556–1561 годов [11] (далее ПЕ) и одного памятника деловой письменности – Литовского Статута 1581 года [2] (далее ЛС). Сопоставительно-текстологические исследования сходной проблематики на материале функционально различных текстов XVI века проводились и ранее (см. [1], [7]), однако «простомовные» памятники, описываемые в данной работе, являются мало и недостаточно глубоко изученными.

Будущее сложное I выражается в ЕТ с помощью одного из трех вспомогательных глаголов (*быти*, (*и*)*мати*, *почати*) в форме настоящего времени ((*и*)*мати*) или будущего (*быти* и *почати*) и инфинитива спрягаемого глагола (всего 28 примеров). Аналитические формы с глаголом (*и*)*мати* встречаются в Евангелии Тяпинского

чаще остальных (21 пример), при этом в двух употреблениях в 3 л. ед. числа вспомогательный глагол имеет форму не настоящего времени, а формы на -л (*мело вѣйти* (Мк. 10:32), *мель приити* (Мф. 11:14) – такие конструкции имеют значение будущего в прошедшем. Семантически будущее сложное I (абсолютное) отличается от простого будущего и будущего II (относительного) «менее тесной связью с моментом речи и наличием модальных оттенков» [8: 101].

В Литовском Статуте главная роль в формировании сложного будущего I отводится вспомогательному глаголу *буду*. Если в ЕТ зафиксировано два вида форм будущего времени, то в ЛС, помимо будущего простого и будущего сложного I, встречаются также формы будущего сложного II, то есть будущего совершенного, которое образовывалось с помощью личных форм вспомогательного глагола *буду* и причастий на -ль. При этом

«во всех 65 зафиксированных в тексте кодекса употреблениях (а для памятников конца XVI века это весьма солидный показатель) оборот “*буду* + причастие на -ль”, используясь в составе сложных предложений, выражает значение *преждебудущего*» [2: 305].

Действительно, «будущее второе напоминает латинское “футурум экзактум”, т. е. предбудущее или преждебудущее время» [8: 101]. С течением времени, особенно с середины XVII века, эта конструкция под влиянием польского языка стала использоваться и в простых предложениях, не отличаясь по значению от форм сложного будущего I [10: 261].

Конструкция «*маю* + инфинитив» употребляется в Статуте только со значением долженствования. В основном это формы 3 л. ед. ч.: *маєть*^{[1697]1} // *має*^[128] // *маєт*^[2] // *маєть*^[57] // Ø^[3] (*має*^[1], *ма*^[2]) и 3 л. мн. ч.: *мають*^[538] // *маю*^[41] // *мають*^[2] // *мають*^[7] [2: 296–298]. Кроме того, в ЛС встречается довольно много форм 1 л. мн. ч., являющихся *pluralis majestatis* – множественным величества, маркирующим «слово» короля: *маємъ*^[83] [2: 296–298]. В ЕТ конструкции с (*и*)*мати* также в абсолютном большинстве контекстов имеют модальную семантику.

Первым семантику инфинитивных сочетаний с *имѣти* описал А. А. Потенба [3: 355–357], выделив следующие варианты значений сложного будущего времени: а) «*имаамъ* = μέλλω»; б) «будущее без оттенков»; в) «модальный оттенок необходимости»; г) «настоящее с оттенком вероятности»; д) «юж.-рус. и зап.-рус. *маю* (имаю)» с инфинитивом сходно по значению с в), но в нем чувствуется настоящее время: *ждати имаєть* (обязывается, должен).

Рассмотрим семантические варианты значений сложного будущего I в Евангелии Тяпинского. В двух зафиксированных формах 1 л. ед. ч. значения различаются, но оба имеют модальный оттенок. В первом примере *Я ѿповѣдаюуи исусъ, рекъ • не ведаете уога просите • можете ли пити уашѣ, которю па маю пити* (Мф. 20:22) инфинитивное сочетание имеет значение ‘я намереваюсь (мне предстоит) пить’ (μέλλω πίνειν). Во втором примере инфинитивная конструкция употребляется в значении клятвы (‘не буду пить’): *Мовлю пакъ вамъ, ижъ не маю пити ѿтѣле зъ сего овошѣ дѣревавинного • до дна того, гдѣ его пью [в инѣхъ перекладѣхъ вѣдѣхъ питъ:] зъ вами новѣи в королевствѣ ѿца моего* (Мф. 26:29).

Некоторые инфинитивные конструкции используются в модальном значении возможности / невозможности³:

2 л. ед. ч. (‘сможешь иметь’):

Рекъ емѣ исусъ, есѣли хощѣшъ досконалыи быти • иди, продади именьѣ твое и даи ѡбогити • и мети маєшъ скарѣкъ на неке, и иди въслѣдъ мѣне (Мф. 19:21); *Исусъ пакъ возрѣвши на него, розѣмнивалъ се его • и рекъ емѣ • одного еси не докончилъ иди шѣто маєшъ пѣрѣдѣи, и даи ѡбогити • и мети маєшъ скарѣкъ на неке* (Мк. 10:21);

2 л. мн. ч. (‘не сможете увидеть’):

Мовлю во вамъ, ижъ не маєте мене видѣти ѿтѣле • докѣлѣ речете • вѣлогословѣи идѣуи во нѣма панское (Мф. 23:39);

3 л. ед. ч.:

Я петръ почалъ спротивѣлатъ се емѣ, мовѣи • ѡмилосердѣ се тебе пане • не маєтъ быти тобе то (Мф. 16:22) (‘не может (должно) быть’); *Правѣдиѣ мовлю вамъ • котори кольвекъ не примѣетъ королевствѣа вожьего, ажъ дѣла, не маєтъ вѣводити в него* (Мк. 10:15) (‘не сможет войти’).

В подавляющем большинстве контекстов конструкция «*маю* + инфинитив» (включая примеры с двумя формами (*и*)*мати* в прошедшем времени) выступает в значении неизбежности, неотвратимости (14 примеров):

2 л. мн. ч.:

И въполнѣе се в нихъ пророцтво исанино, мовѣе • ѡшима слышите, и не маєте зрозѣмети • и зрѣи ѡзрите • и не маєте вѣдѣти (Мф. 13:14); *И слышитѣ маєте воинѣи и слѣхи о вѣннахъ • смотрите, не лекатѣ се, потреба во всемѣ томѣ быти* (Мф. 24:6); *Гдѣ пакъ преслѣдѣють васъ въ городе томѣ, стѣкайте въ другѣи • правѣдиѣ во мовлю вамъ, не маєте доконѣити городовъ израилевыхъ ажъ приидѣтъ сынъ ѡбѣи* (Мф. 10:23).

3 л. ед. ч.:

Мовлю пакъ вамъ, ижъ нѣма ѡжо пришолъ, и не познали его • але ѡуинили надъ нимъ, шѣто кольвекъ вѣхотѣли • такъ и сынъ ѡчловѣи маєтъ стѣрпѣти ѿ нѣ (Мф. 17:12); *И живѣиимъ имъ в галилеи, рекъ имъ исусъ • вѣданъ маєтъ быти сынъ ѡчловѣи, в рѣкѣ людѣмъ* (Мф. 17:22); *И ѡповѣдаюи исусъ, рекъ емѣ • видиш ли тоѣ великое вѣдованѣ • не маєтъ оцѣтѣ сезѣде камень на камени котори не розрѣшитъ се* (Мк. 13:2); *Я исусъ рекъ имъ, видѣте ль вѣсе тоѣ • правѣдиѣ мовлю вамъ, не маєтъ оцѣтѣ сезѣде камень на камени, котори не розрѣшитъ се* (Мф. 24:2); *Бѣдѣтъ во тогдѣ стѣрапѣнѣ великое, ѡкое не было ѿ початкѣ свѣта, до тѣлѣ • а ни маєтъ быти* (Мф. 24:21); *Принѣи во маєтъ сынъ ѡчловѣи в славе ѿца своего, зѣ ангѣлы сѣвои • и тогдѣ ѡдастъ кожѣдомѣ по деломъ его* (Мф. 16:27); *И еси хощѣе принѣити, тотъ ѣ нѣма котори маєтъ принѣити* (Мф. 11:14); *Я были на дорозе входеуи до ерѣсолима • и былъ ѡпережаюи ихъ исусъ, и лекали се, и вѣслѣдъ идѣуи боили сѣ • и вѣзавѣши засе дванадѣцѣти, почалъ имъ мовити, шѣто мѣло емѣ быти* (Мк. 10:32).

3 л. мн. ч.:

И мовилъ имъ • правѣдиѣ мовлю вамъ, ижъ сѣтъ не котори зѣ сезѣде сѣтоуихъ, котори не мають вѣкѣсити сѣмерѣти, ажъ ѡвидѣтъ королевствѣа вожьѣ пришедѣше в ѡмѣи (Мк. 9:1); *Правѣдиѣ мовлю вамъ, ижъ сѣтъ не котори зѣ сезѣде сѣтоуихъ, котори не мають вѣкѣсити сѣмерѣти • ажъ ѡвидѣтъ сына ѡчловѣчьего идѣуѣго в королевствѣе сѣвоимъ* (Мф. 16:28).

В Пересопницком Евангелии помимо простого будущего встречаются формы сложного

будущего I – со связкой в настоящем / будущем времени (*быти* и *почати*) и формой на -л (16 употреблений), а также сложного будущего II. Формы I будущего со связкой в настоящем времени наиболее употребительные (67 примеров), фиксируются во всех лицах и числах и имеют значения долженствования или предсказания:

1 л. ед. ч. (19 примеров):

маю уинити (Мф. 19:16, 84); маю просити (Мк. 6:24, 149); маю... побидѣти (Лк. 7:40, 244); маю уинити (Лк. 10:25, 263 об.); маю уинити (Лк. 12:17, 274); маю... ити (Лк. 13:33, 282 об.); маю уинити (Лк. 16:3, 291); маю оуинити (Лк. 18:18, 300 об.); маю вѣйти (Лк. 19:5, 303 об.); маю дѣлати (Ин. 12:27, 403); маю мовити (Ин. 16:12, 418 об.); роспати маю (Ин. 19:15, 431); маю... пити (Ин. 18:11, 425 об.); имаю кр(с)тити(с) (Лк. 12:50, 278); имаю... ясти (Ин. 4:32, 356); имаю... мовити (Ин. 8:26, 379 об.); [имаю]... соудитиса (Ин. 8:26, 379 об.); пити има(м) (Мф. 20:22, 87 об.); имамъ пити (Мф. 26:29, 111 об.).

2 л. ед. ч. (3 примера):

прѣйти маешь (Лк. 7:20, 241 об.); (с)... маешь смити (Лк. 19:42, 307 об.); маешь... мѣти (Ин. 13:8, 407).

3 л. ед. ч. (25 примеров):

ма боронити (Мф. суммарий к гл. 5, 30); мае (т) вѣйти (Мф. суммарий к гл. 5, 30); мае (т) трѣпѣти (Мф. 17:12, 76 об.); мае (т) ѿпоустити (Мф. суммарий к гл. 18, 30); мае (т) вѣйти (Мф. 26:54, 114); мае (т) вѣйти (зливано) (Мк. 2:22, 135 об.); мае (т)... загиноути (Лк. 13:33, 282 об.); са... мае (т) вѣполнити (Лк. 21:7, 313 об.); мае (т) прѣйти (Лк. 21:32, 316); мае (т) вѣйти (вѣзнесе́нь) (Ин. 3:14, 350); мае (т) прѣйти (Ин. 4:25, 355 об.); мае (т) пойти (Ин. 7:35, 375(2)); мае (т) прѣйти (Ин. 7:41, 42, 375 об.(2)); мае (т) вѣйти (Ин. 14:22, 413); маеть... трѣпѣти (Мк. 8:31, 158); маеть са скончатѣ (Мк. 13:4, 179 об.); маеть (вѣданы) вѣйти (Лк. 9:44, 258); маеть... оуинити (Лк. 18:7, 299); маеть прѣйти (Лк. 21:26, 315 об.); имае (т) вѣйти (Мф. 16:22, 74 об.); прѣйти имае (т) (Ин. 7:42, 375 об.); прѣйти... имаеть (Мф. 16:27, 75); имаеть... трѣпѣти (Мк. 9:12, 160 об.).

1 л. мн. ч. (3 примера):

маємо наоуинити (Ин. 6:5, 364 об.); маємо уинити (Ин. 6:28, 367); маємо уинити (Ин. 11:47, 398 об.) – все примеры со значением долженствования.

2 л. мн. ч. (3 примера):

маеть... видѣти (Мф. 23:39, 100 об.); померети маеть (Ин. 8:24, 379 об.); имаеть оуходити (Мф. 10:23, 50 об.) – все примеры со значением предсказания.

3 л. мн. ч. (14 примеров):

са мають... молити (Мф. суммарий к гл. 6, 35); мають дати (Мф. 12:36, 58); мають (наси́довани) вѣйти (Мф. суммарий к гл. 23, 97); мають вѣоусити (смирѣти) (Мк. 8:38, 159); мають вѣоусити (смирѣти) (Лк. 9:27, 256); мають стати (Лк. 21:7, 313 об.); мають оувѣрити (Ин. 17:20, 423 об.); мають са кланати (Ин. 4:24, 355 об.); маю(т) вѣоусити (смирѣти) (Мф. 16:28, 75 об.); маю(т)... ити (Лк. 21:33, 316 об.); маю(т) прѣйти (Ин. 16:13, 418 об.);

маю(т) вѣйти (читанъ) (Месяцелов, 480); имають... плакати (Мф. 9:15, 46); имають вѣйти (Мф. 24:21, 102 об.).

Все примеры со связкой на -л сконцентрированы в Евангелиях от Луки и Иоанна, что еще раз подтверждает предположение о нескольких переводчиках ПЕ (подробнее об этом см. [4], [5]). Во всех встретившихся примерах значение, реализуемое в инфинитивных конструкциях, – предсказания, или неизбежного будущего⁴ (употребления – исключительно в 3-м лице):

3 л. ед. ч.:

мѣль... вѣйти [364]; [мѣль]... войти [332 об.]; мѣль... вѣскр(с)ноути [436]; мѣль вѣбавити [210 об.]; мѣль вѣдати [370 об.]; мѣль пойти [260 об.]; мѣль прѣйти [307, 365 об.]; прѣйти мѣ(л) [321]; мѣль... продати¹ [407 об.]; мѣль терѣпѣти [256 об.]; мѣль... терѣпѣти [332 об.]; оумерети мѣль [404]; маля оуинити [364 об.].

3 л. мн. ч.:

мѣли прѣйти [424 об.]; мѣли прѣйти [375].

В одном примере из 16 зафиксированных используется украинский глагол *мати*⁵ со значением намерения: а тоє мовиль искоушаючі єго. вѣдал' ко ω(н) ш'то маля оуинити (Ин. 6:6; 364 об.) ('Сам знал, что хотел сделать'). В остальных случаях употребляется глагол мѣти со значением неотвратимости:

иже насъ мѣль вѣбавити. ѿ непрѣдѣлен нашихъ. и из роуку вѣсѣхъ которы(н) на(с) ненавидать. (Лк. 1:71, 210 об.) (возвестил... что спасет нас); которыи и мовили ω смрѣти єго. котороу мѣль терѣпѣти вѣ їер(с)лимѣ. (Лк. 9:31, 256 об.); а посла(л) ихъ по два прѣ(д)лицемъ своимъ. до вѣсакго города и до мѣста. где коли самъ мѣль пойти. (Лк. 10:1, 260 об.); вл(с)венъи ѿн' то црѣ, которыи мѣль прѣйти вѣ има гнѣ (Лк. 19:38, 307); и вѣль вѣ по(д)визѣ. коли то прѣйти мѣ(л) на него, уасъ смрѣтел'ныи. и с пил'ностю молилась. (Лк. 22:44, 321, glossa); а ѿи не мѣль тѣ(х) рѣѣи х'с терѣпѣти. и такъ войти до славы своей. (Лк. 24:26; 332 об.) (не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?); и мовили иже то єсть правдивъи прѣ(р)окъ. которыи то мѣль прѣйти на свѣ(т). (Ин. 6:14, 365 об.) (которому должно прийти в мир); Єв(г)лиета вѣписоує, такъ їс накор'иниль люди па(т)ма хлѣбъ. и двѣма рѣбами. ѿ которы(х) же то мѣль на цр(с)тво поставень вѣйти. (Ин. суммарий к гл. 6, 364); вѣдал' ко и споуд(т)коу їс. который то вѣли ш'то не вѣрили. и кто вѣль тотъ ш'то єго мѣль вѣдати. (Ин. 6:64; 370 об.); а то рекль ω дх'оу. которо жъ мѣли прѣпати вѣроуѣи в него. ко єще не данъ вѣль дх' стѣи. и їс єще не вѣль прославленъ. (Ин. 7:39; 374 об.–375); а тоє поведаючи. даваль з'нати. якоу смрѣтїю оумерети мѣль. (Ин. 12:33; 403 об.–404) (давал знать, какою смертью умрет); вѣдал' ко, который з' ни(х) мѣль єго продати. (Ин. 13:11; 407 об.); але їс вѣдалъ вѣс рѣун. который мѣли прѣйти на него: вѣшоль против' ни(х), а рекль имъ. кого глѣдаєтє. (Ин. 18:4; 424 об.); ко єще, достаточне не з'нали пис'на. иже ѿнь мѣль из' мрѣтѣ(х) вѣскр(с)ноути (Ин. 20:9; 435 об.–436) (не знали, что ему надлежало воскреснуть).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя полученные результаты, отметим, что инфинитивные конструкции с *(и)мати* в исследуемых «простомовных» памятниках XVI века передают не только модальную семантику, но и в случаях со связкой в прошедшем времени (2 примера в ЕТ и 16 примеров в ПЕ) – значение (неизбежного) будущего в прошедшем. Употребления со связкой в настоящем времени

демонстрируют в инфинитивных конструкциях различные виды модальных значений: долженствования, возможности/невозможности, клятвы, неизбежности. Значение предсказания (неотвратимости) будущего оказывается наиболее распространенным для памятников религиозного содержания, значение долженствования – для деловой «простомовной» письменности XVI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Все описываемые глагольные формы помечены индексами – цифра обозначает количество встретившихся употреблений глагольной формы в исследуемых текстах.
- ² Модальный оттенок вносит греческий глагол μέλλω: а) ‘намереваться, предстоять’; б) ‘долженствовать, быть должным’; значения сочетания μέλλω с инфинитивом: «а) <...> означает намерение или желание человека, составляющее проявление его воли: μέλλω γράφειν “я намереваюсь (намерен, хочу, думаю) писать”; ἐμελλον γράφειν “я намеревался (был намерен, хотел, думал) писать” <...> б) Оно означает предположение о будущем, причем выражается мысль, что подлежащее этого сочетания будет действовать или будет находиться в известном положении не по своей воле, а в силу каких-либо внешних обстоятельств» [6: 300].
- ³ Имеется в виду «деонтическая модальность», при которой есть источник вне агенса, предписывающий, что он может или должен сделать. Таким источником может быть закон, религия, моральные представления общества и т. п. [12: 18]. Далее выделяется деонтическая возможность (= позволение), о которой здесь идет речь, и деонтическая необходимость (= долженствование), которая будет описана ниже.
- ⁴ Типологически сходные результаты представлены в исследовании И. С. Юрьевой: «...в подавляющем большинстве древнерусских летописных контекстов глагол *имамь* в инфинитивных конструкциях выступает в значении неизбежности, неотвратимости. Контексты чаще всего – предсказание (неизбежное будущее) или клятвы» [9: 72]; в житиях из Успенского сборника XII–XIII веков, как и в летописях, «глагол *имамь* в инфинитивных конструкциях выступает в том же типе контекстов и в основном реализует значение неотвратимости» [9: 73].
- ⁵ Инфинитивные конструкции с прош. вр. от укр. глаг. *мати* А. А. Потебня толкует как «неисполненное намерение», «вероятность» [3: 357], однако в данном примере видим значение намерения, которое непременно исполнится. О модальном значении у глагола *мати* в современном украинском языке см.: [8: 105].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмина И. Б. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. М., 1954. С. 81–138.
2. Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. 717 с.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958. 536 с.
4. Смирнова Е. А. Формы прошедшего времени в «простой мове»: на материале Пересопницкого Евангелия в сравнении с Евангелием Тяпинского // Slavistica Vilnensis. Т. 63. Вильнюс, 2018. С. 167–193.
5. Смирнова Е. А. Если бы да (к)абы: особенности форм условного наклонения в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг. // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. Łódź, 2018. С. 445–460.
6. Соболевский С. И. Древнегреческий язык. СПб., 2000. 615 с.
7. Соколова М. А. Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века // Ученые записки ЛГУ: Вопросы грамматического строя и словарного запаса языка. Л.: ЛГУ, 1952. Вып. 18. С. 52–79.
8. Юрковский М. Ю. Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв. // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола / Под ред. Г. А. Хабургаева, А. Бартошевич. М., 1991. С. 101–105.
9. Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. М., 2011. № 2 (22). С. 68–88.
10. Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. 328 с.
11. Пересопницке Евангеліе 1556–1561 pp. Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик / Видання підготувала І. П. Чепіга за участю Л. А. Гнатенко. Київ, 2001. 703 с.
12. Besters-Dilger J. Modalität im Polnischen und Russischen. Historische Entwicklung des Ausdrucks der Notwendigkeit und Möglichkeit als Resultat von Beeinflussung durch nicht-slavische Sprachen. Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1997. 43. S. 17–31.
13. Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare. Padeborn, München, Wien, Zürich, 2005. 231 s.

Поступила в редакцию 15.08.2020; принята к публикации 12.04.2021

Ekaterina A. Smirnova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5763-6662; katarzina@yandex.ru

COMPOUND FUTURE TENSE IN “PROSTA MOVA” TEXTS OF THE XVI CENTURY

Abstract. The article describes various modal meanings expressed by one grammatical construction of compound future tense, using three sixteenth-century manuscripts written in the “prosta mova”, the literary language of the Grand Duchy of Lithuania. The special focus is placed on Compound Future I, namely the “*маю* + infinitive” construction and its meanings in the “prosta mova” clerical and regulatory manuscripts. In all the studied texts this construction has modal semantics with different meanings depending on a particular text – e. g., obligation, possibility/impossibility, inevitability or vow. In the clerical manuscripts, the constructions using the linking verb in the past tense (*мелъ* + infinitive) express both the modal meaning and the future-in-the-past meaning. Two most common meanings for the studied grammatical construction are prediction (inevitability) in the clerical texts and obligation in the regulatory text. This kind of research is important for studying the Slavic languages interference, which obviously had a significant impact on the “polysemy” of the studied construction in the XVI century.

Key words: compound future tense, prosta mova, semantics, modality

For citation: Smirnova, E. A. Compound future tense in “prosta mova” texts of the XVI century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):66–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.638

REFERENCES

1. Kuz'mina, I. B. The use of imperative verb forms in the Russian language of the XI–XVII centuries. *Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences*. Vol. V. Moscow, 1954. P. 81–138. (In Russ.)
2. Myakishev, V. Language of the 1588 Statute of the Grand Duchy of Lithuania. Kraków, 2008. 717 p. (In Russ.)
3. Potebnya, A. A. From the notes on Russian Grammar. Vols. I–II. Moscow, 1958. 536 p. (In Russ.)
4. Smirnova, E. A. Past tense forms in “prosta mova”: based on the material of the Peresopnytsia Gospels in comparison with Vasily Tyapinski's Gospels. *Slavistica Vilnensis*. Vol. 63. Vilnius, 2018. P. 167–193. (In Russ.)
5. Smirnova, E. A. *Jesli by da (k)aby*: peculiarities of conditional form in the Peresopnytsia Gospels 1556–1561. *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. Łódź, 2018. P. 445–460. (In Russ.)
6. Sobolevskiy, S. I. The Ancient Greek language. St. Petersburg, 2000. 615 p. (In Russ.)
7. Sokolova, M. A. Expression of will in Russian everyday and commercial texts of the XVI century. *Proceedings of Leningrad State University: Language Grammar and Vocabulary*. St. Petersburg, 1952. Issue 18. P. 52–79. (In Russ.)
8. Yurkovskiy, M. Yu. Compound future tense in the Ukrainian language of the XIV–XV centuries. *Studies of Slavic verbs. History of Slavic verbs*. (G. A. Khaburgaeva, A. Bartoshevich, Eds.). Moscow, 1991. P. 101–105. (In Russ.)
9. Yuryeva, I. S. Infinitive constructions with the auxiliary verbs *имамъ* and *умоу* in the Old Russian texts. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2011;2(22):68–88. (In Russ.)
10. Bulyka, A. M., Zhuraŭski, A. I., Kramko, I. I. Historical morphology of the Belarusian language. Minsk, 1979. 328 p.
11. Peresopnytsia Gospels (1556–1561). Studies. Transliterated text. Dictionary. (I. P. Chepiga, L. A. Gnatenko, Eds.). Kiiiv, 2001. 703 p.
12. Besters-Dilger, J. Modalität im Polnischen und Russischen. Historische Entwicklung des Ausdrucks der Notwendigkeit und Möglichkeit als Resultat von Beeinflussung durch nicht-slavisches Sprachen. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1997. 43. S. 17–31.
13. Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare. Padeborn, München, Wien, Zürich, 2005. 231 s.

Received: 15 August, 2020; accepted: 12 April, 2021

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА УЛИТОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела древнерусского языка
Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук;
доцент кафедры «Русский язык и литература»
Университет «Синергия» (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6578-7615; ulitovs@mail.ru

ОБ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В «ИЗВЕТЕ СТАРЦА ВАРЛААМА» И КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫХ ГРАМОТАХ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО

А н н о т а ц и я . В работе исследуются тексты времен Смуты: «Извест старца Варлаама» и крестоцеловальные грамоты Василия Шуйского, о языке которых пока почти ничего неизвестно, чем объясняется актуальность работы. В целях более объективного изучения порядка слов двух самостоятельных произведений, включенных в состав анонимной исторической повести «Иное сказание», извест старца Варлаама и грамоты Шуйского сопоставлены с деловыми документами XVII века и другими частями «Иного сказания». В ходе подсчета примеров и анализа порядка слов в атрибутивных словосочетаниях обнаружилось весьма интересное смешение книжных и некнижных черт: притяжательные местоимения тяготеют к постпозиции, в произведениях употребляются причастия (эти явления в XVII веке были особенностью книжных текстов). В то же время в источниках указательные местоимения исключительно препозитивны (что в этот же период было характерно для деловых документов). Вероятно, в грамотах Шуйского существовала связь позиции атрибута с одушевленностью определяемого. Это первый московский документ, в котором обнаружена данная зависимость. В дальнейшем планируется исследовать связь одушевленности определяемого с позицией атрибута в других текстах XVII века, написанных в Москве.

К л ю ч е в ы е с л о в а : старорусский язык, порядок слов, атрибутивное словосочетание, «Извест старца Варлаама», крестоцеловальные грамоты Василия Шуйского, «Иное сказание»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Улитова А. С. Об атрибутивных словосочетаниях в «Известе старца Варлаама» и крестоцеловальных грамотах Василия Шуйского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 71–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.639

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что порядок слов в древнерусском языке существенно отличался от словорасположения в современном русском языке [1: 410–412]. Принципиальная разница имеется в том числе в строении атрибутивного словосочетания: неоднократно отмечалось, что если в наши дни в литературном языке определение, как правило, предшествует определяемому [14: § 2145], то в древнейшую эпоху атрибут нередко располагался после главного члена [15]. Словопорядок в именной группе мог определяться множеством факторов:

– частью речи определения (прилагательные чаще стояли в постпозиции по отношению к определяемому, чем порядковые числительные) [3: 169–171];

– разрядом атрибута (притяжательные и относительные прилагательные стояли после существительного чаще, чем качественные) [2: 412–413];

– регистром (в житиях процент постпозиции притяжательных местоимений был выше, чем в берестяных грамотах) [11: 245–246];

– значением существительного (грамматическая категория одушевленности в древнерусском языке еще не сформировалась¹, однако с именами, которые впоследствии стали одушевленными, притяжательное располагалось постпозитивно чаще, чем со словами, обозначающими предметы [21: 55]);

– наличием в именной группе предлога (он перетягивал атрибут в препозицию) [10: 295];

– числом (в некоторых старорусских текстах обнаружена корреляция между множественным числом и препозицией определения) [18: 119];

– диалектной принадлежностью памятника (в челобитных северно-западнорусского происхождения первой половины XVII века обнаружено значительно большее число постпозитивных атрибутов, чем в современных им деловых документах южнорусского происхождения) [18: 114];

– контекстом, в котором находилось атрибутивное словосочетание (если именная группа входила в состав сравнения, то прилагательное чаще всего было постпозитивным) [19: 58] и т. д.

В XVI–XVII веках произошли существенные изменения в нормах словорасположения внутри именной группы: вероятно, именно в эту эпоху постпозиция определения стала выполнять стилистическую функцию. Это произошло в связи с тем, что заметно вырос процент препозитивных определений, и на фоне препозиции постпозиция получила высокую стилистическую окраску [8: 218], [17: 14]. Другим существенным изменением стало сокращение числа кратких форм прилагательных в данную эпоху [4: 100–104]. Текстам старорусской эпохи посвящено меньшее количество работ, чем древнерусскому синтаксису [5], [9], чем и объясняется цель данной работы – изучить порядок слов в малоисследованных произведениях первой половины XVII века. Для анализа взяты так называемый «Извет старца Варлаама» и крестоцеловальные грамоты Василия Шуйского. Эти произведения входят в состав «Иного сказания» – анонимной исторической повести, названной так по аналогии со «Сказанием» Авраамия Палицына [13: 330], однако по ряду языковых особенностей извет и грамоты резко отличаются от основного текста и должны быть рассмотрены отдельно (более подробно история создания повести описана в [16: 237–240]). Так, язык «Извета старца Варлаама» и крестоцеловальных грамот В. Шуйского интересен тем, что строение атрибутивного словосочетания в них во многом отличается от современных им деловых и книжных текстов (в том числе от других частей «Иного сказания»), описанных в [18: 116]. В то же время эти два текста обнаруживают ряд общих черт: есть только формы глаголов на -л (кроме цитат, отражающих речь Лжедмитрия I, где есть и другие формы прошедшего времени: *злокосненнаго его помысла не восхотѣ исполнити* с. 27), лексические церковнославянизмы немногочисленны (например, это послелог *ради*: *грѣхъ ради нашихъ* с. 24) и т. д. Существует обширная литература по историческим повестям XVII века и публицистике [12] и др., но анализу языка исследуемых произведений уделено мало внимания, и этот пробел необходимо заполнить. Примеры, представленные в данной работе, приводятся по изданию².

I. АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫХ ГРАМОТАХ В. ШУЙСКОГО

В царских грамотах обнаружено 358 одиночных препозитивных определений и 99 постпозитивных (78 % / 22 %). Из подсчетов исключены атрибутивные словосочетания с приложениями, так как это особый род атрибутивных словосочетаний [20: 28].

I.1. Имена прилагательные

Притяжательные прилагательные 8 раз стоят в постпозиции и 9 – в препозиции, однако большинство примеров с порядком слов «определение – определяемое» включает в себя слово «*божий*» (7 случаев из 8), поэтому именно оно, а не все притяжательные прилагательные, тяготело к постпозиции. Заметим, что позиция притяжательных прилагательных также зависела от падежа и предлога: постпозитивные прилагательные за исключением одного примера встречаются в беспредложных словосочетаниях, стоящих в именительном и винительном падежах, что было характерно и для некоторых древнерусских текстов³.

Препозиция:

Зѣ Божією помочію (хотимъ держати) с. 69, *Божією милостію* с. 71, *царевымъ сыномъ* с. 73, *при папиныхъ посланникѣхъ* с. 75, *Христовыхъ овецъ* с. 81, *на царевичевыхъ же мощѣхъ* с. 84, *на царевичевыхъ мощахъ* с. 84, *папинъ легатъ* с. 93, *къ папину легату* с. 94.

Постпозиция:

Церкви Божіи (осквернили) с. 67, 74, *за волею Божією* с. 69, *Церкви Божія (стояли)* с. 70, *(и) легатъ папинъ (писалъ)* с. 94, *Церкви Божія (и святые иконы обругалъ)* с. 74, *милость Божія* с. 86, *церкви Божіи (льготу свою приняли)* с. 87.

Таким образом, притяжательные прилагательные в большинстве случаев находятся в препозиции, что было характерно для деловых текстов XVII века. Именно в них данные определения были препозитивными, в то время как постпозитивное притяжательное прилагательное являлось особенностью текстов книжных (например, в основной части «Иного сказания» процент постпозиции притяжательных прилагательных – 66 %)⁴.

Относительные и качественные прилагательные также в большинстве случаев препозитивны. Среди небольшого числа примеров с постпозитивным прилагательным несколько случаев приходится на конец фразы, что, по словам И. И. Ковтуновой, придает фразе интонацию плавного завершения [6: 55]: *Богъ милосердый (не хотя исполнити)* с. 67, 87, *(яко) агія незлобивоє (заклася)* с. 82. Таким образом, возможно, здесь имеется стилистическое использование постпозиции атрибута, и это один из ранних примеров данного явления.

I.2. Атрибутивные местоимения

В грамотах Шуйского встретилось 48 примеров с постпозицией местоимения (его – 10 раз, нашъ – 11, ихъ – 5, свой – 15, мои – 4, ее – 3). В препозиции стоят 33 местоимения (свой – 13 примеров, его – 10, вашъ – 1, нашъ – 3, ихъ – 4, мои – 1).

Препозиция: *по своимъ дѣломъ* с. 67, *его родству* с. 68, *(смотря) по вашей службѣ* с. 69, *наши грамоты* с. 71, *въ его хоромѣхъ* с. 75 и т. д.

Постпозиция: *душу еѣ* с. 86, *у братіи ихъ (не отъимати)* с. 72, *(не осудя) зѣ бояры своимъ* с. 72, *прародители мои* с. 71 и т. д.

Нужно отметить, что в крестоцеловальных грамотах Василия Шуйского существовала зависимость положения притяжательного местоимения *нашъ* от одушевленности существительного: с одушевленным определяемым оно чаще стоит в постпозиции, чем с неодушевленным: *наши грамоты* с. 71, *по нашему указу* с. 75 (всего 3 примера), *но бояромъ нашимъ* с. 68, *прародителей нашихъ* с. 69 (всего 16 примеров) и т. д.

Похожая зависимость существовала в берестяных грамотах, но не в книжных текстах [10], [22: 553].

Указательные местоимения почти в 100 % случаев препозитивны (в XVII веке их постпозиция встречалась преимущественно в книжных текстах [18: 113]):

извычей (у меня) тотъ (уложился) с. 78, *въсть та (приидеть)* с. 92 / *въ той вѣрь* с. 67, *того* Гришки с. 68, *отъ такового злодѣйства (избыли)* с. 68, *по ся места* с. 94, *семъ дѣломъ* с. 94, *надъ тѣмъ де воромъ* с. 76, *до сего дни* с. 85 – и т. д.

I.III. Причастия

В грамотах Шуйского встретилось заметное количество причастий. При этом в деловых документах XVII в. они практически отсутствуют⁵:

Препозиция: *ту утверженную запись* с. 71, *у таеные его думы* с. 77, *съ утверженные грамоты* с. 87 и т. д.

Постпозиция: *(выезжаютъ) роты вооружены* с. 78, *(взято) листъ утверженной* с. 75.

Необходимо упомянуть, что в грамотах Шуйского многие причастия входят в состав устойчивых словосочетаний, которые часто встречаются в книжных текстах, но есть 7 примеров, в которых влияние иных книжных текстов не прослеживается. Это уже существенно больше, чем в деловых текстах.

I.IV. Повтор предлога

Кроме особенностей построения атрибутивных словосочетаний примечательным фактом является регулярно встречающийся в исследуемых текстах повтор предлогов при определении, который был отличительной чертой синтаксиса древнерусского языка (*съ своею братьею съ князи*) [15: 90–92]. Это явление было взаимосвязано с порядком слов в атрибутивном словосочетании: как правило, предлог дублировался, если определение стояло после определяемого [1: 30]. При этом данная особенность практически отсутствовала в текстах высокого регистра, но была широко распространена в текстах не книжных [7: 80].

Шуйск.: *на томъ на всемъ (ему пристѣгаль)* с. 68, *(крестъ) на томъ на всемъ (целоваль)* с. 76, *въ збруе во всей (и со всѣмъ оружіемъ)* с. 77, *о томъ о всемъ* с. 92.

Отметим, что при этом в других частях «Иного сказания», которые были дополнительно проанализированы автором в ходе работы, дублирова-

ние предлога, вероятнее всего, намеренно удалялось из произведения, так как подобные примеры отсутствуют, но при этом повтор предлога встречается в уточнительных конструкциях: *въ 1 день, въ день недѣльный* с. 83, *предъ новымъ мученикомъ, предъ сыномъ своимъ Дмитріемъ* с. 85.

II. АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В «ИЗВЕТЕ» СТАРЦА ВАРЛААМА

В «Извете», который намного меньше по объему, чем грамоты Шуйского, атрибут стоит перед определяемым в 74 примерах, а после него – в 29 примерах (72 % / 28 %); напомним, что в правительственных грамотах обнаружено 358 одиночных препозитивных определений и 99 постпозитивных (78 % / 22 %). Таким образом, процент постпозитивных определений в «Извете» немного больше, чем в грамотах.

II.I. Имена прилагательные

Притяжательные прилагательные тяготеют к препозиции (10 примеров):

(поидемъ) до Воскресенія Господня с. 20, *(поидемъ) до Гроба Господня* с. 20, *судомъ Божіимъ (отца нашего на Російском престоле не стало)* с. 23 (всего 3 примера постпозиции) / *Божіимъ позволеніемъ* с. 23, *Божіимъ попущеніемъ* с. 24, *(было итти) до Господня Гроба* с. 21 и т. д.

Однако в отличие от крестоцеловальных грамот в «Извете» прилагательное «божий» не тяготеет к постпозиции, а располагается свободно: *Божіимъ позволеніемъ* с. 23, *божіею помощію* с. 23 / *судомъ Божіимъ* с. 23.

Проанализировать связь позиции атрибута с наличием в именной группе предлога невозможно из-за недостаточного количества примеров.

Относительные и качественные прилагательные также тяготеют к препозиции:

1) Относительные прилагательные (63 % препоз. / 37 % постпоз. – 32 препозитивных прилагательных против 15 постпозитивных):

въ іконномъ ряду (2р.) с. 20, *іночское платіе* с. 21, *въ Литовскую землю* с. 20, *Люторской грамотѣ* с. 21 / *платіе іночское (скинути)* с. 21, *старцы многие (души свои спасали)* с. 20;

2) Качественные прилагательные (10 препозитивных определений и 3 постпозитивных):

злымъ умысленіемъ с. 25, *милостивый королю* (зв.) с. 23 / *въ славу (де вшелъ) въ великую* с. 19, *(пришелъ) чернецъ молодъ* с. 19.

В «Извете» обнаружена интересная особенность: порядок слов и язык в целом резко меняются при передаче слов Лжедмитрия I, произносящего торжественную речь перед польскими панами (случаи употребления сложной системы прошедших времен и большая доля постпозитивных атрибутов приходятся на цитаты):

коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ бысть славенъ (Иван Грозный. – А. У.) с. 23; *судомъ Божіимъ*

отца *нашего* на Російскомъ государствѣ не стало с. 23. Ср. это с «собственными словами» старца: *въ коей (хто) вѣрѣ* с. 21, *возжа (добыли) Івашка Семенова* с. 20.

II.II. Атрибутивные местоимения

В «Извете» наблюдается небольшой перевес постпозиции над препозицией (7 и 5 примеров соответственно):

Препозиция: (*видя*) *мое* досужество с. 19, *во свое* бо-гомолье с. 21, *твой* холопъ (...истеряетъ) с. 23, *твоимъ* царствомъ с. 23, (*роспросити*) *его* дочери с. 25;

Постпозиция: души *свои* (спасали) с. 20, *въ судьбахъ своихъ* (сохранилъ) с. 23, *возрасту нашего* (...не стало) с. 23, *измѣнники наши* (послали) с. 23, *отца нашего* с. 23, *брата твоего* (в. п) с. 23, *грѣхъ ради нашихъ* с. 24.

Указательные местоимения тяготеют к препозиции:

въ той вѣрѣ (пребываетъ) с. 22, *тотъ* Гришка с. 24, *тому* Гришке с. 22, *того* Гришку (съ собою взялъ) с. 22, *про того* Гришку с. 24, (*пойдемъ*) *въ тотъ* монастырь с. 19, *въ тѣ* поры с. 23, *тотъ* рострига с. 24, *тотъ* рострига с. 24, *того* Якова Пыхачева с. 24.

II.III. Причастия

В «Извете» старца Варлаама встретилось существенно меньше причастий, чем в грамотах Шуйского: *невидимую силою* с. 23, (*добыли...*) *оставленного старца* с. 20, *врага Божіею про-клятого отъ всего вселенскаго собора* с. 24.

В процентном соотношении 3 примера – это 3 % от общего числа атрибутивных словосочетаний; в грамотах Шуйского этот показатель равен 5 %.

II.IV. Повтор предлога

Дублирующий предлог встретился в обоих исследованных текстах, однако отметим, что состав таких предлогов в «Извете» и грамотах разный:

Шуйск.: *на томъ на* всемъ (ему пристѣгаль) с. 68, (*крестъ*) *на томъ на* всемъ (целоваль) с. 76, *въ збруе во* всей (и со всѣмъ оружіемъ) с. 77, *о томъ о* всемъ с. 92, *съ нимъ съ* Сандомирскимъ (говорилъ) с. 76 – повторяются предлоги *на, въ, о, съ*.

Извет: *къ пану къ* Госкому с. 21, *по паномъ по* рад-нымъ (его возилъ) с. 22, *въ славу* (де вшелъ) *въ* великую с. 19, *про то про* все с. 25 – повторяются предлоги *къ, по, въ, про*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в «Извете старца Варлаама» и грамотах В. Шуйского наблюдается интересное смешение книжных и некнижных черт. Книжные черты: большой процент постпозитивных притяжательных прилагательных и местоимений; использование позиции определения в создании стилистического приема. Некнижные черты: повтор предлога, препозитивные указательные местоимения.

Само соотношение препозитивных и пост-позитивных определений для обоих произведений является «промежуточным» между деловыми и книжными текстами XVII века: если общее число препозитивных определений в деловых текстах в данный период доходило до 85 %, то в книжных текстах (в том числе в «Ином сказании») – 62–68 % [18: 115–117]. Напомним, что в грамотах Шуйского процент препозиции равен 78 %, а в «Извете» – 72 %. В то же время в произведениях есть и ряд различий:

1) Только в грамотах Шуйского обнаружена зависимость позиции притяжательного местоимения *наш* от одушевленности определяемого.

2) В грамотах причастия употребляются активнее, чем в «Извете».

3) По-разному ведут себя в текстах отдельные атрибуты: притяжательное прилагательное «божий» в грамотах стремится к постпозиции, но свободно располагается в «Извете».

4) Состав дублирующих предлогов при постпозитивном определении разный: в крестоцеловальных грамотах повторяются предлоги *на, въ, о, съ*, а в «Извете» старца Варлаама – *къ, по, въ, про*.

Таким образом, выяснилось, что существовали тексты, в которых особенности книжной речи весьма интересным образом пересекались с явлениями, характерными для деловых документов (по крайней мере в плане атрибутивного словосочетания). Данное наблюдение еще раз подчеркивает сложные взаимоотношения текстов разных регистров в истории русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крысько В. Б., Попов М. Б. История русского языка [до XVIII в.] // Русский язык: Энциклопедия. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Аст-пресс школа, 2020. С. 245.

² Русская историческая библиотека. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб: Типография И. И. Сковородова, 1891. 864 с.

³ Казаковцева О. С. Расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках XI–XIII веков (на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2019. С. 25.

⁴ Улитова А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.

⁵ Там же. С. 21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 4-е изд. М.: URSS, 2007. 512 с.

2. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: URSS, 2002. 448 с.
3. Евстифеева Р. А. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской I летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 161–204.
4. Гращенков П. В., Курьянова О. В. Порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка и статус прилагательного в структуре именной группы // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 72–108. DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33
5. Жихарева Н. Д. Синтаксис простого предложения в языке Уложения 1649 г. и его связь с народно-разговорной речью // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. С. 29–33.
6. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы: Монография. М.: Наука, 1969. 231 с.
7. Климовская И. И. О некоторых последствиях инверсии исконно постпозитивного определения в истории русского языка // Ученые записки Томского государственного университета. 1965. Т. 54. С. 78–93.
8. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 292 с.
9. Маруяма Ю. К вопросу о порядке слов в атрибутивном словосочетании в русском языке конца XVII века (на основе редакции «Жития протопопа Аввакума») // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. С. 188–214 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39448/1/ASI22_010.pdf (дата обращения 14.05.2020).
10. Минлос Ф. Р. Линейное положение прилагательных в древнерусском: возвращаясь к статье Д. Ворта // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 287–296.
11. Минлос Ф. Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. М., 2012. С. 234–246.
12. Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1961. 82 с.
13. Платонов С. Ф. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Наука, 2010. 588 с.
14. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. М., 1980. Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения 14.05.2021).
15. Санников В. З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М.: Наука, 1968. С. 47–95.
16. Туфанова О. А. Традиции воинской повести в «Ином сказании» (на примере анализа эпизода осады Новгорода Северского) // Славянский мир в третьем тысячелетии: Россия и славянские народы во времени и пространстве. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 237–250.
17. Улитова А. С. Когда постпозиция определения в русском языке стала стилистически значимой? // Русистика без границ. 2018. № 2. С. 8–15.
18. Улитова А. С. О связи числа и порядка слов в именной группе с одиночным атрибутом (на материале текстов XVII века) // Филология и культура. 2020. № 1 (59). С. 113–120. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-113-120
19. Уханов Г. П. К истории атрибутивных словосочетаний. Выражение согласованного определения в «Хождении Афанасия Никитина за три моря» и в произведениях паломнической литературы // Ученые записки Калининского педагогического института. 1957. Т. 19, вып. 2. С. 31–76.
20. Шатух М. Г. Структурно-семантические разряды приложений в современном русском языке // Вопросы языкознания: Сборник статей. Кн. 1. Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1955. С. 19–32.
21. Minlos P. R. Some controversies concerning possessive noun placement in Old Russian // Сборник Матице Српске за филологию и лингвистику, LIV / 2. Нови Сад, 2011. Р. 53–59 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/2414293/Some_controversies_concerning_possessive_pronoun_placement_in_Old_Russian (дата обращения 14.05.2021).
22. Worth D. Animacy and adjective order: the case of новгородскѣ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. № 31/32. Р. 533–554.

Поступила в редакцию 30.07.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Anastasia S. Ulitova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Synergy University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6578-7615; ulitovs@mail.ru

ATTRIBUTIVE PHRASES IN *BARLAAM'S DENUNCIATION* AND VASILY SHUYSKY'S OATH-TAKING CREDENTIALS

Abstract. The article addresses the texts of Russia's Time of Troubles (*Smutnoye Vremya*), namely *Barlaam's Denunciation* and the oath-taking credentials of Vasily Shuysky. The research novelty and relevance is due to the fact that the language of these texts remains largely unstudied. The analyzed manuscripts are compared with the seventeenth-century

regulatory documents and other parts of the historical document entitled *A Different Chronicle*. Quantification of examples and the word order analysis of the attributive phrases revealed a rather interesting mix of bookish and non-bookish characteristics: e. g., possessive pronouns are predominantly postpositive, and the texts contain adverbial participles (which in the XVII century was typical of bookish style), while demonstrative pronouns are only in preposition (which is a specific characteristic of official documents of this period). There is a possibility that in Vasily Shuysky's credentials the attribute's position depends on whether the main (defined) word is animate or not. This is the first-of-its kind Moscow document to demonstrate such dependency. The further research is expected to investigate the correlation between animacy/inanimacy of the defined words and position of attributes in other Moscow texts of the XVII century.

Keywords: Old Russian language, word order, attributive phrase, Barlaam's Denunciation, Vasily Shuysky's oath-taking credentials, *A Different Chronicle*

For citation: Ulitova, A. S. Attributive phrases in *Barlaam's Denunciation* and Vasily Shuysky's oath-taking credentials. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):71–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.639

REFERENCES

1. Borkovskiy, V. I., Kuznetsov, P. S. Historical grammar of Russian language. Moscow, 2007. 512 p. (In Russ.)
2. Vayan, A. Old Church Slavonic guide. Moscow, 2002. 448 p. (In Russ.)
3. Evstifeeva, R. A. Word order in the attributive phrases in the First Novgorodian Chronicle. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2008;2(16):161–204. (In Russ.)
4. Grashchenkov, P. V., Kurianova, O. V. The order of attributive adjectives in the history of Russian and the position of adjectives in the noun phrase. *Rhema*. 2018;4:72–108. DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33 (In Russ.)
5. Zhikhareva, N. D. Simple sentences' syntax in the 1649 Low Code and its connection with spoken language. *Comparative historical research of the Russian language*. Voronezh, 1980. P. 29–33. (In Russ.)
6. Kovtunova, I. I. Word order in the Russian literary language between the XVIII and the first third of the XIX centuries. Formation of the modern language norm: Monography. Moscow, 1969. 231 p. (In Russ.)
7. Klimovskaya, I. I. Some consequences of the inversion of originally postpositive attributes in the Russian language history. *Proceedings of Tomsk State University*. 1965;54:78–93. (In Russ.)
8. Kolesov, V. V. Old Russian literary language. Leningrad, 1989. 292 p. (In Russ.)
9. Maruyama, Yu. The word order in Russian attributive phrases of the late XVII century (analysis of various editions of *The Life of the Archpriest Avvakum*). *Acta Slavica Iaponica*. 2005;22:188–214. Available at: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39448/1/ASI22_010.pdf (accessed 14.05.2021) (In Russ.)
10. Minlos, P. R. Linear position of adjectives in the Old Russian language: coming back to Dean Worth's article. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2010;2:287–296. (In Russ.)
11. Minlos, P. R. Position of possessive pronouns and language registers of Old Russian texts. *Slavic dialectology studies*. Moscow, 2012. Issue 15. P. 234–246. (In Russ.)
12. Nazarevskiy, A. A. The literary aspect of credentials and other documents of Muscovite Rus of the early XVII century. Kiev, 1961. 82 p. (In Russ.)
13. Platonov, S. F. Collected works in 6 volumes. Vol. 1. Moscow, 2010. 588 p. (In Russ.)
14. Russian grammar. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Moscow, 1980. Available at: <http://rusgram.narod.ru> (accessed 14.05.2021). (In Russ.)
15. Sannikov, V. Z. Agreed attribute. *Comparative historical syntax of Eastern Slavic languages. Parts of Sentences*. Moscow, 1968. P. 47–95. (In Russ.)
16. Tufanova, O. A. Traditions of military chronicle in *A Different Chronicle* (illustrated by the analysis of the siege of Novgorod Severskiy). *Slavic world in the third millennium*. Moscow, 2009. P. 237–250. (In Russ.)
17. Ulitova, A. S. When did attribute's postposition become stylistically meaningful? *Russian Studies Without Borders*. 2018;2:8–15. (In Russ.)
18. Ulitova, A. S. On relations of the number and the word order in a nominal group with a single attribute (based on the 17th century texts). *Philology and Culture*. 2020;1(59):113–120. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-113-120 (In Russ.)
19. Ukhonov, G. P. The history of attributive phrases. Expression of agreed adjectives in Afanasy Nikitin's *Journey Beyond Three Seas* and pilgrimage literature. *Proceedings of Kalinin Pedagogical Institute*. 1957;19(2):31–76. (In Russ.)
20. Shatukh, M. G. Structural and semantic categories of appositions in the modern Russian language. *Topics in the study of language: Collected articles. Book 1*. Lvov, 1955. P. 19–32. (In Russ.)
21. Minlos, P. R. Some controversies concerning possessive noun placement in Old Russian. *Matitca Srpska Journal of Philology and Linguistics*. 2011;54/2:53–59. Available at: http://www.academia.edu/2414293/Some_controversies_concerning_possessive_pronoun_placement_in_Old_Russian (accessed 14.05.2021).
22. Worth, D. Animacy and adjective order: the case of новгородскѣ. An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985;31/32:533–554.

Received: 30 July, 2020; accepted: 12 April, 2021

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ПАПКОВА

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5776-1802; elena.iv@bk.ru

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ И ЕГО «СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ»

А н н о т а ц и я . Истории литературной группы «Серapiоновы братья» посвящено немало исследовательских работ, однако проблема неполноты знаний о ней, ее месте в литературном процессе XX века существует и может быть решена только на основании впервые вводимых в научный оборот новых архивных материалов, касающихся серapiонов. Актуальность и новизна статьи определяются тем, что в ней сделана попытка прояснить и уточнить некоторые моменты истории братства, рассмотрев малоизвестные и не так давно изданные эго-документы одного из «братьев» – писателя Всеволода Иванова. Используя метод историко-литературного комментария, автор анализирует письма Иванова 1922–1923 годов, адресованные писателям А. Н. Толстому и К. Н. Урманову, которые представляют как тесную связь молодого писателя с «братьями», так и творческие споры между ними. Другая группа документов, письма К. А. Федина и Иванова, относящиеся к декабрю 1925 года, показывают противоречивое отношение последнего к программным установкам «серapiонов»: в вопросах «идеологии» оба «брата» единомышленны, однако вопрос о направлении своего творческого пути Иванов в новых произведениях – рассказах, составивших его лучшую книгу «Тайное тайных», – решает, споря с «Серapiоновыми братьями», прежде всего серapiонами-«западниками», в том числе с их пониманием языка художественного произведения. Наконец, опубликованные в различных изданиях и отложившиеся в семейном архиве воспоминания Иванова о «серapiонах», рассмотренные с точки зрения истории текста, показывают, как в период гонений на группу «брат Алеут» стремится создать едва ли не идеальный ее портрет, подчеркивая значимость «Серapiоновых братьев» в литературном процессе XX века.

Ключевые слова: литературная группа «Серapiоновы братья», Всеволод Иванов, письма 1920-х годов, серapiоновский альманах, направление творческого пути, школа мастерства

Для цитирования: Папкова Е. А. Всеволод Иванов и его «Серapiоновы братья» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.640

ВВЕДЕНИЕ

Литературной группе «Серapiоновы братья» посвящено немало исследовательских работ: статьи Вяч. Вс. Иванова «Судьбы серapiоновых братьев и путь Всеволода Иванова» и «Лунц и Мандельштам: фабула у серapiоновых братьев» [4: 482–503], книга Б. Фрезинского «Судьбы серapiонов. Портреты и сюжеты» [12]; глава «Идеология или сюжет? (Серapiоны-критики в литературно-политической борьбе первого периода нэпа)» в книге Н. В. Корниенко «“Нэповская оттепель”: становление института советской литературной критики» [5: 71–107] и др.; материалы международных конференций 1995 года – «Литературная группа “Серapiоновы братья”: истоки, поиски, традиции» (СПб.) и 2011 года – «Серapiоновы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: к 90-летию

образования группы» (Саратов). На протяжении всего XX века выходили воспоминания самих серapiонов: книги К. Федина «Горький среди нас» (1941, 1967), В. Каверина «“Здравствуй, брат. Писать очень трудно...” Портреты. Письма о литературе. Воспоминания» (1966), М. Слонимского «Книга воспоминаний» (1967) и др. Изданы неизвестные ранее письма многих членов группы [9], [10]. Однако согласимся с Вяч. Вс. Ивановым: «...нужно отдать себе отчет в неполноте наших знаний (отчасти вынужденной: не все архивы еще открыты и обследованы, многое еще не издано) и субъективности оценок» [4: 497].

В статье на основании не так давно изданных и малоизвестных архивных материалов ставится задача уточнить и прояснить некоторые моменты истории «серapiонов», взглянув на «братьев» глазами одного из них – Всеволода Иванова.

ПИСЬМА 1921–1922 ГОДОВ

О том, как весной 1921 года никому тогда не известный Иванов появился в Доме искусств, как его познакомил с «братьями» А. М. Горький, как поражены были собравшиеся прозой писателя – ее «неожиданностью, оригинальностью и обещанием дальнейших открытий» [3: 89], вспоминали К. Федин, М. Слонимский, В. Каверин, В. Шкловский, Е. Полонская [3: 5–42, 89–101]. Сам Иванов в воспоминаниях «История моих книг» (1957) с теплотой рассказывал об этом. Но это рассказ 1950-х годов, в котором многое определялось уже сложившимся к этому времени отношением к «Серапионовым братьям». Обратимся к письмам Иванова того времени, когда это знакомство произошло, то есть начала 1920-х годов. В 1922–1923 годах (период жизни в Петрограде и активного участия в содружестве «Серапионовы братья») «брат Алеут» пишет одновременно двум корреспондентам-писателям – А. Н. Толстому и К. Н. Урманову.

В апреле 1922 года находящийся в эмиграции Толстой получает письмо от К. И. Чуковского, где, в частности, говорится о «Серапионовых братьях». Заботясь о молодых писателях, Чуковский просит Толстого «помочь – через АРА или как-нибудь – Слонимскому, Лунцу, Иванову, Зощенко», сообщает, что передал им слова Толстого о возможной публикации за границей [8: 113]. Толстой отвечает, что готовит новый журнал, «литературно-критический, без политики» (имеется в виду приложение к газете «Накануне»), и передает «горячую просьбу Замятину и “Серапионовым братьям” прислать рукописи» [2: 36–37]. 15 мая Иванов вместе с письмом посылает рассказ «Дите», который будет напечатан в «Литературном приложении» к «Накануне» 11 июня 1922 года. Закономерно, что в письмах Толстому Иванов позиционирует себя прежде всего как один из «Серапионовых братьев», и слово «мы» в его письмах явно показывает, как тесно писатель связан с «братьями», как дорожит их единством. Читаем в письме от 23 июня 1922 года:

«Все желают страстно, что<бы> Серапионы распались, ибо поодиночке удастся их прилепить к кадетствующему идолу (у него такая буддийско-металлическая усмешечка) Замятину, а может, и еще кому поглубже. А мы не хотим и не будем» [7: 455].

Письмо от 17 июля 1922 года дает представление о некоторых литературных задачах группы: «М<ожет> б<ыть>, на Запад и повлияет то, что мы пишем, а здесь мы чувствуем себя очень одинокими, я бы сказал, ненужными». В качестве примера новых «творческих форм»,

которые предлагают «серапионы», Иванов называет напечатанные в № 3 журнала «Литературные записки» их автобиографии [7: 458]. Отметим, что практически все они, в том числе и автобиография самого Иванова, написаны в стилистике, утверждавшей серапионами-«западниками» (Л. Лунцем, В. Кавериним, М. Слонимским): остранение, парадоксальность, увлекательная фабула, представление трагического, в том числе и событий недавно окончившейся Гражданской войны, в форме комического.

В противоположность приведенным фрагментам писем цитата из письма Толстому от 8 декабря 1922 года передает разногласия Иванова с «братьями», особенно с Лунцем, призывавшим русских писателей ориентироваться на Конан Дойла, Буссенара и Купера: «Я с “Серапионами” весьма воюю за быт и против сюжета...» [7: 462]. Из письма от 17 июля того же года понятно, почему Иванов не принимает программу Лунца:

«Этому новому волку – НЭПману, буржую, тоже не нужно даже, как говорил Щедрин, “драчильно-психологического” романа. Он отъестся, потребует Конан-Дойла и будет доволен» [7: 458].

Если добавить к этому слова из письма от 23 июня: «Все литература, о литер<атуре>, литературное – и мне бывает очень скучно» [7: 456], то можно увидеть, что отношение к «Серапионовым братьям» у «брата Алеута» с самого начала сложилось противоречивое: друзья, соратники по литературе, учителя, но в чем-то и оппоненты, а преданность искусству никогда не переходила у Иванова в стремление поставить его выше жизни.

Одновременно с письмами к Толстому Иванов отправляет корреспонденции в Сибирь своему давнему другу – писателю К. Н. Урманову. В одном из писем есть фраза, судя по контексту посвященная «Серапионовым братьям»: «Есть здесь талантливейшая молодежь, и тебе с ней не мешало бы познакомиться» (20 июня 1921 года)¹. Но, как ни парадоксально, это единственное восхищенное слово о серапионах. На протяжении 1921–1923 годов Иванов больше всего рассказывает другу о Петроградском Пролеткульте: о пролетарских поэтах – И. Ерошине, И. Садофьеве, А. Маширове, М. Герасимове, «замечательном хорошем парне» (Иванов: 340); о журнале «Грядущее», редактором которого он ненадолго становится в конце 1921 года. Собирая о статье М. Шагинян, посвященной серапионам, о выходе «хорошего» сборника «Серапионовых братьев» (Иванов: 366), о том, что его «выключили из Ассоциации пролетарских писателей», потому что он «не пожелал выйти из “Серапионовых братьев”» (Иванов: 364), Иванов

в письмах непривычно сдержан. Характеристики Дома искусств: «Вчера пьянствовали в Доме искусств. То есть так перепились, что описать неприлично» (Иванов: 353) – 15 января 1922 года; серапионовских учителей: «Замятин в Москве, Чуковский на даче. – Про стихи твои спросить не у кого, да и надоело мне эти благомысленные стервы!» (Иванов: 318) – 29 июня 1921 года; серапиона Н. Никитина: «...это эклектик и ничего из него не будет, хотя он и талантлив...» (Иванов: 383) – 9 июня 1923 года – в целом негативные. Слова Л. Лунца об Иванове: «Он все-таки нам чужой» [5: 63] из письма А. М. Горькому от 9 ноября 1922 года, думается, недалеко от истины. Видимо, так он себя и чувствовал, далеко не всегда разделяя общее «зверское веселье», о котором Лунц писал Н. Берберовой в письме от 30 сентября 1922 года, рассказывая о том, как ставит «потрясающие кинотрагедии по новому методу»: «Действительный член Дома искусств» (про Никитина), «Памятник Михаила Слонимского» и «Фамильные бриллианты Всеволода Иванова» и «издевается над присутствующими» [11: 58]. Почти в каждом письме Урманову, особенно за 1922 год, Иванов наряду с рассказами о достигнутых литературных успехах признается в своей «хандре», нежелании писать, скуке от Петрограда, где «камни и на камнях люди яблоками торгуют», «ни одного журнала, ни книг, и никто ни во что не верит» (23 августа 1921 года) (Иванов: 323). Делится в письмах своими сомнениями в верности политического курса страны: «...если бы война – это очень плохо – при нашем поносе, именуемом НЭПом», при котором «спекулируют все, и коммунисты и некоммунисты» (6 марта 1922 года) (Иванов: 365). Рассказывает о смерти дочери и своем желании уехать в Сибирь: «Тому много причин, одна из важнейших – огромная душевная боль», замечая попутно, что он «всякую психологию из своих работ выкинул» (в соответствии с установками серапионов), а «в душе-то образовалась достоевщина...» (17 июля) (Иванов: 379). В письме от 6 марта находим отклик на события, связанные с подготовкой в конце 1921 – начале 1922 года процесса над партий эсеров, который проходил летом 1922 года: «...Виктора Шкловского ищут арестовывать за какие-то контрреволюции в его младенчестве. Раньше он был эсер, и вот по книге Семенова его и ищут» (Иванов: 365). Известно, что одним из поводов для массовых арестов послужила провокационная книга Г. И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.» (Берлин, 1922), где, в частности, упоминался В. Шкловский. Судьба Шкловского

интересует Иванова и потому, что сам он в недалеком прошлом, в 1917 году, в Кургане являлся членом партии эсеров. Как видно из писем, ни политика, вне которой быть не получалось, ни личная жизнь Иванова не давали оснований для веселья, а «собратья», видя «брата Алеута» чаще всего молчаливым, о его душевном состоянии не догадывались.

СЕРАПИОНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

Осенью 1923 года Иванов переезжает в Москву, но связей с «братьями» не теряет. Подтверждение этому – история неопубликованного альманаха «Серапионовых братьев», которая нашла отражение в письмах Федина от 30 ноября 1925 года и Иванова от 2 декабря. Приведем фрагмент письма Федина (курсивом обозначен текст, не публиковавшийся до 2016 года):

«...До чего тихо!! Львы опять вместе с обезьянами и ослами, при этом все улыбаются. До чего скучно! От скуки – страшная злоба. Со злобы додумался я до... альманаха “Серапионовы братья”. Говорю СЕРЬЕЗНО. Вот план: выпустить к 1-му февраля (ПЯТИЛЕТИЕ!) сборник с участием ВСЕХ (покойного Лунца в том числе) серапионов; поэзия, проза, статьи (“пять лет” – это “информационно!”, “памяти Лунца”), библиография; весь состав должен быть таким, чтобы получилось впечатление, что мы ничего не заметили и замечать не собираемся! Рассказы должны быть “вообще”, по возможности необычные (т.е. без Кремля, без социологии, без всех узаконенных и приятных ослам и лвам аксессуаров), но очень хорошие. Довольно по одному листу на брата. Ты понимаешь, ЧТО будет! ЧТО поднимется!! Ничему-де не научились и пр<очее>. Все это должно быть вполне невинно, без задору. Этого только и надо, чтобы сделать действительно хорошее, полезное для наших дней дело. Весь облик альманаха должен быть неожиданностью» [10: 284].

В случае согласия Иванова Федин ждет от него рассказ, «который никуда “не подходит”». Воодушевленный идеей Иванов отвечает (напечатано впервые в 2010 году):

«Именно теперь, как никогда, необходимо выпустить такой сборник. <...> Достал я свою тетрадь, где всякие проекты записаны, начал искать... Впереди, конечно, революция и прочие благородные масла – и нашел – ну, знаешь – будет весело.

Работаю я теперь много. Правда, и заказов-то много, – но, полагаю, что самое позднее – через две недели оный рассказ будет готов. Думаю, втисну все – деревню без коммунистов, героев без партии – листа в 1½. <...> Посоветовал бы ты Кольке Никитину халтуру бросить. Я на этом обжегся, теперь года полтора-два исправлять надо. Оказывается-то, литература – вещь настоящая» [9: 699].

Первые фразы письма Федина, вероятно, отклик на знаменитое постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике

партии в области художественной литературы», закрепившее тот факт, что у пролетариата уже «есть безошибочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения». И хотя по отношению к попутчикам (а значит, и к серапионам) «общей директивой должна <...> быть директива тактичного и бережного отношения», результатом его неминуче явится «возможно более быстрый их переход на сторону коммунистической идеологии» [1: 53–58]. Судя по словам Федина о рассказах для сборника: «...без Кремля, без социологии, без всех узаконенных и приятных ослам и лвам аксессуаров», которые перекликаются со словами Иванова: в его рассказе будут «деревня без коммунистов, герои без партии», «братья» считают нужным напомнить власти и читателям, что серапионы живы и не собираются отступать от утверждавшегося ими принципа быть вне идеологии.

Однако, соглашаясь с идеей посвятить сборник «памяти Лунца», Иванов по-прежнему менее всего готов принять его программные установки. Понимание того, что «литература-то вещь настоящая», приводит Иванова к совершенно иным результатам. В конце 1925–1926 году он работает над рассказами, составившими лучшую его книгу «Тайное тайных» (1926) и сохранившими те ценности русской классической литературы, против которых выступал Л. Лунц в статье «На Запад!» – «философские и социальные вопросы», «проблемы черта и Бога, добра и зла», «нудную психологическую жвачку» [6: 350–357]. В рассказах «Жизнь Смокотинина», «Полынья», «Ночь», «Плодородие», «Поле» и других, составивших книгу «Тайное тайных», Иванов напишет о смятенной душе русского человека, с болью переживающего пореволюционный «раскол в стране» (С. Есенин). Неслучайно такое важное место занимают в книге сквозные темы бездорожья, пустыни, утраты сокровенного Слова. Другим станет и язык писателя. В «Истории моих книг» Иванов напишет, что книга «Тайное тайных» «спорила с “Серапионовыми братьями”», «отрицала орнаментализм и все другие словесные и смысловые изощрения, которыми мы были так богаты»².

ВОСПОМИНАНИЯ «ИСТОРИЯ МОИХ КНИГ»

Переходя к «Истории моих книг», отметим, что мемуары Иванова о серапионах были первыми воспоминаниями членов группы, напечатанными после публикации в «Правде» 21 сентября 1946 года доклада А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», где М. М. Зощенко был

назван «одним из организаторов литературной группы так называемых “Серапионовых братьев”». Припомнив автобиографию 1922 года, Жданов констатировал, что за 25 лет Зощенко «не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с циничной откровенностью продолжает оставаться проводником безыдейности и пошлости...<...> Как тогда, так и теперь он чужд и враждебен советской литературе»³.

Публикация в журнале «Наш современник» (1957. № 3; 1958. № 1) воспоминаний Иванова о разных периодах его жизни, в том числе и об общении с серапионами, вызвала негативные оценки. Приведем, например, отклик некоего «литературоведа», упрекнувшего писателя в том, что тот не осудил «политически вредную программу “Серапионовых братьев”»⁴. При включении воспоминаний в собрание сочинений Иванова (1958) редакторы «поправили» писателя; в семейном архиве хранится третий номер журнала «Наш современник» за 1957 год со сделанными купюрами (сокращенный редакторами текст набран курсивом):

«М. Горький познакомил меня с молодыми писателями “Серапионовы братья” из Дома искусств. *Писатели назвали себя так в честь романа знаменитого писателя Э. Гофмана. В романе этом несколько молодых людей, собравшись у пустынного Серапиона, рассказывают друг другу различные – правдивые и фантастические – истории. Ну что же! Дом искусств был достаточно пустынен и в нем имелось два-три волосатых пустынного; историй я тоже знал немало. Кроме того, пролеткультовцы, будучи в большинстве поэтами, не могли помочь мне овладеть искусством прозы. “Серапионовы братья” были преимущественно прозаики – и прозаики, по-видимому, умелые. Я стал “серапионом” и принял шуточную кличку “Брат алеут”*»⁵.

Многие эпизоды, раскрывающие повседневную голодную и творческую жизнь братства, исключались из воспоминаний. Например, слова о том, что «встречи с “серапионами”, равно как и встречи с пролеткультовцами – те и другие, хотя и по-разному, упивались новой литературой, грезил о ней, – учили, поощряли, толкали к тому, что у нас сейчас называется “овладение мастерством”»⁶. Заново переписывались по требованию редактора сомнительные с точки зрения идеологии эпизоды. Сравним журнальный вариант и вариант «Собрания сочинений» (полужирным шрифтом обозначен текст, введенный по требованию редактора):

«После того как “Серапионовы братья” приобрели некоторую известность и была напечатана статья Льва Лунца о планах и стремлениях “серапионов”, в критике стало мелькать мнение, что “Серапионовы братья” – представители новой буржуазной литературы.

К этому мнению присоединились и мои друзья, пролеткультовцы. Они предложили мне покинуть вредную группу «Серапионовы братья». *Я смеялся и грустил. Смеялся потому, что мне казалось нелепым, когда меня и моих товарищей – Н. Тихонова, К. Федина, М. Зощенко, В. Каверина, Н. Никитина, М. Слонимского, Е. Полонскую, И. Груздева – так огульно и безапелляционно причисляют к буржуазным писателям. И грустил потому, что мне было жалко расставаться с пролеткультовцами. А что поделаешь? Я чувствовал всем сердцем, что именно в дружбе и совместной работе с «Серапионовыми братьями» могу раскрыть полностью свое дарование, если оно есть вообще»⁷.*

В Собрании сочинений:

«Когда «Серапионовы братья» приобрели некоторую известность, была напечатана статья Льва Лунца о планах и стремлениях «серапионов» в его представлении. Статья эта предварительно не обсуждалась серапионами, а возникшие, по ее опубликованию, разногласия серапионов, не были преданы гласности, и поэтому в критике стало мелькать мнение, что «Серапионовы братья» – представители новой буржуазной литературы.

К этому мнению присоединились и мои друзья, пролеткультовцы. Они предложили мне покинуть вредную группу «Серапионовы братья». **Я огорчался и недоумевал:** мне казалось нелепым, когда меня и моих товарищей – Н. Тихонова, К. Федина, М. Зощенко, В. Каверина, Н. Никитина, М. Слонимского, Е. Полонскую, И. Груздева – так огульно и безапелляционно причисляют к буржуазным писателям. Но мне было жалко расставаться с пролеткультовцами. А что поделаешь?»⁸.

В семейном архиве хранятся черновые наброски к «Истории моих книг», которые показывают, как создавался писателем в 1950-е годы портрет группы «Серапионовы братья». Иванов

не включил в опубликованный текст слишком пылкие признания: «Я любил и люблю поныне «Серапионовых братьев» нежной братской любовью»⁹. В то же время были сняты строки, умаляющие значение группы в истории литературы XX века:

«...мне казалось, что «Серапионовы братья», в силу различия их характеров и даже литературных вкусов, являются случайным сцеплением, а никак не литературной школой. <...> «серапионы» настолько были различны, что выпустили только один альманах, к тому же довольно слабый, который почти не имел отклика в прессе, и к дальнейшему выпуску альманаха или к созданию своего издательства, для чего имелись все возможности, не стремились. Каждый шел своей дорогой»¹⁰.

Опубликованный текст не сохранил упоминаний о разногласиях «братьев», размышлений о том, полезно ли для мастерства «увлечение орнаментальностью прозы, фрагментарностью композиции, разнообразными средствами иронического переосмысливания материала»¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что изначально противоречивое отношение Иванова к «Серапионовым братьям» обуславливалось сложностью выбора писателем своего творческого пути, далеко не во всем совпадающего с программными установками «серапионов». В то же время, особенно в 1950-е годы, Иванов, стремясь защитить «Серапионовых братьев» от несправедливых обвинений, многое переосмыслил, и группа предстала в его воспоминаниях как школа высокого литературного мастерства, сыгравшая важную роль в истории литературы XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. Новосибирск: ИД «Свинья и сыновья», 2015. 318 с. Далее в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страницы.

² Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 159.

³ Правда. 1946. 21 сент. С. 2.

⁴ Литература и жизнь. 1958. 18 мая. С. 2.

⁵ Иванов Вс. История моих книг. С. 141–142.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Гос. изд. худ. лит., 1958. С. 7–126.

⁹ Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. Очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Там же. С. 49.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б); ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
2. Воспоминания об А. Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. 496 с.
3. Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. писатель, 1975. 448 с.
4. И в а н о в В я ч. В с. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.

5. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 498 с.
6. Лунц Л. Литературное наследие / Предисл., коммент., сост., подгот. текста А. Л. Евстигеевой. М.: Научный мир, 2007. 709 с.
7. Папкина Е. А., Погорельская Е. И. Всеволод Иванов и Алексей Толстой в 1920-е гг. // Алексей Толстой. Диалоги со временем. Вып. 3 / Отв. ред. Г. Н. Воронцова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 442–468.
8. Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1989. 351 с.
9. Письма Вс. Иванова К. А. Федину / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. А. Мазановой // Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 692–714.
10. Письма К. А. Федина Вс. Иванову / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е. А. Папкиной // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 680 с.
11. Серапионовы братья в зеркалах переписки. М.: АГРАФ, 2004. 544 с.
12. Фрезинский Б. Судьбы серапионов. Портреты и сюжеты. СПб.: ИД «Академический проект», 2003. 592 с.

Поступила в редакцию 01.03.2021; принята к публикации 17.05.2021

Original article

Elena A. Papkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5776-1802; elena.iv@bk.ru

VSEVOLOD IVANOV AND HIS SERAPION BROTHERS

Abstract. A lot of research works have been addressing the history of the Serapion Brothers literary group, however this organization and its place in the literary process of the XX century remain understudied, and this problem can be solved only through studying new archival materials concerning the Serapions, which have not been previously introduced into circulation. The relevance and novelty of the article are determined by the fact that it presents an attempt to clarify and specify certain aspects of the brotherhood's history by investigating recently published little-known ego-documents of one of the Brothers – the writer Vsevolod Ivanov. The author uses the method of historical and literary commentary to analyze Ivanov's letters of 1922 and 1923 addressed to writers Aleksey Tolstoy and Kondraty Urmanov, which demonstrate both the close connection of the young writer with the Serapion Brothers and the creative disputes between them. Another group of documents, Ivanov's correspondence with Konstantin Fedin dating back to December 1925, shows the former's contradictory attitude to the Serapions' program manifesto: both Ivanov and Fedin are unanimous on "ideological" issues, while the question of searching for the creative path in his new works, the stories from his best book *The Secret of Secrets*, is answered by Ivanov through the argument with the Serapion Brothers (primarily with the Westernizers among them), in particular with their understanding of artistic language. Finally, Ivanov's memoirs about the Serapions published in various publications and stored in the family archives, examined from the point of view of text history, show how during the period of persecution against the Serapion Brothers literary group Ivanov sought to create a nearly perfect portrait of it, emphasizing its significance for the literary process of the XX century.

Keywords: Serapion Brothers literary group, Vsevolod Ivanov, letters of the 1920s, Serapion Brothers almanac, creative path direction, mastery school

For citation: Papkova, E. A. Vsevolod Ivanov and his Serapion Brothers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.640

REFERENCES

1. Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RKP(b) – VKP(b); Vecheka – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953. Moscow, 1999. 872 p. (In Russ.)
2. Memoirs about A. N. Tolstoy. Moscow, 1982. 496 p. (In Russ.)
3. Vsevolod Ivanov – writer and person. Memoirs of his contemporaries. Moscow, 1975. 448 p. (In Russ.)
4. Ivanov, V. V. Selected works on semiotics and cultural history. Vol. II. Articles about Russian literature. Moscow, 2000. 880 p. (In Russ.)
5. Kornienko, N. V. "Thaw of the New Economic Policy": Formation of the institute of Soviet literary criticism. Moscow, 2010. 498 p. (In Russ.)
6. Lunts, L. Literary heritage. Moscow, 2007. 709 p. (In Russ.)
7. Papkova, E. A., Pogorel'skaya, E. I. Vsevolod Ivanov and Aleksey Tolstoy in the 1920s. *Aleksey Tolstoy. Dialogues with time*. Issue 3. (G. N. Vorontsova, Ed.). Moscow, 2019. P. 442–468. (In Russ.)
8. Correspondence of A. N. Tolstoy. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1989. 351 p. (In Russ.)
9. Letters of V. Ivanov to K. A. Fedin. Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of his biography and work. (E. A. Mazanova, Ed.). Moscow, 2010. P. 692–714. (In Russ.)
10. Letters of K. A. Fedin to V. Ivanov. Konstantin Fedin and his contemporaries: The literary heritage of the XX century. (N. V. Kornienko, Ed.). Moscow, 2016. 680 p. (In Russ.)
11. The Serapion Brothers through correspondence. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
12. Frezinskiy, B. The fates of the Serapions. Portraits and life plots. St. Petersburg, 2003. 592 p. (In Russ.)

Received: 1 March, 2021; accepted: 17 May, 2021

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА ЧЕРНЯЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков Департамента иностранных языков
Экономический университет – Варна (Варна, Болгария)
tortue@abv.bg

«ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ, ИЛИ ШАГИ КОМАНДОРА» ВЕН. ЕРОФЕЕВА: ПАРАТЕКСТ \rightleftharpoons ТЕКСТ

А н н о т а ц и я . Проанализированы некоторые структурные элементы паратекста «Вальпургиевой ночи, или Шагов Командора» Вен. Ерофеева (заглавие, имя автора, частично – посвящение-предисловие), а также их взаимосвязи с текстом. Двойное заглавие-интертекст трагедии – знак ее интертекстуально-игрового характера. Сравнение ключевых текстов-доноров – «Фауста» Гете (в том числе его «Вальпургиевых ночей») и «Шагов Командора» А. Блока – с текстом-реципиентом свидетельствует об избирательном подходе автора не только к указанным двум, но и к другим вероятным претекстам, в которых актуализируются данные архетипические сюжеты. Их преобразование в трагедии осуществляется в травестийном режиме. Анализ интертекстом позволяет проверить первоначальные гипотезы относительно семантики и функций заглавия. Помощь в этом оказывает посвящательное предисловие, где в зашифрованном виде представлено имя адресата трагедии, ее «идеального» читателя и критика. Дешифровка имени и выяснение личности адресата дает представление о характере коммуникации, подтверждает установку автора на игровую интертекстуальную модель. Показательно, что связь указанных элементов паратекста с текстом проявляется также и в том, что заглавие, имя автора и адресата в той или иной форме включены в текст.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Вен. Ерофеев, «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора», взаимодействие паратекста и текста, интертекстуальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Черняева Н. Г. «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» Вен. Ерофеева: паратекст \rightleftharpoons текст // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 83–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.641

ВВЕДЕНИЕ

Анализ паратекста «Вальпургиевой ночи, или Шагов Командора» (далее – ВНШК) Вен. Ерофеева – часть работы по созданию реально-го и концепционного комментария к трагедии, а в итоге – адекватной тексту филологической интерпретации. Оговоримся, что ВНШК рассматривается как литературный текст на преддраматургической стадии его реализации.

Термины «паратекстуальность» и «паратекст» разработаны известным французским литературоведом Ж. Женеттом, считающим своим предшественником Ж.-М. Томассо. К паратекстуальным элементам Ж. Женетт относит

«заглавие, подзаголовок, промежуточные заглавия; предисловия, послесловия, обращения к читателю, вступительное слово и т. д.; маргиналии, сноски, примечания в конце; эпиграфы; иллюстрации; четвертую страницу обложки (т. е. издательскую аннотацию. – Н. Ч.); клапан суперобложки, суперобложку и многие другие типы дополнительных обозначений» [28: 9].

В дальнейшем, в книге «Пороги» (1987), руководствуясь критерием близости – удаленности

от текста, исследователь подразделил паратекст на «перитекст» и «эпитекст» [29]. «Перитекст» объединяет «издательский перитекст», имя автора, заглавие произведения и названия глав, а также других элементов, «вставленных в текстовые промежутки»; посвящения и дарственные надписи, эпиграфы, авторское предисловие, прочие предисловия, заметки [29: VII–IX, 5]. Все, что «вне тома», – это «публичный» и «частный» эпитексты (интервью, беседы с автором, письма, дневники и т. д.) [29: X]. Следовательно, «паратекст = перитекст + эпитекст» [29: 5]. Предпочтение, которое мы отдаем терминам «паратекст» и «паратекстуальность», объясняется несколькими причинами. Во-первых, тем, что вместе с другими терминами Ж. Женетта – «метатекстуальность», «гипертекстуальность», «архитекстуальность» и «интертекстуальность» [28: 8–12] – они входят в более широкое понятие «транстекстуальность», то есть «всего того, что связывает его (то есть данный текст. – Н. Ч.) явно или скрыто с другими текстами» [28: 7]. Ж. Женетт подчеркивает, что виды транстек-

стуальности «не следует рассматривать как непроницаемые классы» [28: 14]. Во-вторых, в отечественном литературоведении нет термина, синонимичного паратексту, а такие понятия, как рамка, рамочная конструкция, затекстовой контекст, заголовочно-финальный комплекс текста, затекстовые / околотекстовые элементы, заголовочный комплекс, не полностью совпадают с перитекстом. Поскольку употребление этого термина еще не стало традицией, мы предпочли вынести в заглавие статьи более известный термин «паратекст». Помимо указанных словесных элементов, к паратексту (точнее – перитексту) в драматургии относятся: список действующих лиц и их описание, указания на место и время действия, различного рода ремарки. В ВНШК к ним добавляются: авторское указание на жанр, «посвятительное предисловие» / «предисловие с посвящением» / «посвящение-предисловие» (термины Ж. Женетта), время написания трагедии, послесловие («Крохотное послесловие»). Здесь мы ограничимся анализом заглавия, имени автора, частично «посвятительного предисловия» и жанрового подзаголовка, рассматривая их как часть авторского сообщения в коммуникативном акте. Взаимосвязь всех этих элементов заставляет периодически нарушать строгую последовательность их анализа и выходить за пределы перитекста в эпитекст. Как отмечает С. О. Носов, паратекст управляет «процессом чтения или постановки текста драмы», являясь «одним из важных средств создания художественного мира драматического произведения, а также его интерпретации» [16].

ИМЯ АВТОРА И «ЧАСТНОГО АДРЕСАТА» (Ж. ЖЕНЕТТ) ВНШК \approx ТЕКСТ

Как **автор Вен. Ерофеев** выступает вполне традиционно, то есть под своим именем, а не под псевдонимом или безымянно [29: 37–54]. Интересно другое: он зашифровывает свое имя в одной из реплик Гуревича, где впервые упоминается Вальпургиева ночь и братом св. Вальпургии назван св. Венедикт. Между тем в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» – одном из самых любимых автором источников разнообразных сведений – брат св. Вальпургии – св. Вилибальд¹, а память «Венедикта (или Бенедикта. – Н. Ч.) преподобного, родом из Нурсии», который «подвизался в уединении» и «умер в 544 г.», «празднуется 14-го марта»², по новому стилю – 27 марта. По свидетельству Н. Шмельковой, празднование Дня св. Венедикта, то есть «Веничкиных именин» (Вен. Ерофеева в шутку называли Бенедиктом и Беном), стало в кругу

писателя традицией, но 27 марта 1988 года его отмечали в больнице, куда перед операцией положили Вен. Ерофеева³. Типичная для автора звуковая игра **Венедикт – Вилибальд**, притом несравненно более изощренная и скрытая, нежели аграмматизм Веничка в «Москве – Петушках», и в том, и в другом тексте выполняет информативную и манипулятивную функции. Как и в знаменитой поэме, включение имени автора в текст сигнализирует об автобиографичности как главного героя, так и фабулы, что подтверждают история написания ВНШК и свидетельства близких автора. В разговоре от 17 февраля 1985 года на вопрос Н. Шмельковой, что же натолкнуло его на сюжет трагедии, Вен. Ерофеев рассказал, «что не так давно пребывал в “Кашенко”, наблюдал, как на 1-е Мая для больных мужского и женского отделения устроили вечер танцев – первое, что и натолкнуло»⁴. Несмотря на то, что автобиографичность не является чем-то новым в литературе, но именно в творчестве Вен. Ерофеева и некоторых его современников, в особенности С. Довлатова, она приобрела манипулятивно-игровой характер. По мнению И. Н. Сухих, именно Вен. Ерофеев был зачинателем такого рода провокационной «поэтики псевдодокументализма» [21: 252] последних десятилетий XX века в России.

Поскольку наряду с каноническим автором-адресантом в паратексте ВНШК присутствует, хотя и в зашифрованной форме (см. далее), адресат сообщения, кратко остановимся на характере данной коммуникации. Вслед за Р. О. Якобсоном принято считать, что, помимо воспринимаемого адресатом контекста, для адекватного восприятия сообщения необходимо, чтобы код «полностью или хотя бы частично» был «общим для адресанта и адресата» [26: 198]. Это открывает возможность, опираясь на авторский код (идиостиль), прогнозировать тип «идеального читателя», способного декодировать авторское послание и, следуя в обратном направлении, уточнить характер сообщения. Само по себе указание на конкретного адресата, как в ВНШК, так и в «Москве – Петушках», – знак его важности для автора.

По общему мнению, игра между разнородными и даже несовместимыми дискурсами («высокой» и «низкой» культурой, советским новоязом) и внутри каждого из них, парадоксальное сочетание серьезного и карнавального определяют идиостиль Вен. Ерофеева [12: 156–158], [18: 332–344]. Многообразие игровых форм, в особенности тех, что основаны на интертекстуальности, дает основание считать Вен. Ерофеева одним

из первых русских постмодернистов. В то же время обращение к истокам поэтики Вен. Ерофеева позволяет оценивать ее и как сюрреалистическую [5], [21: 250], в том числе отсылающую к обэриутам [21: 250].

Адресат сообщения закодирован в посвящении-предисловии, ориентированном на образцы XIX века. Тогда, по словам Ж. Женетта, посвяtitельное предисловие, унаследованное от предыдущих веков, сохранилось «практически лишь благодаря своей функции предисловия», а «его адресатом легко» становился «собрат по перу или мэтр, способный оценить высказанную в посвящении мысль» [6: 197].

Кто же стоит за обращением «Досточтимый Мур!»? Если свою поэму Вен. Ерофеев посвятил Вадиму Тихонову – «ближайшему другу со времен учебы во Владимирском пединституте» и «любимому первенцу», то есть «одному из первых читателей поэмы, воспринявшему ее»⁵, то драматическую трилогию – Владимиру Сергеевичу Муравьеву, дружеское прозвище которого было Мур. В. С. Муравьев (1939–2001) – филолог, литературовед, переводчик с английского языка, сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, «старинный друг» Вен. Ерофеева и его «наставник по университету» (МГУ)⁶. В то же время Мур – маркер интертекстуальности, аллюзивное имя, созвучное кличке кота Мурра из романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Предполагаем, что автор рассчитывал на эту ассоциацию. Отсылка к Гофману, писателю и музыканту, может намекать и на сложный игровой характер текста, достойный иронической фантазии немецкого романтика, и на значимость музыкального начала в ВНШК, что подтверждается соответствующими ремарками и «Крохотным послесловием».

Досточтимый – не просто синоним *глубокоуважаемого*. В католицизме это *venerabilis* (слуга Божий), соответствующий *чину преподобного* в православии⁷. Отметим, что «досточтимый» В. С. Муравьев был католиком и стал «крестным папенькой» Вен. Ерофеева⁸, незадолго до смерти принявшего католицизм⁹.

Индивидуальный, игровой, аллюзивно-стилизированный характер посвяtitельной формулы, ее расположение в начале высказывания, то есть в сильной позиции, определяет модель, по которой разворачивается посвящение-предисловие. Далее следует тема «идеального адресата», которого «эта книга достойна» [6: 206]. Таковым не только читателем, но и критиком был избран В. С. Муравьев: «Отдаю на твой суд, с по-

священием тебе, первый свой драматический опыт: “Вальпургиева ночь” (или, если угодно, “Шаги Командора”))»¹⁰. Автор подчеркивает важность для него обратной связи:

«Если “Вальпургиева ночь” придется тебе не по вкусу, – я отбрасываю к свиньям собачьим все остальные ночи и сажусь переводить кого-нибудь из нынешних немцев. А ты подскажешь мне, кто из них этого заслуживает» (ЗП: 267).

Есть подтверждение того, что трагедия получила авторитетное одобрение В. С. Муравьева как «первого читателя и маститого литературоведа»: «Пожалуй, это очень даже можно поставить... допустим, в русском театре на Бродвее» (см. гл. 8 в [11]). Воспоминания о среде общения, в которой с детства жил В. С. Муравьев, в том числе и о его незаурядной матери – переводчике и литературоведе И. И. Муравьевой и ее выдающихся мужьях, среди которых Е. М. Мелетинский и Г. С. Померанц, говорят о том, что адресат, без сомнения, обладал «интертекстуальной компетенцией» (Ю. Кристева, У. Эко) и правильным ключом к коду посвященного ему текста. Предисловие В. С. Муравьева к посмертному изданию «Записок психопата» [15] – ответный жест благодарности адресата адресанту. Еще одним, этическим доказательством роли В. С. Муравьева как «идеального читателя» является тот факт, что рукопись ВНШК хранилась именно у него (см. гл. 8 в [11]).

Подобно имени автора, имя адресата также включено в текст, но уже не как прозвище, а как его настоящее имя-отчество, при этом повторяемое несколько раз. Впервые оно появляется в монологе Прохорова, разъясняющего Гуревичу правила жизни в палате № 3 (II акт):

«У нас даже цветной телевизор есть. Кенар с канарейкой. Они только сегодня помалкивают – поскольку завтра Первомай <...> А вон там, повыше, с самого верху – попугай, родом, говорят, из Хиндустана <...>. Молчит, молчит. Но как только пробьет шесть тридцать, – вот ты увидишь, – он начинает, не гнусаво, не металлически, а как-то еще в тыщу раз попугаевее: “Влади-мир Сергенч!... Влади-мир Сергенч! на работу – на работу – на работу – на хуй – на хуй – на хуй – на хуй!” А потом – потом чуток помолчит, для куражу, и снова: “Влади-мир Сергенч! Влади-мир Сергенч! На работу, на работу, (все учащенное) на работу, на работу, на хуй, на хуй, на хуй, на хуй, на хуй, на хуй...” И все это ровно в шесть тридцать, можно даже не справляться по курантам и рубиновым звездам...» (ЗП: 290).

Идеальный читатель В. С. Муравьев выступает здесь как метонимия народа, которому адресованы призывы «сверху / свыше». Карнавализация советского ритуала осуществляется путем столкновения официального регистра

(ленинского лозунга «За работу, товарищи!», который в СССР можно было увидеть повсюду и в праздники, и в будни) с инвективой. Ассоциативно в парадигму призывов включаются также те, что традиционно несовместимы с указанными выше дискурсами, например, известное напоминание слуги Сен-Симону «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!». В конце V акта с теми же словами и к тому же адресату дважды обращается уже «Голос сверху» (ЗП: 342), причем в момент приближения развязки – начала предсмертной агонии Гуревича (сильная текстовая позиция). «Голос сверху» – карнавализация известного по «Москве – Петушкам» мотива голосов «ангелов Господних», то есть типично постмодернистское автоцитирование-автопародирование.

Комическое обыгрывание имени адресата ВНШК, как и имени автора, – знак их смысловой значимости для текста и одно из проявлений его травестийности, подтверждение игрового, иронично-доброжелательного контакта автора со своим «идеальным читателем». Дешифровка имен адресанта и адресата сопровождается выходом в «частный» эпитекст – дружеские связи, мемуары, контекст написания трагедии и пр.

ЗАГЛАВИЕ ВНШК \approx ТЕКСТ

Поскольку обзор работ, посвященных заглавию художественного текста, обстоятельно представлен во многих исследованиях, остановимся на важнейших для нашего анализа моментах. И. Р. Гальперин указывает на своеобразное сочетание в заглавии двух функций – «номинации (эксплицитно)» и «предикации (имплицитно)» [4: 133]. Для И. В. Арнольд заглавие, подобно «имени собственному», «индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов» [1: 224].

Одна из первостепенных задач нашего исследования – изучение «особенностей связи» заглавия «с сюжетом и вообще содержанием художественного произведения» [1: 226]. Неоднократно отмечалось, что в названии концентрируется смысл текста и содержится ключ к его дешифровке (декодированию) [1: 226], [4: 133], [8: 7]. Заглавие, по словам И. Р. Гальперина, «можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [4: 133]. Таким образом, заглавие – это «компонент художественного произведения, порождающий текст и порожденный текстом» [22]. Движение анализа в обоих направлениях – от заглавия к тексту и обратно – сопровождается одновременной кор-

ректировкой полученных результатов. При переходе от названия к тексту особую важность приобретают композиционная функция и функция «стилистической и жанровой организации» – общие для «функции организации читательского восприятия» (как «внешней функции») и «текстообразующей» («внутренней функции») [22]. Последняя проявляется также в способности заглавия, в том числе «силой», «ограничивать текст и наделять его завершенностью» [4: 134].

И. В. Арнольд приходит к выводу, что название текста, наряду с его «эпиграфом, началом и концом», занимает в нем сильную позицию, то есть участвует в «выдвижении» –

«специфической организации контекста, обеспечивающей помещение на первый план важнейших смыслов текста как сложного единства суждений и эмоций, как сложной конкретно-образной сущности» [1: 195].

Заглавие обладает проспективной и ретроспективной функцией [4: 134]. Первую еще называют прогностической, «ретроактивной» (М. Риффатер). Двойная ретроспективно-проспективная функция заглавия, по мысли И. Р. Гальперина, «отражает то свойство каждого высказывания, которое, опираясь на известное, устремлено в неизвестное» [4: 134]. С ретроспекцией связаны интертекстуальность и прецедентность, которые мы разграничиваем. В последнее время изучение аллюзивных и цитатных заглавий, к которым относится и название трагедии Вен. Ерофеева, выделилось в отдельную тему. Так, П. А. Становкин определяет заглавие-интертекст как

«словные и сверхсловные элементы, имеющие фиксированное положение перед текстом, являющиеся фрагментами “чужого” авторского замысла, либо заимствованные автором из собственных более ранних произведений, организующие ассоциативно-семантическую сеть художественного текста в соответствии с авторским замыслом и органично вписывающиеся в текст-реципиент с установкой на определенный коммуникативно-прагматический эффект» [20: 74].

Заглавия-интертексты и те, что ориентированы на прецеденты, теоретически должны максимально программировать текст и делать его для читателя более предсказуемым, нежели другие типы названий. Как минимум они обозначают точку отсчета для адресата. Очевидно, ответ на то, каким образом заглавие как «имплицитно сжатая СКИ (содержательно-концептуальная информация. – Н. Ч.)» [4: 134] будет развертываться в тексте и как будет им корректироваться, даст конкретный анализ.

Заглавие взаимодействует с другими элементами перитекста, которые, в свою очередь, также занимают сильные позиции в тексте (здесь

мы не уточняем их место в данной иерархии) и связаны с ним.

«Вальпургиева ночь, или Шаги Командора»: характеристика названия

Название трагедии Вен. Ерофеева структурно принадлежит к двойным заглавиям, то есть таким, в которых оба элемента, как правило, связаны друг с другом пояснительным союзом (чаще всего это *или*), реже – бессоюзно. Удвоение заглавий текстов, как полагал С. Д. Кржижановский, продиктовано стремлением автора «озаглавить до конца, дать максимум определенности» тому, что содержится в тексте [8: 7] и что от него ожидается.

По наблюдениям А. В. Ламзиной, двойной заголовок – «опознавательный знак эпохи Просвещения» [10: 69]. В русской литературе двойные заглавия были распространены в конце XVIII – начале XIX века, а позже – спорадично, например, у почитаемого Вен. Ерофеевым Н. В. Гоголя. Возвращение к ним в отечественной литературе конца XX – начала XXI века [22] с основанием можно считать стилизацией как одним из проявлений постмодернистской интертекстуальности, в высшей степени присущей Вен. Ерофееву. Очевиден цитатно-аллюзивный характер названий ерофеевской трилогии, о которой автор пишет в посвяtitельном предисловии. Первая часть – «“Ночь на Ивана Купала” (или проще “Диссиденты”» (ЗП: 267), публикуемая обычно под названием «Диссиденты, или Фанни Каплан», и третья – «Ночь перед Рождеством» – отсылают к заглавиям повестей из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, вторая, о которой идет речь, – к «Фаусту» Гете и «Шагам командора» А. Блока. Двусоставность названий также указывает на Н. В. Гоголя (см., например, «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Похождения Чичикова, или Мертвые души»). Дополнительным аргументом является то, что именно гоголевская поэма-травелог послужила жанровой моделью для «Москвы – Петушков».

При изучении информативной функции заглавия И. В. Арнольд предлагает «принять во внимание пять основных пунктов любого сообщения: “Кто?”, “Где?”, “Когда?”, “Что делает?”, “Что из этого следует?”» [1: 228]. В заглавии-интертексте ВНШК уже содержатся предположительные ответы на эти вопросы, подсказанные текстами-донорами.

«Вальпургиева ночь» (первый элемент заглавия) ⇌ текст

Показательно включение обеих частей двойного заглавия в текст. Так, первый компонент повторяется трижды: сначала буквально (цит. 2), затем вариативно – в форме несогласованного определения (цит. 3) и, наконец, как травестийный перифраз (цит. 4). Есть ли здесь какая-либо закономерность?

Угроза Гуревича «взорвать» «их» (Бореньку-Мордоворота и персонал) во II акте повторяется и в III акте, где герой заявляет о себе как авторе, режиссере и главном действующем лице предстоящего события-текста:

(1) Я нынче ночью разорву в клочки
Трагедию, где под запретом ямбы.
Короче, я взрываю этот дом! (ЗП: 307)

И далее:

(2) Сегодня же ночь с 30 апреля на 1 мая. **Ночь Вальпургии**, сестры Святого Венедикта. А эта ночь с конца восьмого века начиная, всегда знаменовалась чем-нибудь устрашающим и чудодейственным. И с участием Сатаны. Не знаю, состоится ли сегодня шабаш, но что-нибудь да состоится?!... (ЗП: 307).

В данном фрагменте «Вальпургиева ночь» – интертекстема, источником которой является статья из словаря Брокгауза и Ефрона (см. табл. 1). Преднамеренная замена св. Вилибальда на св. Венедикта, о которой уже упоминалось, демонстрирует вторжение окказионально-игрового и манипулятивного начала.

В IV акте ремарка фиксирует начало травестийной концептуализации «интертекстуального фрейма» (У. Эко), точнее фрейма-сценария, ‘Вальпургиева ночь’ как пирушки в психлечебнице. Закрепляется функция Гуревича как ее автора, режиссера и исполнителя главной роли:

(3) «Гуревич, в сущности, начинает **Вальпургиеву ночь**. Наливает рюмаху. Внюхивается, до отказа морщится, проглатывает» (ЗП: 316).

Заголовочный компонент «Вальпургиева ночь» представлен и в заключительном V акте – «трагедийной развязке с выносом трупов и духовным прозрением героя» [9]:

(4) «Прохоров. Мы отмечаем сегодня **вальпургиево празднество силы, красоты и грации!** А Первой пусть отмечают не нормальные люди, а нас обслуживающий персонал! Ха-ха! *Танцуют* все! Белый танец! Алеха!» (ЗП: 328).

Стартовые возможности травестирования ‘Вальпургиевой ночи’ и ‘Первого мая’ обусловлены их общей временной приуроченностью, акцентированной в тексте (см. цит. 2). Последующая концептуализация двух гетерогенных концептов осуществляется как игра с их понятийными,

образными и оценочными слоями и компонентами (субъектами, действиями, словесными единицами, включительно интертекстуального происхождения и пр.). В ней задействована афатическая речь, которую автор использует одновременно и как миметическое средство, и как художественный прием моделирования мира [27]. Вербализаторами комического выступают: советский спортивный лозунг (*Спартакиада и т. д. – праздник силы / молодости, красоты!*), лексемы «празднество» (устар., книж.) и «грация». Обмен субъектами двух фреймов-сценариев продолжает их карнавализацию. Далее на этой основе выстраивается серия важнейших для ВНШК оппозиций: свои – чужие, норма – аномалия, жизнь – смерть, живой обряд – мертвый ритуал.

Помимо повторения, связь первой части заглавия с текстом подчеркивается тем, что высказывания, ее содержащие, размещаются в «сюжетно-кульминационных точках литературного текста» [22].

Если одним из первых прогнозируемых слов-ассоциатов «Вальпургиевой ночи» предполагается *шабаш* или его синонимы (*вакханалия, свистопляска, пирушка* и пр.), то текстом-ассоциатом (при наличии у читателя должного тезауруса) –

так называемая «романтическая» «Вальпургиева ночь» из 1-й части «Фауста» Гете. К сожалению, зачастую (за исключением, например, В. Кривулина [9]) игнорируется «классическая» «Вальпургиева ночь» во 2-й, гораздо менее известной, части «Фауста». Выше упоминался еще один претекст – статья о Вальпургиевой ночи в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона». По мнению автора статьи, Гете первым «ввел это поверье» в свою версию фаустианского сюжета¹¹. Некоторые исследователи, вероятно спровоцированные совпадением названий, полагают, что среди текстов-доноров ВНШК был роман «Вальпургиева ночь» (1917) писателя-экспрессиониста Густава Майринка [3: 167], [18: 332], однако доказательств данной межтекстовой связи не приводится.

Ниже представлена таблица интертекстуальных мотивов ерофеевской «Вальпургиевой ночи» и их источников. Помимо тех, что прогнозируются уже на начальном этапе анализа, в нее включены претексты, актуализация которых в ВНШК обнаруживается на более продвинутых стадиях исследования. Оговоримся, что подробное рассмотрение форм введения претекстов в ВНШК отклонило бы нас от главной темы.

Таблица 1. «Вальпургиева ночь» в ВНШК – тексты-доноры (мотивика)
Table 1. Walpurgis Night in Erofeev's play – donor texts (motivics)

ВНШК	«Фауст» Гете, Брокгауз – Ефрон	Другие тексты-доноры
1. Канун 1-го Мая (Вальпургиева ночь) в психбольнице. Пир в палате № 3 с метиловым спиртом, песнями, плясками и состязаниями в речах (IV и V акты). Организаторы пира – Гуревич и Прохоров (IV и V акты)	1.1а. Гете «Фауст», 1-я ч. Вальпургиева ночь. Шабаш ведьм на горе Брокен, куда прибывают Фауст и Мефистофель. 1.1б. ст. «Вальпургиева ночь» (см. примечания 1, 11). Нечистая сила готовится «песнями и плясками» «встретить 1-е мая»	1.2а. М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита». «Великий бал у Сатаны»; «шабаш» в «нехорошей квартире», среди претекстов которых «Фауст» Гете [19: 164–166]. 1.2б. Платон «Пир» (античный симпозион). 1.2в. А. С. Пушкин «Пир во время чумы»
2. Ослепление и смерть героя. Первоначально случайное, а затем обдуманное отравление пациентов метиловым спиртом, их смерть; ослепление и смерть Гуревича. Предсмертная встреча Гуревича с бывшей возлюбленной – медсестрой Натали (V акт)	2.1а. Гете «Фауст», 2-я ч. («классическая» «Вальпургиева ночь»). Воображаемая встреча Фауста с идеалом женщины – Еленой древнегреческого мифа. Забота своим дуновением ослепляет Фауста перед его смертью	2.2а. А. К. Толстой «Дон Жуан», А. С. Пушкин «Каменный гость». Дон Жуан в присутствии Донны Анны перед смертью теряет зрение. 2.2б. Софокл «Царь Эдип». Самоослепление Эдипа

Главная причина, по которой *Вальпургиева ночь* была избрана метафорой *сумасшедшего дома* (шире – «сумасшедшего универсума», по выражению И. И. Ревзина) и, соответственно, одной из сюжетно-композиционных моделей трагедии, кроется в объединяющей их семантике девиантности. Помимо этого, оба концепта обладают мощным текстопорождающим потенциалом. Достаточно вспомнить «Палату № 6» А. П. Чехова, главы из «Мастера и Маргариты» («Шизофрения, как и было сказано», «Поединок между профессором и поэтом»), из современных Вен. Ерофееву авторов – «Синенький скромный пла-

точек» Юза Алешковского, поэму И. Бродского «Горбунов и Горчаков». С одними из этих текстов ВНШК связана типологическими совпадениями, с другими – интертекстуально [17], [23].

Сравнению «Вальпургиевой ночи» Вен. Ерофеева с гетевскими «Вальпургиевыми ночами» неизбежно сопутствует проверка ВНШК на интертекстуальную связь с фаустианским сюжетом у Гете. Можно сказать, что «Вальпургиева ночь», ассоциативно отсылающая к «Фаусту» Гете, выступает как его метонимия. Добавим, что аллюзии на оперу Ш. Гуно, следы которой есть в «Москве – Петушках», – отдельная тема.

Таблица 2. Фаустианские мотивы в ВНШК – «Фауст» Гете
Table 2. Faustian motifs in Erofeev's play – Goethe's *Faust*

ВНШК	«Фауст» Гете
1. Напиток. Его функции. Гуревич ищет «облегчающее средство» после укула «сульфы». Прохоров рекомендует «стопарь водяры» или «чистый спирт» (II акт)	1а. Мефистофель предлагает Фаусту в обмен на подчинение эликсир молодости и жизни, расширяющий границы познания
2. Кража ключей – добывание эликсира. Прохоров советует Гуревичу украсть «чистый спирт» из процедурного кабинета. Гуревич крадет из кармана Натали ключи от шкафчика в процедурной, а затем «почти ведренной емкости бутылку» со спиртом, как выясняется позже, метиловым (III акт)	2а. Мефистофель предлагает Фаусту усыпить смотрителя и взять у него ключи от темницы, где сидит Маргарита, чтобы спасти ее. Фауст крадет ключи
3. Поглощение эликсира и преобразование героя. Гуревич и другие пациенты палаты № 3 пьют спирт и вдохновляются, а затем отравляются и умирают (IV–V акты)	3а. На кухне у ведьмы во время колдовского обряда Фауст пьет волшебное снадобье из чаши и преобразается

Главным маркером интертекстуальной связи с «Фаустом» выступает чудодейственный напиток (мотивы 1 и 3). Эликсир молодости и дара познания у Гете трансформируется в метиловый спирт – не только травестированный эликсир, но и яд в ВНШК. Соответственно актуализация других элементов претекста осуществляется с попеременным доминированием карнавального и трагического начала. В отличие от связанных с эликсиром мотивов, в мотиве кражи ключей (2) нет системы указателей именно на «Фауста», как, впрочем, и на такие, иногда упоминаемые тексты-доноры, как, например, «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, миф о Прометее и пр. К ним мы бы отнесли те мотивы из «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, где Мастер, попав в «знаменитую психиатрическую клинику», крадет «связки ключей» от больницы палаты. Напомним, что кража ключей – литературный топос, восходящий к фольклорно-мифологическому мотиву/сюжету о добывании трикстером жизненно необходимого объекта или субъекта. Постмодернистская игра в ВНШК, проявляющаяся в совокупности таких приемов, как обнуление или редукция ряда прототипических мотивов, деструкция, пересемантизация и перекомбинация элементов тех, что усвоены текстом-реципиентом и т. д., затрудняет, а иногда делает невозможным, да и ненужным точную атрибуцию источников. Исключение, как правило, составляют те случаи, когда есть словесные маркеры, указывающие на совсем определенный текст-донор.

«Шаги Командора» (второй элемент заглавия) ⇌ текст. **Предисловие-посвящение** ⇌ текст

Второй компонент заглавия совпадает с названием одного из самых загадочных стихотворений А. А. Блока «Шаги командора». Вен. Ерофеев далек от того, чтобы следовать абсолютно оригинальной блоковской версии сюжета. Здесь

он гораздо ближе к традиции – «Каменному гостю» А. С. Пушкина (о чем неоднократно писали), но еще в большей степени «Дон Жуану» А. К. Толстого, в свою очередь испытывавшему влияние «символической формы драмы-мистерии» Гете [7: 478]. При очевидно высокой степени трансформации инварианта донжуановского сюжета и литературных претекстов, в ВНШК сохраняется его сюжетно-композиционное ядро, а повторяемость ключевых мотивов, ключая и вербальную, подчеркивает эту интертекстуальную связь. Отдельно стоит вопрос о межтекстовых связях ключевых претекстов ВНШК между собой.

Любовный треугольник – константа архетипического сюжета о Дон Жуане и его литературных актуализаций. Несмотря на то, что выяснению любовных отношений Гуревича и Натали посвящен почти весь III акт, Вен. Ерофеев придерживается того направления «европейского мифа о Дон Жуане» (и его русских реализаций), где «на первый план» выдвигается «идея расплаты» [2: 136], а происхождения севильского повесы подчиняются идее «гордого бунта героя, сознательно и неуклонно идущего к трагическому финалу» [2: 137].

Как и в случае с «Вальпургиевой ночью», второй компонент заглавия повторяется, хотя всего один раз и притом травестийно, в одной из сильных позиций текста – финале, на который в конечном счете всегда ориентировано действие. В реплике Гуревича содержится его самоидентификация как Командора (см. табл. 3, мотив 2), осуществляется окончательный переход от карнавально-трагической актуализации к почти однозначно трагической, сконцентрированной в семантике возмездия. Связь со стихотворением А. Блока проявляется главным образом на уровне концептуализации 'возмездия', вершителем которого выступает Командор. Напомним, что стихотворение «Шаги командора» входит в цикл «Возмездие» и вместе с одноименной

поэмой участвует в объективации 'возмездия' как главного концепта 3-й книги А. А. Блока. Об этом писал выдающийся блоковед Д. Е. Максимова:

«Желание найти в хаосе строй, “космос” привело Блока к открытию того, в чем он видел “одну из ми-

ровых истин” и что было понято им как закон возмездия, который, как представлялось Блоку, управляет человеческой судьбой и вносит в скопление неосмысленных фактов стихийной жизни момент осмысленности, подобие справедливости» [14: 61]. «Основной чертой лирической позиции зрелого Блока является противостояние “страшному миру”» [14: 109].

Таблица 3. Донжуановские мотивы в ВНШК – тексты-доноры (мотивика, словесные маркеры)
Table 3. Don Juan motifs in Erofeev's play – donor texts (motivics, verbal markers)

ВНШК	А. Блок «Шаги командора»	Другие тексты-доноры
1. Приглашение соперника на ужин. Медбрат Боренька приглашает Гуревича « пожаловать » к нему на ужин », «вернее, на маевку», если тот «вечером» «не загнет-ся от сульфазина» Ужин в присутствии объекта соперничества. «Натали сама будет стол сервировать...» (II акт)	1а. Дон Жуан приглашает на ужин статую Командора: « Ты звал меня на ужин. / Я пришел. А ты готов? » Донна Анна спит «в могиле»	1.2а. А. С. Пушкин «Каменный гость». Дон Гуан приказывает Лепорелло пригласить на ужин статую супруга: « Проси ее пожаловать ко мне – / Нет, не ко мне – а к Доне Анне, завтра. » Многочисленное варьирование мотива. 1.2б. А. К. Толстой «Дон Жуан» Дон Жуан – Лепорелло: « Зови его ко мне на ужин завтра! ». 5-кратное варьирование мотива
2. Согласие прийти на ужин, кивок головой (повторяется 3 раза). «Гуревич: <...> Сказал, что буду. / Головой кивнул. / <...> Нашел с кем дон-жуанствовать, стервец! / <...> О, этот боров нынче же, к рассвету, / Услышит Командоровы шаги! » (V акт)	2а. (см. также 1а) «На вопрос жестокий нет ответа, / Нет ответа – тишина»	2.1а. А. С. Пушкин. «Каменный гость». «Лепорелло. Она... ей-ей, она кивнула!» 2-кратное повторение мотива кивка статуи. 2.1б. А. К. Толстой «Дон Жуан». « Статуя кивает »
3. Появление соперника на ужине. Гуревич: «Ты звал меня на ужин. Мордоворот, так я – к завтраку <...> Я доберусь до тебя, я приду на завтрак...» (V акт)	3а. «Тихими, тяжелыми шагами / В дом вступает Командор »	3.1а. А. С. Пушкин «Каменный гость». « Входит статуя командора. » «Статуя. Я на зов явился. » 3.1б. А. К. Толстой «Дон Жуан» «Статуя. Ты звал меня на ужин, дон Жуан, – / Я здесь. »
4. Предсмертные минуты Гуревича. Ослепление. «И я почти ничего не вижу...» (V акт). (См. также цит. 7). Боренька избивает Гуревича		4.2а. А. С. Пушкин «Каменный гость». «Дон Гуан: Я гибну – конечно – о Дона Анна!» «Проваливаются». 4.2б. А. К. Толстой «Дон Жуан». «Дон Жуан. Что за черт! / Я, кажется, не пьян, а вижу мутно... / Спирается дыханье, / Бьются жилы, / Рассудок мой туманится». «В ушах шумит... / Темнеет зренье! » «Статуя (касаясь рукой Дон Жуана). Погибни ж, червь!»

В ВНШК 'возмездие' вербализуется в сильных позициях текста – IV (кульминация действия) и V акте (развязка) [13] – сначала в синониме «воздаяние» (цит. 5 и 6), а затем как прямой номинант в финале (цит. 7).

(5) «Стасик. <...> Когда, наконец, закончится сползание к ядерной катастрофе? Почему Божество медлит с **воздаянием**? И вообще – когда эти поляки перестанут нам мозги ебать?! Ведь жизнь и без того – так коротка...» (ЗП: 313).

В V акте, после реплики Стасика («Рожденные под знаком качества пути не помнят своего. Но мы – отребье человечества – забыть не в силах!»), Гуревич вдохновенно продолжает:

(6) «**Близятся сроки Воздаяния!** Выпьем по махонькой, дорогие собраты, чтобы приблизить эти строки!...» (ЗП: 336).

Травестированные строки из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...» (цикл

«Родина», 3-я книга) – еще один маркер интертекстуальной связи ВНШК с поэзией А. Блока. С его помощью блоковский концепт 'поколение' вовлекается в концептуальное поле 'возмездия' ВНШК и насыщается понятными для современников Вен. Ерофеева аллюзиями на социопсихологический контекст эпохи и его поколение («застой» или «безвременье» брежневского и постбрежневского периодов, сравнимые с блоковским «беспутем»).

И, наконец, в завершающей сцене V акта:

(7) «Гуревич (Бореньке. – Н. Ч.). Ведь не может же быть, Натали, чтобы все *так и оставалось* <...> Боже, не дай до конца ослепнуть... Прежде **исполнения возмездия**» (ЗП: 342).

Подобно А. А. Блоку, 'возмездие' у Вен. Ерофеева понимается как акт справедливости и действенного противостояния злу. Кроме того, 'возмездие'

в ВНШК концептуализируется как сопровождаемое восторгом самоуничтожение мстителя, близкое пушкинскому «Пиру во время чумы»: «Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю...».

Переход от доминирующей травестийной вербализации 'возмездия' (см. цитаты 5 и 6) к преимущественно трагической (цитата 7) – еще одно проявление отмеченной общетекстовой стратегии автора, относящейся не только к ВНШК, но и к трилогии в целом. Об этом пишет автор в предисловии-посвящении к ВНШК: «Первая ночь, “Ночь на Ивана Купала” <...> обещает быть самой веселой и самой губительной для всех ее персонажей» (ЗП: 267). Говоря о замысле ВНШК, автор повторяет эту мысль: «Решил, отчего бы не написать классическую пьесу, только сделать очень смешно и в финале героев ухайдокать, а подонков оставить – это понятно нашему человеку» [13]. Все сказанное, на первый взгляд, расходится с авторским определением ВНШК как «трагедии», во всяком случае в современном ее понимании. В связи с серьезностью этого вопроса отметим лишь, что «идеальный адресат» ВНШК В. С. Муравьев усматривал в ней «трагедию (или трагикомедию) античного толка» [15: 11]. Идею древнегреческих истоков комического в ВНШК более подробно развивает в своей монографии А. Н. Безруков [3: 170].

Степень оправданности прогнозов, связанных с донжуановским компонентом заглавия, можно проверить по табл. 3, дополнив ее комментарием, касающимся персонажей-антагонистов (Гуревича и Бореньки-Мордоворота). Их индивидуально-авторское преобразование включает редукцию и частичную деконструкцию их структуры, обмен элементами и функциями между персонажами, карнально-трагическую их актуализацию. Так, Гуревич в своей главной функции – Командор, гибнущий один, а не вместе со своим противником, как в претекстах и архетипе. В то же время он травестированный Дон Жуан. Боренька – редуцированный и вульгаризированный образ Дон Жуана, приглашающего Командора на ужин и безнаказанно убивающий его. Таким образом, первоначальное ожидание канонической развязки донжуановского сюжета в ВНШК не оправдывается: справедливость (возмездие) так и не торжествует – гибнет не «страшный мир», а посмеявшиеся ему противостоять жертвы. Впрочем, на это нацеливает предисловие-посвящение (см. слова автора о переходе веселья в гибель), которое выполняет «свою наиболее важную функцию» – заявить об интенции автора, выраженной в том числе в его «интерпретации текста» [29: 221].

В двух из донжуановских претекстов ВНШК – «Каменном госте» и особенно драме А. К. Толстого – происходит контаминация донжуановского и фаустианского сюжетов [2: 139–140], [7: 478], которой преднамеренно или нет следует автор. Жажда идеала, одержимость идеями, авантюризм, смелость, веселость, талант, артистичность, ироничность и т. д. объединяют Дон Жуана и Фауста в текстах-донорах ВНШК. Несмотря на их игровую трансформацию, они просматриваются и в образе Гуревича [24]. Что касается наложения двух сюжетно-композиционных схем в ВНШК, то в первую очередь об этом сигнализируют мотив слепоты с последующей гибелью главного героя и матрица «преступление и наказание», присутствующие также в донжуановских и фаустианских претекстах трагедии. Примечательно, что знаками этой контаминации могут быть травестированные мотивы, а также словесные аллюзии, вплоть до цитат, относящиеся к другим, второстепенным для ВНШК, донжуановским и фаустианским претекстам. Таковыми являются в первую очередь «Дон Жуан» Байрона и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина [24: 282–283], «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, которые, в свою очередь, интертекстуально связаны или друг с другом, как «Евгений Онегин» с байроновской поэмой, или же главными текстами-донорами, как роман М. А. Булгакова с «Фаустом» Гете [19: 164, 171–172, 281–283, 306–307].

Сочетание в одном заглавии названий двух сюжетов (а также скрывающегося за «Вальпургиевой ночью» фаустианского) – одно из проявлений данной контаминации, или гибридности, если воспользоваться термином постмодернистской эстетики. Таким образом, гибридности заглавия соответствует гибридность самого текста, где три сюжета сливаются в один. Мы бы описали его с использованием интертекста: Гуревич – Командор – Дон Жуан – Фауст – устроитель пира (Вальсингам из «Пира во время чумы» [9], Аристомем из «Пира» Платона и др.) организует и возглавляет «Вальпургиеву ночь» – «пир во время чумы» – симпозион и одновременно тризну по самому себе и пирующим. Опираясь на анализ текста, выскажем предположение о том, что пояснительный союз *или* в заглавии трагедии приобретает соединительную функцию, узально ему не присущую.

Вполне объяснимо, что высокая степень насыщенности ВНШК элементами идеолого-политического дискурса подталкивала исследователей, особенно в первых работах, сосредоточиться в основном на пародировании советского новояза и «обличительном» пафосе трагедии и, соответ-

ственно, на толковании заглавия как метафоры советского общества, хаотического состояния его умов, стремления к свободе и ее подавления и пр. Вместе с тем обращение автора к фольклорно-мифологическим архетипам и их литературным реализациям (ретроспекция) подчеркивает другой, вневременной аспект ВНШК, проблематику *современности* – «вечные» вопросы, присутствующую во всех ключевых текстах – донорах трагедии, в том числе и в «Шагах командора» А. Блока [25: 107–112].

Речь уже шла о том, что интертекст-заглавия, а также информация, содержащаяся в предисловии-посвящении, на первом этапе анализа предлагают вполне определенный вектор декодирования текста и, соответственно, прогноз относительно того, в каком направлении и как будет разворачиваться текст. Вместе с тем вероятность точного прогноза не всегда столь вы-

сока, как может показаться. Примером этого являются взаимоотношения заглавия, посвяtitельного предисловия и текста ВНШК. Исследование показывает, что преобразования текстов-доноров, заявленных в данной части перитекста, вносят существенные коррективы в первоначальные прогнозы. Главная причина кроется в интертекстуально-игровой модели ВНШК, подразумевающей в том числе манипулятивность по отношению к читателю и толкователю текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальнейшая конкретизация структурно-семантических характеристик перитекста ВНШК и его отношений с текстом возможна лишь после того, как будет завершено толкование предисловия-посвящения и проведен анализ других частей – «крохотного послесловия», списка действующих лиц и особенно развернутых ремарок.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вальпургиева ночь // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издат. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. V (9). СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1891. С. 461.
- ² Венедикт Преподобный // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издат. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. VA (10). СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1891. С. 905.
- ³ Шмелькова Н. А. Последние дни Венедикта Ерофеева. М.: Вагриус, 2002. С. 113.
- ⁴ Там же. С. 7–8.
- ⁵ Там же. С. 17.
- ⁶ Там же. С. 26.
- ⁷ Досточтимый // КартаСлов.Ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kartaslov.ru/значение-слова/досточтимый (дата обращения 10.02.2021).
- ⁸ Шмелькова Н. А. Последние дни Венедикта Ерофеева. С. 68.
- ⁹ Там же. С. 27–28.
- ¹⁰ Ерофеев Венедикт. Записки психопата. М.: Вагриус, 2000. С. 267. Далее цитируется в круглых скобках (ЗП и через двоеточие страницы).
- ¹¹ Вальпургиева ночь // Энциклопедический словарь. С. 461.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 444 с.
2. Багно Е. В. Порок и смерть язвят единым жалом... // Russian Studies – Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 3. С. 131–147.
3. Безруков А. Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. СПб.: Гиперион, 2018. 226 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
5. Генис А. Беседы о новой словесности. Беседа пятая. Благая весть. Вен. Ерофеев // Звезда. 1997. № 6. С. 227–229.
6. Женетт Ж. Посвящения // Антропология культуры. Вып. 2. М.: Вердана, 2004. С. 187–216.
7. Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1972. 495 с.
8. Крижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.
9. Кривулин В. Ерофеев-драматург // Литературная ПРОМЗОНА [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litpromzona.narod.ru/reflections/krivulin7.html> (дата обращения 10.02.2021).
10. Ламзина А. В. Заглавие // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа: Академия, 1999. С. 63–71.
11. Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Венедикт Ерофеев: посторонний. М.: АСТ, 2018. 464 с.
12. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

13. Ломазов В. Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым // Театр. 1989. № 4. С. 33–34.
14. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1975. 528 с.
15. Муравьев В. С. «Высоких зрелищ зритель...» // Ерофеев Венедикт. Записки психопата. М.: Вагриус, 2000. С. 5–12.
16. Носов С. О. Паратекст как средство конструирования художественного пространства в драме: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 18 с.
17. Перепелкин М. А. Иосиф Бродский и Венедикт Ерофеев: К проблеме творческого диалога (от поэмы «Горбунов и Горчаков» к трагедии «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора») // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 7 (129). С. 64–69.
18. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. Изд. 4-е. М.: Флинта: Наука, 2002. 608 с.
19. Соколов Б. В. Булгаков: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 608 с.
20. Становкин П. А. Заглавия-интертексты в сборниках О. Э. Мандельштама «Камень», «TRISTIA», «Стихи 1921–1925 гг.», «Новые стихи» (1930–1937) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (96). С. 73–77.
21. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. М.: РИПОЛ классик/Пальмира, 2019. 286 с.
22. Фатеева Н. А. Синтез целого: на пути к новой поэтике. М.: НЛЮ, 2010. 352 с.
23. Черняева Н. Г. Концепт «сумасшедший дом» у А. П. Чехова («Палата № 6»), Юза Алешковского («Синенький скромный платочек»), Вен. Ерофеева («Вальпургиева ночь, или Шаги Командора») // «Европа чете Чехов»: Междунар. науч. конф. Доклады и сообщения. Велико Търново, 7–9 октомври 2010. Велико Търново, 2012. С. 232–241.
24. Черняева Н. Г. Гуревич в «Вальпургиевой ночи, или Шагах Командора» (фрагменты концепционного комментария) // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сб. науч. тр. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 18. Т. 2. Н. Новгород, 2015. С. 276–284.
25. Эткинд Е. Г. Там, внутри. О русской поэзии XX века. М.: Максима, 1997. 566 с.
26. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
27. Якобсон Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / Вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.
28. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris: Edition du Seuil, 1982. 448 p.
29. Genette G. Paratexts: Thresholds of interpretation. Cambridge University Press, 1997. 472 p.

Поступила в редакцию 24.02.2021; принята к публикации 17.05.2021

Original article

Natalia G. Chernyaeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, University of Economics – Varna (Varna, Bulgaria)
tortue@abv.bg

WALPURGIS NIGHT, OR THE STEPS OF THE COMMANDER BY VENEDIKT EROFEEV: PARATEXT ⇌ TEXT

Abstract. The article examines the structural elements of the paratext of Venedikt Erofeev's play *Walpurgis Night, or the Steps of the Commander* (including the title, the author's name and partly the dedication preface), as well as their interrelation with the text of the play. The double intertextual title of the tragedy is a sign of its intertextual game nature. The comparison of the key donor texts – Goethe's *Faust* (including its Walpurgis Night scene) and Alexander Blok's poem "The Steps of the Commander" – with the recipient text testifies to Erofeev's selective approach not only towards these two texts, but also towards other probable pre-texts, in which the studied archetypal plots are actualized. Their transformation in the tragedy is carried out in a travesty mode. The analysis of the intertextemes enables to test the initial hypotheses about the semantics and functions of the title. This task is facilitated by the dedication preface, which presents the name of the addressee of the tragedy, its "ideal" reader and critic, in encrypted form. Deciphering the name and clarifying the addressee's identity gives an idea of the nature of communication and confirms the author's orientation towards the game intertextual model. It is significant that the connection between the mentioned paratext elements and the text itself is also manifested in the fact that the title, the author's name and the addressee's name are included in the text in one form or another.

Key words: Venedikt Erofeev, Walpurgis Night, or the Steps of the Commander, paratext and text interaction, intertextuality

For citation: Chernyaeva, N. G. *Walpurgis Night, or the Steps of the Commander* by Venedikt Erofeev: paratext ⇌ text. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):83–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.641

REFERENCES

1. Arnold, I. V. Semantics. Stylistics. Intertextuality. St. Petersburg, 1999. 444 p. (In Russ.)
2. Bagno, E. V. Vice and Death sting with the same stinger. *Russian Studies – The Quarterly Almanac of Russian Literature and Culture*. 1996. Vol. II. No 3. P. 131–147. (In Russ.)

3. Bezrukov, A. N. Venedikt Erofeev: between metaphysics and literary editing. St. Petersburg, 2018. 226 p. (In Russ.)
4. Galperin, I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow, 2006. 144 p. (In Russ.)
5. Genis, A. Conversations about new Russian Literature. The fifth conversation. The Gospel. Venedikt Erofeev. *Zvezda*. 1997;6:227–229. (In Russ.)
6. Genette, G. Dedications. *Anthropology of Culture*. Issue 2. Moscow, 2004. P. 187–216. (In Russ.)
7. Zhirmunsky, V. M. Essays on history of classic German literature. Leningrad, 1972. 495 p. (In Russ.)
8. Krzhizhanovsky, S. The poetics of titles. Moscow, 1931. 32 p. (In Russ.)
9. Krivulin, V. Erofeev as a playwright. *Literaturnaya Promzona*. Available at: <http://litpromzona.narod.ru/reflections/krivulin7.html> (accessed 10.02.2021). (In Russ.)
10. Lamzina, A. V. Title. *Introduction to literary studies. Literary work: basic concepts and terms: Textbook*. (A. V. Chernets, Ed.). Moscow, 1999. P. 63–71. (In Russ.)
11. Lekmanov, O., Sverdlov, M., Simanovsky, I. Venedikt Erofeev: an outsider. Moscow, 2018. 464 p. (In Russ.)
12. Lipovetsky, M. N. Russian postmodernism. Essays on historical poetics. Ekaterinburg, 1997. 317 p. (In Russ.)
13. Lomazov, V. Something like a conversation with Venedikt Erofeev. *Teatr*. 1989;4:33–34. (In Russ.)
14. Maksimov, D. E. Poetry and prose of Alexander Blok. Leningrad, 1975. 528 p. (In Russ.)
15. Murav'ev, V. S. "He is the witness of high affairs...". *Erofeev Venedikt. Notes of a Psychopath*. Moscow, 2000. P. 5–12. (In Russ.)
16. Nosov, S. O. Paratext as a means of constructing artistic space in drama: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (Philology). Tver, 2010. 18 p. (In Russ.)
17. Perepelkin, M. A. Josef Brodsky and Venedikt Erofeev: On the problem of creative dialog (from the poem "Gorbunov and Gorchakov" to the tragedy "Walpurgisnacht, or the Steps of the Commander"). *Vestnik of Samarar State University*. 2005;7(129):64–69. (In Russ.)
18. Skoropanova, I. S. Russian postmodern literature. Moscow, 2002. 608 p. (In Russ.)
19. Sokolov, B. V. Bulgakov: Encyclopedia. Moscow, 2003, 608 p. (In Russ.)
20. Stanovkin, P. A. Title-intertexts in O. E. Mandelshtam's collections "Stone", "Tristia", "Poems of 1921–1925s", "New Poems" (1930–1937). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2010;6(96):73–77. (In Russ.)
21. Sukhikh, I. N. Sergey Dovlatov: time, place, destiny. Moscow, 2019. 286 p. (In Russ.)
22. Fateeva, N. A. The synthesis of the whole: on the way towards new poetics. Moscow, 2010. 352 p. (In Russ.)
23. Chernyaeva, N. G. The concept of 'insane asylum' in A. P. Chekhov's "Ward No 6", Yuz Aleshkovsky's *A Little Blue Modest Kerchief* and Venedikt Erofeev's *Walpurgis Night, or the Steps of the Commander*. *Evropa Chete Chekhov (Europe is Reading Chekhov). International Research Conference. Reports and Presentations. Veliko Tarnovo, October 7–9, 2010*. Veliko Tarnovo, 2012. P. 232–241. (In Russ.)
24. Chernyaeva, N. G. Gurevich in *Walpurgis Night, or the Steps of the Commander* (fragments of conceptual commentary). *Problems of translation theory, practice and methods of teaching: Collection of articles. Series "Language. Culture. Communication"*. Issue 18. Vol. 2. Nizhny Novgorod, 2015. P. 276–284. (In Russ.)
25. Etkind, E. G. There, inside. Russian poetry of the XX century. Moscow, 1997. 566 p. (In Russ.)
26. Jakobson, R. Linguistics and poetics. *Structuralism: pro et contra*. Moscow, 1975. P. 193–230. (In Russ.)
27. Jakobson, R. O. Two aspects of language and two types of aphasic disturbances. *Theory of metaphor*. Moscow, 1990. P. 110–132. (In Russ.)
28. Genette, G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris, 1982. 448 p.
29. Genette, G. Paratexts: Thresholds of interpretation. Cambridge, 1997. 472 p.

Received: 24 February, 2021; accepted: 17 May, 2021

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА БЕЛОУСОВА

старший научный сотрудник
Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”» (Ясная
Поляна, Российская Федерация)
helenyaspol@yandex.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. ТОЛСТОГО

А н н о т а ц и я . В статье рассмотрено не исследованное ранее творчество Н. Н. Толстого, старшего брата Л. Н. Толстого. Его рассказы «Охота на Кавказе» вызывали положительные отклики у современников. Л. Н. Толстой восхищался его гениальным даром и неоднократно писал об этом. Внимание к духовной жизни человека – главная особенность эстетического кредо Н. Н. Толстого, которая созвучна основной проблематике творчества Л. Н. Толстого. Во время службы на Кавказе Н. Н. Толстой записывал истории людей, с которыми его сводила судьба. Этот материал был положен в основу рассказов «Охота на Кавказе» и повести «Пластун», в которых писатель изобразил свойственную каждому человеку борьбу со страстями. В «Охоте на Кавказе» события в виноградном саду имеют аналог с притчей о призванных рабочих в третий, шестой и одиннадцатый час (Мф. 20:1–16). Последняя глава рассказов – «История Саип-абрека» – завершается ногайской сказкой о ястребе, созвучной с притчей о блудном сыне. С наибольшей полнотой мотив этой притчи раскрыт Н. Н. Толстым в повести «Пластун». Там же есть описание детского сна главного героя, в аллегориях которого угадываются образы Апокалипсиса. В последние месяцы жизни Н. Н. Толстой перевел на русский язык по Библии Лютера 28 глав Книги Бытия и Книгу Иисуса Навина, акцентируя особое внимание на переводе ветхозаветных пророчеств о грядущем Мессии и Боговоплощении. В описании Л. Н. Толстым предсмертного стремления князя Андрея Болконского не расставаться с Евангелием увековечена духовная подготовка старшего брата ко встрече с вечностью.

Ключевые слова: Н. Н. Толстой, Л. Н. Толстой, аксиология, духовная жизнь, исповедь, охота, притча, блудный сын, Библия, М. Лютер

Для цитирования: Белоусова Е. В. Евангельские мотивы в творчестве Н. Н. Толстого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.642

ВВЕДЕНИЕ

Николай Николаевич Толстой – старший брат Л. Н. Толстого, писатель, неизвестный в литературных кругах, скончавшийся в возрасте 37 лет в 1860 году. Единственное произведение, напечатанное в журнале «Современник» при его жизни, в 1857 году, – рассказы «Охота на Кавказе». В 1926 году в журнале «Красная новь» была опубликована незаконченная повесть из кавказской жизни «Пластун», в 1987 году, спустя 130 лет после первой публикации, в Туле во второй и последний раз переиздана «Охота на Кавказе». В этом же сборнике появился «Пластун» и впервые увидели свет незавершенные охотничьи очерки «Весенние поля» и «Заяц». Человек как образ Божий, как часть социума и природы – такова основная идея творчества Н. Н. Толстого, пронизавшая все четыре его произведения.

Одним из главных достижений Н. Н. Толстого является изображение психологических про-

цессов, происходящих в душе человека. Поэтика творчества Л. Н. Толстого и Н. Н. Толстого во многом сходна своей психологической глубиной. Отличительная черта художественного отражения жизни в произведениях братьев Толстых состоит во внимании к «диалектике» души человека, причем у Н. Н. Толстого наблюдается характерная черта его эстетической концепции: среди персонажей его произведений нет безусловно положительных героев, однако вера писателя в то, что человек может преодолеть свои пороки и достичь нравственной чистоты, придает психологизму Н. Н. Толстого особенность, проявляющуюся в умении разглядеть душу человека в ее идеально-возвышенном состоянии.

Творчество Н. Н. Толстого соотносено с библейской и святоотеческой традицией, которая с наибольшей силой обнаруживается в лирическом пафосе описаний природы, исповедальном

характере размышлений героев, философских авторских обобщениях.

* * *

Охота была страстным увлечением братьев Толстых с молодости. С особым упоением она захватила их на Кавказе. Об этом свидетельствуют многие страницы дневника Л. Н. Толстого той поры. Например, 30 августа 1852 года Л. Н. Толстой записал: «Ходил с Николинькой на охоту. <...> Ходил в сады и за бекасами!»; 17 сентября появились такие строки: «Шел охотой из Кизляра в Старогладковскую» (46; 141). Эти лаконичные записи можно рассматривать как зародыш колоритных сцен охоты в садах, запечатленных вначале в «Охоте на Кавказе» Н. Н. Толстого, а затем в «Казаках» Л. Н. Толстого.

Сады в равнинных предгорьях Чечни – это одно из мест охоты. «Смело можно сказать, что едва ли есть уголок в свете, где бы можно было пользоваться такими удобствами на охоте, как в кизлярских садах осенью, во время уборки винограда»², – писал Н. Н. Толстой. Сбор винограда на Кавказе, впечатляющий обилием и колоритом даров земли, взлелеянной руками человека, никогда не оставлял равнодушным человека. Виноград, его спелые гроздья, хозяин и работники в винограднике подробно представлены в книгах Ветхого и Нового Заветов и имеют много символических значений: виноградная лоза – это образ всего, что сильно, красиво, полезно; ухоженный виноградник – символ мира и благополучия. После Рождества Христова образы плодов, ветвей винограда и виноградного сада обогатились новозаветным смыслом:

«Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой Виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. <...> Я есмь Лоза, а вы ветви, кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15:1–2, 5).

Н. Н. Толстой на страницах рассказов «Охота на Кавказе» запечатлел такую поэтическую картину:

«Кругом вас, справа, слева, спереди, целое море винограда, – и ничего больше, кроме винограда. Зелени не видать. <...> Воздух прозрачен до такой степени, что вы, кажется, видите, как разливаются по нем волнообразные лучи света» (29).

Человек – непосредственный участник в этом пире природы, и читателю слышится

«то однообразная песнь ногойца, который <...> лениво топчет мешки с виноградом голыми ногами <...> то повелительный голос тамады, который по-армянски или по-татарски отдает приказания своим разноплемен-

ным работникам; то веселый женский смех или звонкое, несколько визгливое пение казачек, которые режут виноград в ближайшем саду» (29).

Осенью 1852 года в творческих планах Л. Н. Толстого возникают первые замыслы будущих «Казаков». Сохранилось около 250 листов черновых вариантов произведения, но только в последнем варианте, датированном 1862 годом, появилась сцена в виноградном саду, аналогичная изображенной Н. Н. Толстым в «Охоте на Кавказе»³. Брат Николенька скончался в 1860 году, и писатель в последней редакции «Казаков» решил увековечить памятные для него дни кавказской жизни, проведенные с братом, и воссоздать его живописный сюжет из «Охоты на Кавказе».

При наличии многих похожих деталей изображения братьями Толстыми сбора урожая в «Казаках» и в «Охоте на Кавказе» повествователи тем не менее придавали разное идейно-художественное значение этим сценам. Осознание, «созревание» любви Оленина к Марьяне показано на фоне созревших плодов; яркость красок природы соответствует внутреннему состоянию главного героя.

Эстетика сада в мировосприятии Н. Н. Толстого иная и распадается на две составляющие: сад – часть охотничьего пространства, единое целое с миром растений, зверей, птиц. Тут же писатель изображает сад в другом, надмирном качестве:

«Вы идете по прекрасной, чисто выметенной и усыпанной песком дорожке, или стоите в тени огромных фруктовых деревьев. Превосходные спелые плоды: груши, персики, абрикосы, бергамоты, сливы качаются на ветках, и вам стоит только протянуть руку, чтобы сорвать их» (29), –

эти строки, родившиеся в поэтической душе Н. Н. Толстого, воспевают сад, похожий на тот, который предстал пред очами Мцыри, героя одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова: «Кругом меня цвел Божий сад...»⁴.

Создатель таких садов – Господь, Которому Его творения возносят песнь хвалы: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103:24).

Помимо различного смыслового значения сада в упоминаемых произведениях братьев Толстых, есть и некий общий контекст, открывающийся читателю: вневременный и независимый от конкретного пространства – морально-философский. В повести «Казаки» земля, отдающая щедрые дары человеку, превращающему труд их собирания в яркий праздник, – это

образ *мира*, Вселенной, как она задумана Творцом. Этот *мир* «отрицает войну, потому что содержание и потребность мира – труд и счастье, свободное, естественное и потому радостное проявление личности, а содержание и потребность войны – разобщение людей, разрушение, смерть и горе» [4: 107]. Сад-*мир* – это материализованный ответ Л. Н. Толстого на тайну, написанную Николаем в детстве на Зеленой палочке: «Как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы» (34; 386). Но детская мечта Толстых о вселенском братстве до тех пор не могла объединить «под всем небесным сводом всех людей мира» (34; 387), пока вокруг этого оазиса радости и благополучия была война, часто вторгавшаяся и сюда:

«Хозяева садов очень довольны, когда у них охотятся: так как в садах, часто по нескольким дням, скрываются абреки, то присутствие хорошо вооруженных людей и, кроме того, хороших стрелков, в некотором роде, обеспечивает хозяина сада» (30), —

такую повседневную деталь кавказского конфликта Н. Н. Толстой помещает в финал своего описания.

Морально-философское содержание «садового» сюжета Н. Н. Толстой усиливает и евангельским смыслом. Созданный им сюжет с виноградником, его хозяином и работниками имеет аналог с притчей о призванных работниках в третий, шестой и одиннадцатый час (Мф. 20:1–16). В винограднике на окраине Кизляра, изображенном в «Охоте на Кавказе», работники «одиннадцатого часа», то есть те, кто не перенес «тягость дня и зной» (Мф. 20:12), — это охотники, в числе которых и автор очерков. «Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых» (Мф. 20:8). Все, пришедшие в Небесный сад, получают равное воздаяние; подобное происходит и в садах на Тереке:

«Во время уборки винограда, в каждом саду непременно застанете хозяина. Все кизлярские, обыкновенно, перебираются в сады. Вообще, они очень гостеприимны, но в эту пору, окруженные изобилием плодов земных, когда урожай винограда обещает хорошие барыши, с особенным радушием принимают каждого» (30).

Эта небольшая деталь – хозяин виноградника, радушно встречающий всех в своем саду, отсутствующая в подобном сюжете повести «Казачьи», придает виноградному саду Н. Н. Толстого символический образ мира как Царства Небесного,

как братства всех людей, независимо от конфессиональных различий.

В «Охоте на Кавказе» имеется еще одна яркая художественная аллюзия, перекликающаяся с евангельской притчей о блудном сыне. Остро сюжетный конфликт «Истории Саип-абрека», являющейся последней, седьмой главой рассказов, завершается эпилогом – ногойской сказкой о ястребе⁵ [2], в иносказательной форме повествующей обо всех перипетиях судьбы Саипа и ее печальном итоге:

«У одного охотника улетел ястреб-гнездарь в лес, где жили его братья и отец. Вечером сел он на дерево вместе с братьями, а когда проснулся ночью, то увидал, что братья его все отлетели от него и сидели на других деревьях. Утром он рассказал об этом старому ястребу. “Верно, они боятся твоих бубенчиков”. Молодой ястреб оторвал бубенчики и вечером опять сел на одно дерево с братьями: но те по-прежнему отлетели от него, и молодой ястреб опять рассказал старику. “Верно, они боятся твоих путлиц”. Оторвали путлица и опять сел с братьями на дерево; но ночью, когда молодой ястреб проснулся, братьев его не было с ним. Тогда он заплакал и полетел далеко в чужой лес... Эту сказку рассказал Саипу отец, когда он приехал к нему» (67–68).

Сказка Саипа заканчивается тем, что ястреб улетел, потому что братья им гнушались. Саип уходит в чужие края после того, как отец прогнал его, и продолжает свои преступные похождения. «Бачка старый человек, умный человек: у него много в башке!» (68) – подводит он итог своей исповеди. В этих простых словах не только любовь и уважение к мудрому отцу, но и признание своей вины, близкое к покаянию. Саип не попадает в объятия отца, подобно евангельскому блудному сыну, но получает хороший урок, и читателя не покидает ощущение, что абрек найдет возможность искупить свою вину. Это остается за пределами рассказов «Охота на Кавказе», но в их последних строках есть небольшой символический намек на это: «Саип-абрек положил дров в камин и развел огонь. Веселое пламя разгорелось и осветило саклю. Тяжелое впечатление Саипова рассказа исчезло во мне» (68). Вспыхнувший в камине огонь мгновенно изменяет отношение автора к рассказу Саипа: не случайно Н. Н. Толстой называет пламя «веселым». Таким определением он намекает на иной, сакральный смысл этого образа: тема огня как символа присутствия Божия, как преобразующей и очищающей силы постоянна в Священном Писании. Такой подтекст эпилога «Истории Саип-абрека» подает надежду, что падшая душа пройдет через «огненное искушение» (1 Пет. 4:12) и возродится к полноценной жизни.

С наибольшей яркостью и полнотой мотив евангельской притчи о блудном сыне раскрыт Н. Н. Толстым в незаконченной повести «Пластун», над которой он работал одновременно с «Охотой на Кавказе» в первой половине 1850-х годов. В основе рассказа Запорожца о похождениях молодости отчетливо слышен мотив ухода «на страну далече» (Лк. 15:13). Композиционная форма большей половины повести – о юности и молодости героя построена так, что в центре внимания оказывается конфликт совести с силами зла – основой всех набегов и краж, в которых прошли эти эпохи жизни Запорожца. С ранней поры он был убежден, что Бог милостив и «не мог сделать ни несчастья, ни зла»⁶, что землю «Бог создал для их (то есть людей. – Е. Б.) счастья. <...> А несчастье и зло сделали сами люди» (93). Запорожец пришел к таким выводам эмпирическим, опытным путем, после того как его жизнь уклонилась очень далеко от всех моральных норм. Это убеждение о милосердии Бога и о человеке как источнике зла, разрушающем душу, выстрадано Запорожцем, и все его повествование о прошлом пронизано этим убеждением, что придает рассказу исповедальный тон. В основе рассказа Запорожца о своей жизни лежит желание не просто поведать слушателю о приключениях, но излить душу, освободиться от давящего ее греха. В силу неопределенных понятий о христианстве и о церковных Таинствах, в том числе о Таинстве покаяния, он не мог прийти в храм на исповедь. Он находит другой путь духовного очищения – откровенный рассказ о своем нравственном падении.

Помимо средств художественной изобразительности, в сравнении с «Охотой на Кавказе» доведенными в повести «Пластун» до наивысшего мастерства, талант Н. Н. Толстого раскрылся здесь и в наличии глубокого философского и нравственно-психологического контекста, сопутствующего всей сюжетно-образной системе повести. Главная авторская мысль имплицитного фона «Пластуна» – война в окружающем мире порождает ответный бунт и злые инстинкты в человеческой природе; человек ищет в природе мир и покой, но в ней царят те же законы грубой силы и уничтожения более слабых, что и в мире людей; силы природы восстают на человека, не имеющего мира в своей душе.

Один из наиболее красноречивых художественных образов бунта природы против человека и в то же время олицетворенного изображения разрушительной бесовской силы, созданных Н. Н. Толстым в «Пластуне», – это табун диких лошадей. Помимо мастерства изображения ди-

намичной картины скачущих коней, этот образ является иносказательной формой уверенности автора в том, что силы природы мстят человеку, вносящему диссонанс в установленный Богом Промысел о мире.

Во время охоты на лис главный герой, имевший прозвище Волковой⁷, сталкивается с табун диких коней:

«Впереди неся жеребец, фырка и взвизгивая, подняв голову, вытянув шею, разметав гриву и хвост. Я ударил лошадь плетью, она поскакала, но дикий жеребец и за ним весь табун догоняли меня. <...> Все ближе и ближе скакал за мною бешеный жеребец. Я чувствовал его влажное и жаркое дыхание, чувствовал, что он несколько раз уже хватал меня за плечо зубами. <...> Бешеное животное ударило передними копытами по седлу <...>. Больше я ничего не помню; я упал на спину, небо кружилось у меня в глазах, я умирал!» (113–114).

Такой трагичный финал юности героя был предсказан ему в детском сне, наполненном выразительными образами и символами. В детстве главный герой, имевший прозвище Зайчик, видел сон: он превратился в «маленькую птичку плиску»⁸ (74), которая летит на спине большого журавля. В кавказском фольклоре перелетные птицы, к которым относятся плиска и журавль, – «образ бесстрашия, удалства, геройства» [3: 280], а журавль в мифах многих народов означает Божью птицу.

«Мы летим через горы и внизу видны люди, маленькие и черные, как мыши; они роются в земле и достают золото и серебро и бросают в нас золотыми монетами, но монеты разлетаются в золотую пыль, и мы летим дальше и пролетаем ущелье между снежных гор. <...> Мы летим через море, и море прозрачно, как стекло, и в нем гуляют рыбы в огромных дверцах⁹ из жемчуга и дорогих камней. И вдруг налетает белый сокол и бьет журавля, и я падаю, падаю... и просыпаюсь» (74–75).

Побег от земли к небу – так выражено одиночество мальчика на земле и стремление покинуть мир людей, похожих на мышей. Копание «черных людей» в земле, золото и серебро в их руках – бесовская алчность и стремление к наживе. «Не собирайте себе сокровищ на земле <...> Но собирайте себе сокровища на небе <...> Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21), – в таком Евангельском смысле надо понимать рассыпающиеся в пыль сокровища, ничего не значащие для людей с чистыми душами. Но злоба людская по отношению к таковым настолько сильна, что они готовы уничтожить чистоту любыми средствами, в том числе и соблазном богатства. Видение Зайчиком прозрачного, как стекло, моря имеет аналог в Апокалипсисе Апостола и Евангелиста Иоанна

Богослова: «И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу» (Откр. 4:6), – «это души людей, не волновавшихся бурями житейского моря» [1: 102]. Уже близко подлетает журавль со своей ношей к Обетованному Царству Небесному, где «гуляют рыбы в огромных дворцах из жемчуга и дорогих камней», – это христиане в раю: рыбы с первых веков христианства означали учеников Христовых. Сокол, убивающий журавля, и падение мальчика-птички вниз пророчески означают будущее героя, его разбойничью жизнь.

Короткая жизнь Н. Н. Толстого завершалась вдали от Родины, в курортном городе Йере на юге Франции. Умирая от чахотки, он не переставал писать, но жанр творчества был иным: он занялся переводом ветхозаветных книг, который дополнил своими размышлениями и выводами¹⁰. Рукопись этого труда сохранилась. Н. Н. Толстой перевел с немецкого на русский две книги: двадцать восемь глав, то есть большую половину Книги Бытия¹¹ и всю Книгу Иисуса Навина – двадцать четыре главы. Была начата работа над Книгой Судей Израилевых¹². Русского перевода Библии в то время не было, он появился лишь в 1876 году.

«С перевода Лютера», – написал Н. Н. Толстой сверху первого листа своей рукописи Книги Бытия, а на полях перевода Книги Судей Израилевых написано неизвестным почерком на немецком и русском: «Wiesbaden Висбаден». В начале июня 1860 года. С. Н. Толстой привез брата на лечение в термальный город-курорт Зоден, где они прожили три месяца, и над переводом Библии Н. Н. Толстой начал работать там. Упоминание Висбадена, курорта с минеральными источниками в 30 км от Зодена, можно объяснить тем, что братья ездили туда на лечебные воды.

Сорок шесть рукописных листов – это и перевод, и творческий подход к материалу. При его изучении можно отчасти понять цель Н. Н. Толстого: ему было необходимо на родном языке проникнуть сквозь толщу ветхозаветных веков к тайне Боговоплощения. Перевод Книги Бытия до двадцать восьмой главы в таком контексте представляется логически обдуманым: в начале Книги содержится пророчество о грядущем Мессии, именуемое экзегетами «Первоевангелием»¹³, а двадцать восьмая глава содержит еще одно ясное указание на это.

Всем главам Книги Бытия Н. Н. Толстой дает названия в соответствии с основной идеей каждой главы, некоторые из них пропускает, остальные нумерует по-своему. Шестнадцатая глава лютеровского текста по его счету становится пятой, рядом со своей нумерацией он рисует

портреты Авраама и его служанки Агари, в заглавии выделяет ключевую мысль содержания: «Агарь родит Измаила». В главе указан возраст Авраама – восемьдесят шесть лет, и на рисунке Н. Н. Толстого он изображен маститым старцем.

Чрезвычайно интересна рукопись двадцать четвертой главы, в которой идет речь о поиске рабом Авраама невесты для его сына Исаака. Часть листа оставлена пустой для комментариев и вставок, и внизу на чистой стороне Н. Н. Толстой вписал пропущенный при переводе стих 21: «Он удивился ей и мол[чал] пока не узнает наверное действительно ли Господь ему помогал в его путешествии или нет»¹⁴.

Рукописи дают ясное представление о поиске Н. Н. Толстым предельно точного смысла переводимого текста. В двадцать седьмой главе несколько стихов подвергались переделке. Например, конец двадцать седьмого стиха¹⁵ выглядит так: слово «запах» подчеркнуто и под линией подчеркивания написано «свет мой». Здесь же подчеркнуты слова «запах поля» и ниже – «пахнет полем», которое «благословил Господь», по этому выражению проведена зачеркивающая черта, но ниже снова вписано и подчеркнуто: «Благословил Гос[подь]». Он продумывает различные варианты перевода, оставляет начатые и так торопится записать новые, что не заканчивает слова. Остановив перо на середине слова «Господь», в конце 27-го стиха Н. Н. Толстой в раздумье записывает: «Благословен Господь или кот[орое] благосл[овил] Господь».

Двадцать седьмая глава повествует о благословении Исааком сыновей Исава и Иакова. Тридцать девятый стих¹⁶ – благословение Исава – в переводе Н. Н. Толстого выглядит так: «Вот от тука земли будут жилища твои и не будут увлаж[нять] их росы небесные». Своему варианту Н. Н. Толстой придает дополнительный смысл, отсутствующий у Лютера и указывающий на уничижение Исааком сына, пренебрегшего первородством. Напротив этого стиха Н. Н. Толстой написал: «У Лютера совершенно противное». После своего замечания он выписал по-немецки часть стиха, вызвавшего его несогласие: «Siehe, da du wirst eine fette Wohnung haben auf Erden»¹⁷. Сравнение противоположных смыслов одного стиха наводит на предположение о том, что, занимаясь переводом, он изучал труды по немецкой библеистике, отличавшейся неортодоксальными концепциями толкования Священного Писания. Его сравнение противоположных смыслов переводов напоминает метод работы Л. Н. Толстого над созданием трактатов «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Критика догматического

богословия» в 1880–1890-х годах. Однако поводы обращения братьев к Священному Писанию были совершенно противоположны.

Двадцать восьмая глава Книги Бытия завершается рассказом о видении Иаковом небесной лестницы, что является прообразом грядущего боговоплощения. На этом месте Н. Н. Толстой завершает перевод первой библейской книги и, минуя все последующее Пятикнижие, сразу переходит к «Книге Иисуса». На первый взгляд, неполное наименование им Книги Иисуса Навина непривычно, но верно: Лютер пользовался греческим текстом, где книга имела название «Иисус». С другой стороны, в таком названии кроется и мессианский смысл, особо усиленный Н. Н. Толстым при переходе от образа небесной лестницы к еще одному ветхозаветному указанию на грядущего Мессию: Иисус Навин, выведший народ израильский из пустыни в Землю Обетованную, есть один из библейских прообразов Господа нашего Иисуса Христа. Именно поэтому Н. Н. Толстой минует книги Закона и погружается в ветхозаветные пророчества.

Книга Иисуса Навина – первая в ряду исторических книг Библии, повествующая о политической и военной жизни израильского народа от его исхода из Египта до возвращения в Землю обетованную. Однако не внешняя сторона повествования побудила Н. Н. Толстого взяться за ее перевод: книга насыщена аллегорическими образами. Так, переход через Иордан народа израильского означает очищение от грехов по пути в Царство Божие; семь ханаанских племен, теснивших израильтян, есть прообраз семи смертных грехов; обрезание – символ таинства Крещения; семидневное обхождение Иерихона – победа над грехами посредством семи Таинств Церкви; история блудницы Раав – указание на спасение грешников через веру и смирение; жертвоприношение израильтян по пути в Землю обетованную – прообраз евхаристии и т. д.

«Явился Ангел Господень народу» – этим стихом, с которого начинается вторая глава Книги Судей, Н. Н. Толстой завершает свой перевод. В рукописи этот стих написан более крупными буквами, нежели весь предыдущий текст. Н. Н. Толстой намеренно отходит от дословной библейской фразы и приближает свою версию к главному смыслу, ради чего и был им задуман перевод книг Бытия, Иисуса Навина и единственного стиха Книги Судей, – выделить идею ветхозаветной христологии. Ангел Господень – это один из прообразов Сына Божия. У Лютера этот стих географически точен

и не имеет мессианского контекста: «И пришел Ангел Господень из Галгала в Бохим» (Суд. 2:1).

Одни из самых проникновенных страниц описания таинства смерти в мировой литературе принадлежат Л. Н. Толстому. Его произведения содержат ошеломляющие своим трагизмом и вместе с тем духовной высотой совершающегося события изображения перехода души к ее Создателю. В романе-эпопее «Война и мир», частично основанном на автобиографическом материале, нашли отражение сильные жизненные впечатления и страницы семейной жизни, главным из которых в те годы была смерть Николая на его руках. Брат знал, что идет туда, где «отрет Бог всякую слезу с очей <...> и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» (Откр. 21:4), и там он увидит, наконец, что его детская мечта о соборном братстве – это реальность.

Предсмертная просьба князя Андрея Болконского принести ему Евангелие является гениальным увековечением последних дней любимого брата, создававшего для себя Первоевангелие из ветхозаветных книг. Потрясение от потери вдохновило писателя на создание проникновенных страниц перехода в вечность князя Андрея Болконского:

«– Нельзя ли достать книгу? – сказал он. – Какую книгу?»

– Евангелие! У меня нет. <...>

Он вспомнил, что у него было теперь новое счастье и что это счастье имело что-то такое общее с Евангелием. Потому-то он попросил Евангелие»¹⁸.

«“Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!” – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была поднята перед его душевным взором»¹⁹.

20 сентября 1860 года Н. Н. Толстой скончался. Через три дня Л. Н. Толстой писал тетешке Т. А. Ёргольской:

«Он умер так, как я бы желал умереть, спокойно, кротко и прекрасно. Тут не было священника, и я уверен, что он бы причастился, ежели бы это можно было. <...> Такой кротости и доброты, как последние его дни, трудно вообразить себе. Да и вся жизнь его!» (6; 355).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Короткая жизнь Н. Н. Толстого была целенаправленным стремлением к исполнению Заповедей Блаженств, и первостепенных из них – любви к Богу и людям – он достиг. Немалую роль в этом сыграло его творчество, которое никогда не утратит своего значения благодаря вечным евангельским ценностям, в соответствии с которыми он жил.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 46. С. 140. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ² Толстой Н. Н. Охота на Кавказе // Толстой Н. Н. Сочинения. Тула: Приокское кн. изд-во, 1987. С. 28–29. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Это произведение было напечатано в 1857 году в февральской книжке «Современника» благодаря настойчивости Л. Н. Толстого и получило восторженные отзывы Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, В. П. Боткина.
- ⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.: АН СССР, 1958–1959. Т. 2. С. 476–477.
- ⁵ Аналогичную, но более трагическую тавлинскую сказку о соколе Л. Н. Толстой использовал в эпилоге повести «Хаджи-Мурат» (35, 102).
- ⁶ Толстой Н. Н. Пластун // Толстой Н. Н. Сочинения. Тула: Приокское кн. изд-во, 1987. С. 93. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ Волковой – еще одно прозвище главного героя, в детстве и отрочестве называвшегося Зайчиком, в молодости – Волковым, в зрелости – Запорожцем.
- ⁸ Плиска – желтая трясогузка, самая маленькая представительница семейства трясогузковых. Ее длина 15–16 см, вес – около 17 г.
- ⁹ Так в печатном тексте. Скорее всего, при чтении рукописи была допущена ошибка и вместо слова «дворцах», что следует из контекста фразы, появилось непонятное «дверцах».
- ¹⁰ В творческой судьбе Л. Н. Толстого подобный отказ от создания художественных произведений и аналитико-переводческая работа над Новым Заветом произошли спустя двадцать лет после кончины Николеньки. Однако, несмотря на внешнее совпадение этапов творчества братьев, разница состояла в том, что Л. Н. Толстой сознательно искажал Священное Писание, уходя все дальше от его богооткровенных истин в собственные суждения о Слове Божием, а Н. Н. Толстой переводил с немецкого на русский язык Библию Лютера для того, чтобы через эту работу быть ближе к Спасителю. Уезжая из России на лечение, он не взял с собой церковнославянскую Библию и был вынужден пользоваться ее протестантским вариантом.
- ¹¹ ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 60502.
- ¹² ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 60501.
- ¹³ «И вражду положу между тобой и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3:15).
- ¹⁴ Синодальный перевод: «Человек тот смотрел на нее с изумлением в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его или нет» (Быт. 24:21).
- ¹⁵ «Вот, запах от сына моего, как запах от поля (полного), которое благословил Господь» (Быт. 27:27).
- ¹⁶ Синодальный перевод: Вот, от тука земли будет обитание твое и от росы небесной свыше (Быт. 27:39).
- ¹⁷ Буквальный перевод с немецкого: «Вот, ты будешь иметь хорошее селение на земле».
- ¹⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 6. С. 396–397.
- ¹⁹ Там же. Т. 7. С. 70.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверкий (Таушев Александр Павлович; архиеп. Сиракузско-Троицкий; 1906–1976). Апокалипсис в учении древнего Христианства / Толкование архиеп. Аверкия (Таушева); Ред., примеч., вступ. ст. и жизнеописание авт. отца Серафима (Роуза); Пер. с англ. [Лидии Васениной]. М.: Русский Паломник, 2008. 269 с.
2. Белоусова Е. В. Образ Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова и братьев Толстых // М. Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 18–19 июня 2011 г. Ереван, 2011. С. 30–48.
3. Далгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. М.: Наука, 1981. 303 с.
4. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Просвещение, 1987. 176 с.

Поступила в редакцию 23.10.2020; принята к публикации 12.04.2021

Original article

Elena V. Belousova, Senior Researcher, Leo Tolstoy Yasnaya Polyana Estate Museum (Yasnaya Polyana, Russian Federation)
helenyaspol@yandex.ru

GOSPEL MOTIFS IN THE WORKS OF NIKOLAY TOLSTOY

Abstract. The article examines the unstudied works of Nikolay Tolstoy, the elder brother of Leo Tolstoy. His book of short stories *Hunting in the Caucasus* fascinated his contemporaries. However, there are no studies addressing the talent of Nikolay Tolstoy and the moral and creative influence on his brother. The research novelty and relevance of

attention to the personality of this undeservedly forgotten writer is dictated by the fact that Leo Tolstoy admired his genius and wrote about it repeatedly. Focusing on the spiritual life of a person is the main feature of Nikolay Tolstoy's aesthetic credo, which accords with the main problems of Leo Tolstoy's works. While serving in the Caucasus, Nikolay Tolstoy wrote down the stories of people he met. This material was later used as the basis for the stories in *Hunting in the Caucasus*, as well as for his short novel *Plastun*, in which the writer depicted struggle with passions inherent in human nature. In *Hunting in the Caucasus*, the events in the vineyard can be compared with the parable of the workers in the vineyard (Matthew 20:1–16). The last chapter of his short stories book, "The Story of Saip-Abrek", ends with the Nogai tale about a hawk, which resonates with the parable of the prodigal son. The motif of this parable is most fully represented in Nikolay Tolstoy's short novel *Plastun*. There is also a description of the main character's childhood dream, which contains somewhat apocalyptic allegories. During the last months of his life, Nikolay Tolstoy translated 28 chapters of the *Book of Genesis* and the *Book of Joshua* into Russian in accordance with the Luther Bible, with a special focus on the translation of the Old Testament prophecies about the coming Messiah and the divine incarnation. In his description of Prince Andrey Bolkonsky's dying desire not to part with the Holy Gospel, Leo Tolstoy immortalized his elder brother's spiritual preparation for eternity.

Key words: Nikolay Tolstoy, Leo Tolstoy, axiology, spiritual life, confession, hunting, parable, prodigal son, Bible, Martin Luther

For citation: Belousova, E. V. Gospel motifs in the works of Nikolay Tolstoy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.642

REFERENCES

1. Averky (Alexander Pavlovich Taushev, Archbishop of Syracuse and Holy Trinity Monastery, 1906–1976). The Apocalypse in the teachings of ancient Christianity: Interpretation of Archbishop Averky (Taushev). (Father Seraphim (Rose), Ed.). Moscow, 2008. 269 p. (In Russ.)
2. Belousova, E. V. Image of the Caucasus in the works of Mikhail Lermontov and the Tolstoy brothers. *Russian and national literatures: Proceedings of the international research and practical conference, June 18–19, 2011*. Yerevan, 2011. P. 30–48. (In Russ.)
3. Dalgat, U. B. Literature and folklore: theoretical aspects. Moscow, 1981. 303 p. (In Russ.)
4. Opulskaya, L. D. Leo Tolstoy's epic novel *War and Peace*. Moscow, 1987. 176 p. (In Russ.)

Received: 23 October, 2020; accepted: 12 April, 2021

КРИСТИНА НИКОЛАЕВНА МЕШКОВА

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2006-5007; kasumi_shogo@mail.ru

О ГЕНЕЗИСЕ ОБРАЗА ШУТА В ПОВЕСТИ О. М. СОМОВА «ГАЙДАМАК»

А н н о т а ц и я . Традиция изображать шутов как носителей скрытой мудрости и уникальных человеческих качеств имеет богатую историю изучения, однако эта проблема мало исследовалась на материале русской литературы. В статье рассматривается образ шута в повести О. М. Сомова «Гайдамак» и его типологическая параллель с шутом из трагедии У. Шекспира «Король Лир». В ходе анализа сопоставляются образы колоритного шекспировского героя и сомовского Рябка, выявляются связанные с ними сходные сюжеты и мотивы. Образ шута у Шекспира и Сомова отличается от традиционного фольклорного представления в литературе: роль героя расширена и перестает обрамлять сюжет, его действия становятся полноценной движущей силой произведения. Присутствуют также и типичные, связанные с этим образом комические и фарсовые мотивы, однако они вынесены на второй план. Вслед за Шекспиром Сомов видит своего героя остроумным, дерзким и искренним, делает его выразителем народного голоса. При этом Рябка наделен более самоотверженным и чувствительным характером, он обладает абсолютно новыми чертами, чем сильно отличается от шутов в фольклоре или в ренессансной литературе: это философствующий тип личности, чуткой и ироничной, вместе с тем решительной и готовой к отстаиванию своих убеждений.

Ключевые слова: Орест Сомов, Шекспир, шут, романтизм, шекспиризм

Благодарности. Автор выражает благодарность и глубокую признательность А. А. Евдокимову за помощь в проведении исследования, а также за советы и ценные замечания по подготовке данной статьи.

Для цитирования: Мешкова К. Н. О генезисе образа шута в повести О. М. Сомова «Гайдамак» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 103–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.643

ВВЕДЕНИЕ

Шекспировскими связями и творчеством О. М. Сомова – оригинального писателя и активного литературного деятеля первой трети XIX века – интересовался довольно узкий круг ученых. В отечественном литературоведении этого вопроса коснулся Ю. Д. Левин в статье «Литература декабристского направления», опубликованной в составе коллективной монографии «Шекспир и русская культура» [16: 131–133], а также в своей книге «Шекспир и русская литература XIX века» (1988) [5: 22–23]. В этих трудах внимание исследователя было сосредоточено на широко известном эстетическом трактате Сомова «О романтической поэзии» (1823): писатель-романтик предстает в них в основном в качестве ценителя и популяризатора произведений Шекспира. Специальных работ, посвященных отдельным проблемам шекспиризма Сомова, как отечественных, так и зарубежных, насколько нам известно, не публиковалось до настоящего момента.

Действительно, ко времени выхода «Гайдамака» (глав из малороссийской повести) в свет в 1828 году О. М. Сомов был уже хорошо знаком с творчеством У. Шекспира и имел о нем целостное представление. В трактате «О романтической поэзии» он дал высокую художественную оценку его произведениям и поставил их в один ряд с известными шедеврами мировой литературы [11: 551–552]. Доподлинно неизвестно, знал ли Сомов английский язык, но еще в 1822 году, разбирая перевод «Шильонского узника» В. А. Жуковского, он признается, что может судить о подлиннике только по прозаическому французскому переводу¹. По мнению исследователей, Сомов не владел английским [3: 503], но был прекрасным переводчиком как минимум с трех языков [19: 74] – французского, немецкого и итальянского. Поэтому наиболее вероятно, что он осваивал шекспировское наследие через посредство французских или немецких версий. Особенную помощь в знакомстве с английским драматургом

ему могли оказать переводы, выполненные П. Лестурнером и опубликованные в «Полном собрании сочинений Шекспира» 1821 года под редакцией Ф. Гизо и А. Пишо [5: 243]. Именно эти переводы славились своей точностью и детальностью [16: 166], а, например, в переложении «Короля Лира» Ж.-Ф. Дюси, на которого опирался Н. И. Гнедич («Леар», 1808), была исключена линия шута. Кроме того, Сомов был весьма близко знаком с работами Гизо: в 1827 году Сомов займется переводом глав из его книги «Жизнь Шекспира», посвященных знаменитым трагедиям английского драматурга².

Особый интерес Сомова к шекспировскому творчеству был обусловлен его стремлением создать оригинальное произведение, отвечающее категориям «народности» и «местности» [11: 550]:

«...уже Сомов, говоря о необходимости создать “свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых”, ссылался на “пример многих поэтов чужеземных”, которому он призывал следовать. В числе этих поэтов несомненно подразумевался и Шекспир» [16: 133].

Концепция шекспировского творчества раскрывается у Сомова в рамках его представлений о романтизме и об истинно свободном искусстве: писать вне правил, «по внушению своего сердца и воображения» [11: 551]. Эта особенность шекспировского творчества привлекает внимание и многих современных исследователей: «...обречены на неудачу все попытки “классифицировать” Шекспира, заставить его служить одной идее, идеологии или догматической трактовке» [7: 61]. Он особенно ценил великого драматурга за его универсализм, «глубокое познание человеческого сердца» [11: 551] и умение передать «положения действующих лиц и страсти, в них бунтующие» [11: 552]. Шекспир для Сомова также и «верный историк нравов» [11: 552], в произведениях которого писатель-романтик мог видеть образцовый пример работы как со старинными легендами, так и с историческими событиями вообще. Позднее о стремлении русских писателей опираться на Шекспира при создании своей национальной литературы будет размышлять К. Ф. Рылеев [5: 24].

Обратимся к повести Сомова. Среди главных персонажей «Гайдамака» мы видим пана Просечинского, путешествующего со своей семьей и слугами. Зажиточный пан славится на всю округу своей жадностью и жестокостью. Это привлекает внимание Гаркуши, атамана гайдамаков, которого любят в народе, ведь он «проучивает злых панов, чуть только про которого прослышит худое» (60). Глава разбойников сна-

чала притворяется нищим и просит милостыню у пана и его свиты, но в таком облике лишь шут проявляет к нему сострадание и подает ему монету. После этого Гаркуша созывает свой разбойничий отряд, который застает всех врасплох и берет в плен. Глава гайдамаков намеревается покарать Просечинского, но за него внезапно вступает верный слуга – шут Рябко, готовый навлечь на себя любые беды, лишь бы спасти хозяина. Гаркуша удивлен такой самоотверженностью и, помня, что только шут был добр к нему в облике нищего, решает не наказывать пана, а только забрать его богатства.

Образ шута у Сомова универсален и пошекспировски выразителен. Рябко весьма проныцателен, хитер, изворотлив, но вместе с тем силен духом, искренен и честен. Он предупреждает нищего, помешавшего трапезе хозяина, о том, что ему лучше уйти и не навлекать на себя гнев пана. При этом шут не просто пугает бродягу скорой расправой, как другие приближенные пана, а подает ему милостыню со словами: «Моли Бога, что во мне еще больше жалости, нежели в богатых панах!» (67). Он как будто прикрывает равнодушие и надменность целого сословия, хотя в его душе сполна отзываются страдания народа, угнетаемого богатыми и жестокими господами. Отчасти это происходит потому, что Рябко всецело предан своему хозяину и верит в его преображение в лучшую сторону. Он обсуждает с ним все, что происходит вокруг, и своими ненавязчивыми речами пытается исправить его. Шут искренне стремится к тому, чтобы его хозяин задумался о гуманном отношении к слугам. Рассказывая о жестокости других панов-«душегубов» и сравнивая их с гайдамаками, которые ненавистны пану Просечинскому, Рябко надеется пробудить в нем самосознание и сострадание к окружающим: «А наши судовые, чернильные пиявки, разве не душегубцы, когда у них виноватый прав, а правый виноват?» (62).

При этом Рябко остер на язык, что могло бы доставить ему немало хлопот, однако он не боится навлечь на себя гнев хозяина или даже легендарного гайдамака. Реплики Рябко напоминают реплики шекспировских шутов, которые полны каламбуров и насыщены характерной игрой слов: «Правда, правда твоя, Рябко! ты дурак, а судишь иногда, как путный человек. – И твоя правда, дядько, да не совсем: у путного человека язык спутан, а у дурака развязан» (62). Также герой восклицает: «Да собакам собачья и честь! Иное дело, когда людей чествят по-собачьи» (62). Здесь мотивы «животного» обращения с людьми перекликаются с шекспировскими. Так, например, безымянный шут из трагедии «Король

Лир» заявляет: «Жесткие подвязки надел он себе. Лошадей привязывают за голову, собак и медведей за шею, обезьян поперек туловища, а людей за ноги»³. Через умелое использование Сомовым подобного шекспировского приема мы видим, как каламбур, «направленный против отрицательных явлений жизни, становится острым и метким оружием сатиры» [10: 97].

Рябко в этом также походит на Оселка («Как вам это понравится»), чей шутовской юмор одним из первых начал звучать правдиво остроумно. Заметно его сходство и с Фесте («Двенадцатая ночь»), наиболее меланхоличным из всех комедийных шекспировских шутов [1: 191]. Стоит отметить, что у Шекспира довольно пестрая галерея образов, состоящая из «мудрецов в дурацких колпаках», которые используют свой ум, чтобы вразумить или в чем-то превзойти людей более высокого социального положения. Его герои стали неотъемлемым этапом развития и оформления традиции изображения «умных дураков» в контексте мировой литературы в целом. Однако исследователи отмечают, что именно шут короля Лира представляет собой «идеальный баланс трагического и комического» [17: 237]. Он обладает наиболее зрелым, глубоким и нетипичным характером среди классических шекспировских шутов. Вероятно, Сомов ориентировался в большей степени на него, изображая изначально комического персонажа, вовлеченного в напряженные события. Такой подход позволил ему создать проникнутое народностью произведение, отразившее многие противоречия реальной жизни.

При этом смеховое начало в «Гайдамаке» и «Короле Лире» сведено к минимуму: шуты присутствуют в сюжете вовсе не для развлечения читателя. Они своими ироничными речами помогают «обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества» [6: 16]. В этом смысле они очень похожи на истинных шутов, которые в зависимости от ситуации так или иначе имели возможность «под маской дурашливости, шутовства говорить правду» [14: 21]. Шуты, развлекавшие публику еще с римских времен (от античных представлений к средневековым карнавалам и буффонадам), оставались глашатаями правды и народных истин, хоть и претерпели сложную культурно-историческую эволюцию. Особой значимости они достигли при европейских аристократических дворах в эпоху Возрождения, «занятой поиском грани между способностью выработки мудрого самостоятельного решения и глупостью» [14: 21]. Придворный шут часто забавлял своих слуша-

телей различными приемами, направленными на то, чтобы в первую очередь развлечь аудиторию, хотя и мог под этой маской транслировать неприятные истины.

Шекспир выступал как продолжатель этой многовековой традиции, а также как ее значительный преобразователь. Его шут, вследствие инновационного театрального мышления английского барда, теперь оказывается более сложным персонажем. Как бы отточив это умение, он становится пристрастным комментатором происходящих событий и выразителем действительно глубоких, серьезных мыслей. Подобно другим шекспировским персонажам, шут начинает говорить вне узких рамок образцовой морали. Шуты в произведениях Шекспира затрагивают в своих речах темы любви, справедливости, личной свободы и многие другие. Сомов, понимая глубокое общественное значение и многовековую историю развития образа шута в литературе и культуре [4: 441–442], следует за Шекспиром, сохраняя базовую структуру этого образа и усиливая некоторые характерные детали. Его герой в шуточной манере транслирует истину простых людей, но при этом является и защитником той правды и справедливости, от которой зачастую отходят вершители чужих судеб.

Так, смех Рябко сочетается с острым, философским умом и не признает запретов. Шут Сомова – народный голос, исполненный мудрости и проницательности. Присутствие Рябко в канве повествования порождает чувство единения со всеми униженными и обездоленными слугами. Шут упрекает хозяина за жестокость к слугам, а предводителя разбойников Гаркушу – за нечестно добытую монету, которую он принял от Рябко, притворяясь нищим. При этом шут готов пожертвовать собой ради своего пана, которому абсолютно несвойственны доброта и сострадателность. Когда гайдамаки берут в плен пана и его приближенных, Рябко требует отвести его к хозяину и оставить вместе с ним: «И ему и мне легче будет, когда мы вместе станем делить горе» (71). Такие доблесть и самоотверженность, удивительные для приближенных деспотичного хозяина, позволяют выделить основные типологические параллели Рябко с безымянным шутом у Шекспира.

Совпадает даже форма обращения шутов к хозяину: шекспировский шут зовет Лира «дяденька», как переводит Кузмин (в оригинале «nuncle» – a contraction of ‘mine uncle’)⁴. Заметим, что проблема перевода этого обращения Шута имеет двухвековую историю: у Якимова (1832) – «куманек», у Вронченко (1832) – «дядюшка», у Дружинина (1856) – «кум любезный», у Лазаревского (1864) – «дядюшка», у Кетчера

(1877) – «дядя», у Юрьева (1882) – «дядюшка», у Каншина (1893) – «дядя», у Соколовского (1894) – «дядюшка», у Слепцова (1899) – «дядя», у Голованова (1900) – «голубчик», у Кузмина (1936) – «дяденька», у Щепкиной (1952) – «дяденька», у Сороки (1990) – «дядюшка», у Лифшица (2005) – «дяденька», у Флори (2008) – без перевода, у Кружкова (2013) – «дядюшка». Рябко использует обращение «дядько» по отношению к пану Просечинскому, что нехарактерно для русской традиции, это типичное имя господина в речи шутов из английского фольклора. Так, например, шут в трагедии А. С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» называет хозяина исключительно «царь-государь» и «великий государь», хотя Ю. Д. Левин отмечал его прямую связь с образом шекспировского безымянного шута [5: 199].

В кульминационный момент Рябко просит Гаркушу подвергнуть телесным наказаниям его самого вместо хозяина. Такая готовность к самопожертвованию может свидетельствовать, с одной стороны, об особо трепетном отношении шута к пану: он для него не просто хозяин, но «пан-отец» или же государь-батюшка, вера в которого подвигает Рябко противостоять произвольному суду гайдамаков. С другой стороны, такое поведение переносит сложившийся конфликт на совершенно иной уровень и заставляет задуматься о том, кто в этой ситуации является истинным злодеем. Глава гайдамаков наделяет себя правом вершить суд над скупыми и жестокими господами, и всем окружающим приходится принимать эту индивидуализированную справедливость и новую свободу, «проявляющуюся в жизни “без власти и закона”» [13: 38]. Шут не дает Гаркуше исполнить его приговор: его внезапный поступок – это своеобразный романтический гротеск, который подчеркивает незавершенность, неоднозначность и кажущуюся простоту нравственного выбора слуги, предчувствующего расправу над хозяином [2: 45]. Так, конфликт, воплощенный в противостоянии богатых и бедных, разрешается смелыми и решительными действиями второстепенного персонажа, находящегося между противоборствующими силами. Сомов позволяет своему герою сделать выбор, который уравнивает чашу весов и в то же время стал назиданием для обеих сторон. Рябко здесь выполняет важную сюжетную функцию: «свободно передвигаясь по “этажам” сюжета, шут как бы соединяет их, равно насмехаясь над глупостью “внизу” и глупостью “наверху”» [12: 51].

Отметим, что шут Лира тоже очень предан старому королю: ему важно то, что происходит в жизни хозяина, он помогает ему во всем и остается с ним даже в изгнании. Он один из немно-

гих, кто не покидает короля в тяжелое время: следует за ним в бурю и находится рядом, когда хозяин теряет рассудок. Задача безымянного шута – просветить короля: он постоянно напоминает ему о морали и помогает трезво взглянуть на мир. Он объясняет своему хозяину, в чем тот ошибся, пытается обнажить перед ним существующий порядок вещей. Шекспир дал своему герою возможность быть и другом, и слугой, и защитником правды своего народа. И безымянный шут, и сомовский Рябко являются носителями истины и остаются со своим господином в самые тяжелые минуты. Оба «мудреца в дурацком колпаке» стремятся пробудить совесть и способствовать нравственному перерождению господина. Шуты Лира и Рябко обладают сильными и яркими характеристиками. Они очень искренни, честны и смелы, обличают пороки и пытаются донести истину до сильных мира сего. Сомов переносит в свое произведение многие мотивы из знаменитой трагедии – «бедной» мудрости, верности хозяину, стойкости и смелости перед лицом испытаний. Мы видим гармоничную адаптацию шекспировского образа под русские исторические реалии или «воспроизведение без повторения» [18: 7]. Здесь можно отметить и следование творческому методу Шекспира, который «заимствовал, меняя мотивировки, заново формируя сюжет» [15: 110].

Но если шут Лира является более независимым по отношению к хозяину и способным методично и прямолинейно пояснить королю, в чем тот ошибся, то Рябко настолько предан хозяину, что стремится повлиять на ход вещей через самопожертвование, героически разрешая сложившийся конфликт. Кроме того, пан Просечинский черствее и жестокосердечнее шекспировского монарха, потому между ним и его шутком есть связь только «хозяин и слуга», не позволяющая слуге выполнять дружеские функции. Сомов называет Рябко «полосатый человек»: подобный символический код в одежде позволяет автору подчеркнуть рабское положение героя [9: 20].

Как мы отмечали выше, безымянный шут в трагедии Шекспира «Король Лир» отличается от ранее созданных драматургом комических персонажей: речи «бедного дурака» выполняют обличающую и ценностно-ориентирующую функции. Шут Лира – «более сложное создание, чем эти озлобленные дураки, более трогательное в своей уязвимости и близости к Лиру»⁵. Действительно, мы узнаем в нем классического шута, но замечаем и фундаментальные изменения. Теперь он весьма самобытен и не столь тривиален:

«Развитие линии “короля и шута” в пьесе происходит отчасти по давней традиции придворного шута,

но шекспировское обращение как с персонажем, так и с темой уникально»⁶.

Примечательно, что сомовский шут вслед за шекспировским тоже по-своему уникален. Он не просто служит господину, но искренне за него переживает и становится ему опорой. Перед нами новый тип героя, обладающего усложненным характером и претерпевающего судьбоносные испытания. Его отношение к людям складывается под влиянием внутреннего компаса и никак не зависит от собственного сословного положения или окружающей опасности. Бедствия не умаляют его тягу к справедливости и милосердию, не ожесточают сердце, а, наоборот, обостряют сочувствие к чужим страданиям.

И вместе с тем Рябко, как и шут Лири, сохраняет органическое единство с плутовской традицией, восходящей к мифологическому трикстеру: «Архетип шута есть нечто среднее (“медиатор”) между простаком (дураком) и плутом» [8: 113]. Он проказничает, пляшет и поет, забавными телодвижениями и кривляньями смешит окружающих. Едва высвободившись из рук разбойника, шут вцепился в его волосы и тряс его голову со словами: «Вот так, так сеют мак» (70). Этим Рябко настолько рассмешил Гаркушу, что атаман гайдамаков предложил шуту помощь в исполнении

его желаний. Такое периодическое смещение фокуса внимания на плутовские проделки шута помогает Сомову передать тему наиболее эффектно.

ВЫВОДЫ

Таким образом, при создании образа шута в повести «Гайдамак» Сомов в значительной степени опирался на образ шекспировского безымянного шута. Хотя писатель фокусирует внимание на теме рабства и человеческих пороков, он последовательно переносит в текст многие мотивы, связанные с этим персонажем. Сомов создает своего героя таким же великодушным, возвышенным, мудрым и смелым, как и шекспировский шут: он – выразитель

«правды в шутовском обличье, придушенной, рвущейся наружу и могущей выразить себя лишь недомолвками, намеками, саркастическими и страдальческими гримасами»⁷.

Дальнейшее исследование особенностей рецепции шекспировского наследия в творчестве Сомова может расширить наше понимание специфики некоторых странствующих сюжетов в мировой литературе, а также описать модели адаптации шекспировских образов и мотивов в русской прозе первой трети XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сомов О. М. Разбор поэмы: Шильонский узник, соч. лорда Байрона, пер. с английского В. Жуковским // Сын отечества. Ч. 79. СПб., 1822. С. 103.
- ² Сомов О. М. Были и небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 11. В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ³ Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 544.
- ⁴ Shakespeare W. The Tragedy of King Lear / Ed. by Jay L. Halio. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 129. Здесь и далее перевод мой.
- ⁵ Ibid. P. 7.
- ⁶ Ibid. P. 6.
- ⁷ Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. С. 634.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникст А. А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М.: Наука, 1967. 454 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
3. Вацуро В. Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.
4. Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1939. 572 с.
5. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. 328 с.
6. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 7–59.
7. Макаров В. С. Мир Шекспира, «новый и неизбежный» (о книге: Шайтанов И. О. «Шекспир») // Вестник Вологодского государственного университета. 2017. № 2 (5). С. 58–61.
8. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Изд-во РГГУ, 1994. 136 с.
9. Пастуро М. Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 128 с.
10. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха: Ритуальный смех в фольклоре. М.: Искусство, 1976. 183 с.
11. Сомов О. М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 545–562.
12. Тайц И. Идеальная и художественная функция шута в комедиях У. Шекспира 90-х годов // Шекспировские чтения 1985. М.: Наука, 1987. С. 41–52.
13. Ходанен Л. А., Кронебергер М. А. Герои-разбойники и поэтика «разбойничьих сюжетов» в творчестве А. С. Пушкина // Инновационное развитие науки и образования. Кемерово: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 37–43.

14. Черноземова Е. Н. Шуты и шутовство сквозь эпохи: социальный и эстетический аспекты // Наука и школа. 2019. № 4. С. 20–27.
15. Шайтанов И. О. Речевая стратегия в «Короле Лире» (о путях становления культурной рефлексии) // *Studia litterarum*. 2019. Т. 2. № 4. С. 108–127.
16. Шекспир и русская культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 823 с.
17. Bloom H. Bloom's Shakespeare through the ages: King Lear. New York: Bloom's Literary Criticism, 2008. 368 p.
18. Hutcheon L. A theory of adaptation. New York: Routledge, 2006. 232 p.
19. Mersereau, J. Orest Somov: Russian fiction between romanticism and realism. Michigan, 1989. 169 p.

Поступила в редакцию: 18.01.2021; принята к публикации: 17.05.2021

Original article

Kristina N. Meshkova, Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2006-5007; kasumi_shoga@mail.ru

GENESIS OF THE JESTER IN OREST SOMOV'S SHORT NOVEL *HAIDAMAKA*

Abstract. The tradition of depicting jesters as carriers of hidden wisdom and unique human qualities has had a rich history of study, but this issue has not been sufficiently studied using the material of Russian literature. The article analyzes the image of the jester in Orest Somov's short novel *Haidamaka* and examines its typological parallels with the jester from William Shakespeare's tragedy *King Lear*. In the course of the analysis, the images of the colorful hero and Somov's Ryabko are compared, and related plots and motifs are revealed. The image of the jester in Shakespeare's and Somov's stories differs from the traditional folklore representation in the texts of fiction: the role of the hero is expanded and does not just complement the plot anymore, his actions become full-fledged driving forces in the literary works. There are also typical comical motifs associated with it, but they are shifted to the background. Following Shakespeare, Somov portrays his hero as a witty, daring and sincere person, making him an exponent of the people's voice. At the same time, Ryabko is endowed with a more selfless and sensitive character, he has completely new features, which is very different from the jesters in folklore or in the Renaissance literature: this is a philosophical type of personality, sensitive and ironic, yet at the same time resolute and ready to defend their beliefs.

Key words: Orest Somov, Shakespeare, jester, romanticism, Shakespeareism

Acknowledgements. The author expresses her deep gratitude to her academic supervisor Andrey A. Evdokimov for his patient guidance, encouragement and help with all the aspects of this research.

For citation: Meshkova, K. N. Genesis of the jester in Orest Somov's short novel *Haidamaka*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):103–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.643

REFERENCES

1. Anikst, A. A. The theory of drama from Aristotle to Lessing. Moscow, 1967. 454 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. François Rabelais and folklore culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow, 1990. 543 p. (In Russ.)
3. Vatsuro, V. E. A Gothic novel in Russia. Moscow, 2002. 544 p. (In Russ.)
4. Veselovskiy, A. N. Selected articles. Leningrad, 1939. 572 p. (In Russ.)
5. Levin, Yu. D. Shakespeare and Russian literature of the XIX century. Leningrad, 1988. 328 p. (In Russ.)
6. Likhachev, D. S. Laughter as a worldview. *Likhachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. Laughter in ancient Russia*. Leningrad, 1984. P. 7–59. (In Russ.)
7. Makarov, V. S. The “new and irreversible” world of Shakespeare: on Shakespeare's biography by Igor Shaytanov. *Bulletin of Vologda State University*. 2017;2(5):58–61. (In Russ.)
8. Meletinskiy, E. M. On literary archetypes. Moscow, 1994. 136 p. (In Russ.)
9. Pastoureau, M. The Devil's cloth. A history of stripes and striped fabric. Moscow, 2008. 128 p. (In Russ.)
10. Propp, V. Ya. Problems of comedy and laughter: Ritual laughter in folklore. Moscow, 1976. 183 p. (In Russ.)
11. Somov, O. M. On romantic poetry. *Russian aesthetic treatises of the first third of the XIX century*: In 2 volumes. Moscow, 1974. Vol. 2. P. 545–562. (In Russ.)
12. Tayts, I. Ideological and artistic function of the jester image in William Shakespeare's comedies of the 1590's. *The Shakespeare Readings, 1985*. Moscow, 1987. P. 41–52. (In Russ.)
13. Khodanov, L. A., Kroneberger, M. A. Outlaw heroes and the poetics of “outlaw plots” in Alexander Pushkin's works. *Innovative development of science and education*. Kemerovo, 2018. P. 37–43. (In Russ.)
14. Chernozemova, E. N. Jestors and buffoonery through the ages: social and aesthetic aspects. *Science and School*. 2019;4:20–27. (In Russ.)
15. Shaytanov, I. O. Speech strategy in *King Lear* (on the trends of development in cultural reflection). *Studia Litterarum*. 2019;2(4):108–127. (In Russ.)
16. Shakespeare and Russian culture. Moscow, Leningrad, 1965. 823 p. (In Russ.)
17. Bloom, H. Bloom's Shakespeare through the ages: King Lear. New York, 2008. 368 p.
18. Hutcheon, L. A theory of adaptation. New York, 2006. 232 p.
19. Mersereau, J. Orest Somov: Russian fiction between romanticism and realism. Michigan, 1989. 169 p.

Received: 18 January, 2021; accepted: 17 May, 2021

КСЕНИЯ ИВАНОВНА ЯШИНА

аспирант кафедры русской литературы Института филологии и журналистики

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)

ksenkki13@gmail.com

СЕВЕР И ЮГ В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

А н н о т а ц и я . В статье анализируются стихотворения Б. Ахмадулиной 1960–1980-х годов из сборников «Сны о Грузии» и «Сад». Цель работы – рассмотреть особенности функционирования образов севера и юга. Применяются биографический, описательный и сопоставительный методы. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что север и юг в творчестве Б. Ахмадулиной образуют пространственную и символическую оппозицию, которая эволюционировала на протяжении трех рассматриваемых десятилетий. Если в 1960-е годы понятие «север» абстрактно, возникает как антипод юга, то в 1980-е годы оно локализуется. Как северные пространства маркируются Петербург и Карелия. В произведениях 1960–1970-х годов, посвященных южной теме, реализуется сюжет бегства – возвращения. По мнению автора, он может быть соотнесен с библейским сюжетом изгнания из рая. Юг приобретает в произведениях райские коннотации. Внимание также уделяется анализу оппозиции центр – периферия, которая имеет важное значение для раскрытия образов севера и юга в лирике поэта.

Ключевые слова: север, юг, Ахмадулина, Северный текст, Кавказский текст, локальный текст, пространство

Для цитирования: Яшина К. И. Север и юг в поэзии Беллы Ахмадулиной // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.644

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Б. Ахмадулиной неоднократно становилось предметом литературоведческих исследований. Большое внимание было уделено вопросу взаимоотношения поэта с литературной традицией и предшественниками [5], [8]. Один из аспектов, важность которого уже была отмечена, – особая роль пространства в художественном мире автора. Так, И. В. Шаповалова в статье «Индивидуально-авторская репрезентация концепта “пространство” в идиолекте Беллы Ахмадулиной» отмечает, что образ пространства в произведениях поэта базируется на конкретных локациях. Они, с одной стороны, ощутимы и зримы, а с другой стороны, наполняются символическим смыслом:

«...топонимы можно рассматривать как воплощение интертекстуальных переключек с иным временем (Серебряным веком), т. е. они не только воплощают ориентиры в пространстве (в видимом мире), но и дополняются ориентацией во временах и в духовных (невидимых) мирах» [15: 205].

Пространство как «категория поэтического видения Беллы Ахмадулиной» [1: 87] было рассмотрено в статье В. В. Абашева «Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной

1980-х гг. (книги “Тайна” и “Сад”)». Исследователь отмечает, что «пространство осознается и переживается Ахмадулиной как высшая онтологическая инстанция, в отношениях с которой происходит самоопределение поэта» [1: 90]. Оно олицетворяется, становится хранителем и выразителем высших смыслов, к которым стремится поэт. В. В. Абашев также делает акцент на том, что данная категория оформляется и приобретает особое значение в творчестве Ахмадулиной с середины 1970-х годов, но присутствует и в более ранней лирике. В нашей статье мы сосредоточимся на конкретных воплощениях пространства и обратимся к образам севера и юга.

Север и юг рассматриваются в литературоведении с разных точек зрения. Они анализируются в трудах, посвященных проблемам изучения локальных текстов (Северного [2], Кавказского [17], Крымского [7]). В ряде работ север и юг становятся частями пространственной оппозиции, которая затрагивает всю русскую литературу. А. П. Люсый, автор концепции русской литературы как системы локальных текстов, отмечает, что

«в качестве самых объемных текстуальных оппозиций пространственно-временного континуума русской литературы выступают “горизонтальная” оппозиция

Восток – Запад, и исторически первичная внутрикультурная «вертикальная» оппозиция Север – Юг»¹.

В статье В. А. Кошелева «“Северный текст” в русской словесности» данная оппозиция определяется как «известная геокультурная антиномия», которая явилась «как осознание неистребимого своеобразия собственно русского начала» [4: 10].

Существуют также работы, посвященные изучению севера и юга в творчестве отдельных авторов. Ю. М. Лотман обратился к рассмотрению оппозиции в творчестве Ф. И. Тютчева и доказал, что данное противопоставление в художественном мире автора соотносится с такими философскими категориями, как жизнь и смерть, свет и тьма [6]. Вслед за ним идею развивали И. А. Калашникова [3] и Е. В. Хапко [14]. Во временном аспекте тема изучалась на материале творчества В. В. Набокова. По мнению Я. В. Погребной, в его произведениях оппозиция север – юг первоначально «интерпретируется как оппозиция текущего времени – остановившемуся времени, лишенному протекания – вечности» [13: 203]. Впоследствии,

«по мере перемещения пространственных образов из области внешнего горизонтального измеряемого пространства в область иного мира – внутреннего пространства памяти и воображения» [13: 203],

это противопоставление снимается, темпоральности севера и юга становятся идентичными: «...время севера наделяется признаками постоянства и неизменности, перемещаясь в область памяти и воображения» [13: 203].

Тема нашей работы – образы севера и юга в творчестве Б. Ахмадулиной. Цель – рассмотреть особенности их реализации. Мы попытаемся локализовать понятия «север» и «юг», проследить эволюцию образов, выделить основные атрибуты пространств, соотнести их с биографическим контекстом и творчеством современников. Материалом нашего исследования стали стихотворения 1960–1980-х годов, в которых появляется тема севера и юга: произведения из сборника «Сны о Грузии», а также «сортальский цикл» из сборника «Сад».

СЕВЕР И ЮГ В ЛИРИКЕ 1960-х ГОДОВ

Интересующие нас образы появляются в лирике 1960-х годов. В данном контексте показательно стихотворение «Зима на юге» (1968). Север и юг здесь – два удаленных друг от друга мира. Выстраивается символическая оппозиция. Зрительные образы севера – зимний пейзаж, снег и лед, белизна и слепота. Важный мотив, характеризующий взаимоотношения героини

с ним, – гнев и болезнь. Образ юга создается при помощи резко контрастных признаков – цветовых, световых и пейзажных, его главные символы – цветы, тепло, красота, солнце, сад, розы. Они существуют в рамках сюжета бегства и возвращения. Побег с севера влечет за собой соприкосновение миров и оборачивается гибелью хрупкого южного пространства, нарушает нормальный ход вещей. Попытки преодолеть болезнь и скрыться от гнева, удалившись «на край земли», приводят к нарушению баланса. Таким образом, юг – это то, к чему героиня стремится, а север – это что-то изначально ей присущее, неотъемлемое, то, от чего нельзя убежать:

Мой ад – при мне, я за собой тяну
суму своей печали неказистой,
так альпинист, взмывая в тишину,
с припасом суеты берет транзистор².

Данный сюжет может быть соотнесен с библейским сюжетом изгнания человека из рая и постоянного стремления к нему. Райские коннотации просматриваются в образе юга как цветущего сада – символа Эдема, богатой и гостеприимной земли. Важно отметить, что образ сада становится у Ахмадулиной ключевым при описании южного пространства. М. С. Михайлова отмечала, что «с садовой семантикой связан архетип возвращения к райскому существованию человека в Эдеме, к его первоначалу» [11: 193], оговариваясь, что христианское наполнение символа появляется у поэта в более поздней лирике. Неслучайно также сравнение «печали неказистой» и суеты – антонима спокойствия и умиротворения, спутника греховности. Природа лирической героини не позволяет ей стать частью любимой и желаемой реальности.

Тема потерянного рая реализуется также во многих других стихотворениях, посвященных южной теме, например «Симону Чиковани» (1963). Здесь она дополняется образом человека, достойного рая. Люди юга также не способны появляться в пейзаже зимы – это нарушает миропорядок. Они полны гармонии, тепла и красоты. Дом такого человека сопоставляется с храмом, где лирической героине доступны пение, вино, дружба, стихи – без усилия, просто как обязательные символы и атрибуты этого пространства:

О, дома твоего беспечный храм,
прилив вина и лепета к губам
и пение, что следует за этим! (Ахмадулина: 67).

Сама идея соприкосновения с домом-храмом дает надежду на счастье и воскрешение.

Важно отметить, что предшественники Ахмадулиной также включали южные локусы в райский контекст. Так, в некоторых стихотворениях

А. А. Ахматовой (например, «Ты опять со мной, подруга осень») юг определяется как рай:

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году³.

По замечанию Е. В. Меркель,

«здесь юг назван раем уже впрямую, и, силлогически следуя логике ахматовской антитезы, следует заключить, что север есть репрезентант нижней локативной сферы» [10: 142].

Уже в 1960-е годы юг у Ахмадулиной получает четкую локализацию – Грузия. Здесь, безусловно, важен биографический контекст. Она рассказывала о Грузии:

«Я же проводила там довольно много времени, когда меня здесь отовсюду как-то изгнали, то грузины защищали каким-то образом. Каким? Ну, вот они печатали в то время в Грузии»⁴.

В газете «Литературная Грузия» печатались «запрещенные» произведения, например «Сказка о дожде». В издательстве «Мерани» вышел ее первый большой сборник – «Сны о Грузии». Б. Мессерер так охарактеризовал репутацию поэта в Грузии: «Они [грузины] буквально обожествляли ее образ. <...> Все двери открывались для нас»⁵.

В русской литературе сложилась богатая традиция изображения Грузии. С этой страной были связаны судьбы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, О. Э. Мандельштама, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака и других поэтов. Часто Грузия изображалась как страна свободы или как рай (что, безусловно, перекликается с ахмадулинским восприятием). Например, в стихотворении В. В. Маяковского «Владикавказ – Тифлис» есть строки:

Я знаю:
Глупость – эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты⁶.

Борис Пастернак, для которого Грузия также была крайне важна, писал:

...Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай.
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край...⁷

Особенный статус эта страна имела и для современников Ахмадулиной. По словам А. Г. Битова (автора книги «Грузинский альбом»), это

была «единственно доступная заграница»⁸, куда поэты отправлялись, как в эмиграцию. В предисловии к книге «Поэзия народов Кавказа в переводах Беллы Ахмадулиной» он писал: «...невостребованный в безразмерной России мог обрести себя в маленькой Грузии»⁹. В издательстве «Мерани» (Тбилиси) выходили книги Е. А. Евтушенко, А. Г. Битова, А. А. Вознесенского и других. Они неоднократно подчеркивали, что восприняли это место сквозь традицию, творчество предшественников, а также нашли там поддержку, возможность публиковать свои стихотворения и издавать книги. Е. А. Евтушенко писал:

О Грузия, – нам слезы вытирая,
ты – русской музыки колыбель вторая.
О Грузии забыв неосторожно,
в России быть поэтом невозможно¹⁰.

Это объясняет и дополняет мысль о райских коннотациях южного локуса у Ахмадулиной. Дело в том, что во многих произведениях, созданных в 1960–1980-х годах, Грузия явилась местом спасения. Важным в данном контексте становятся понятия «центр» и «периферия». Южное пространство существует вдали от идеологии и преследований. Люди, живущие там, сохранили в себе качества настоящего человека – преданность, честность, храбрость. Они не могут быть предателями или трусами. Здесь достаточно упомянуть хотя бы роман Б. Ш. Окуджавы «Путешествие дилетантов». Главный герой и его возлюбленная бегут от произвола власти, общества и семьи на Кавказ, в Грузию. Южная страна описана как противоположное Петербургу место – яркое, с другой культурой, пейзажами и климатом. Местные жители сильно отличаются от жителей столицы, которая наполнена шпионами и пустыми светскими людьми. Несмотря на то что действие в романе Окуджавы разворачивается в XIX столетии, образ Грузии в нем во многом перекликается с образом, созданным в лирике Ахмадулиной 1960–1980-х годов. Для поэта Тифлис также является местом, где можно найти защиту, покой и спасение. Юг становится средоточием человечности и гармонии, что перекликается с понятием рая.

Однако тезис об оппозиционности образов севера и юга в лирике Ахмадулиной 1960-х годов не отражает в полной мере характер взаимодействия двух этих концептов. Север в данный период не имеет четкой локализации и может быть соотнесен с такими категориями, как «родина» или «дом». Поэтому он несет в себе положительные коннотации и не может быть охарактеризован как однозначный антипод юга-рая. Сюжет

стихотворения «Зима на юге» завершается символическим примирением героини с севером:

Январь со мной любезен, как весна.
Краса мурашек серебрит мне спину.
И, в сущности, я польщена весьма
влюбленностью зимы в мою ангину
(Ахмадулина: 102).

Южное и северное пространство, таким образом, представляют собой два полюса художественного мира поэта. С ними связаны контрастные состояния героини, но в стихотворениях утверждается мысль об их близости, возможности перемещения между ними:

Меж тем все просто: рядом то и это,
и в наше время от зимы до лета
полгода жизни, лета два часа.
И прикипаю я лицом к Симону
все тем же летом, того же зимою,
когда цветам и снегу нет числа
(Ахмадулина: 67).

ЛИРИКА 1970–1980-х ГОДОВ

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в лирике Ахмадулиной происходит усложнение понятия «север». Под севером начинает пониматься не только все, что противопоставлено югу, но и конкретные локации. Как северное пространство маркируется в первую очередь Петербург. Этой теме посвящены стихотворения «Ленинград» (1978), «Ровно полночь, а ночь пребывает в изгоях» (1984) и другие. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на восприятии поэтом Петербурга, так как оно не может быть рассмотрено только в рамках оппозиции север – юг.

Всеми признаками севера обладает в лирике 1980-х годов Карелия. На это указывают такие художественные детали, как белая ночь, туман, холод, а также упоминание топонимов – Валаама и Ладоги. Ахмадулина побывала в Сортавале в июне 1985 года и написала там стихотворения «Мне дан июнь холодный и пространный», «Шестой день июня», «Черемуха белоночная», «Здесь никогда пространство не игриво», «Я – лишь горы моей подножье», «Лапландских летних льдов недалённая граница», «Лишь июнь сортавальские воды согрел», «Вошла в лиловом в логово и в лоно» и другие. В интервью ее дочь Елизавета Кулиева назвала их «сортавальским циклом»¹¹.

Нужно отметить, что интерес Ахмадулиной к Карелии, с одной стороны, объясняется тем, что во второй половине 1970–1980-х годах она часто уезжала из Москвы для уединения и работы в Тарусу, Малеевку, Крым, Репино. Это были «ра-

бочие командировки». Примечателен в данном контексте комментарий Елизаветы Кулиевой:

«Ко времени, когда я себя осознанно помню, она стала, думаю, гораздо более организованной, чем в эпоху Нагибина, специально уезжала куда-нибудь в Репино, в Комарово, в Карелию, уединялась ото всех, садилась и писала»¹².

С другой стороны, нельзя рассматривать образ Карелии в лирике поэта отдельно от историко-литературного контекста. О Карелии писали Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский, Р. И. Рождественский (жил в Петрозаводске, писал и публиковал там первые книги) [12: 78]. Н. Л. Шилова отмечает, что 1960–1970-е годы – время повышенного интереса и к Кижскому заповеднику, и к Карелии в целом. Исследователь связывает это с феноменом оттепели, когда появилась потребность в возвращении к истории, к национальным корням. Кроме того, для оттепельного поколения поэтов и писателей было характерно стремление к «инаковости», то есть всему, что не похоже на советскую действительность. По мнению Н. Л. Шиловой, «эти веяния времени выступили катализатором всеобщего интереса к путешествиям на Русский Север и в Карелию в частности» [16: 55]. Ахмадулина начала свой творческий путь в эпоху оттепели и, несмотря на свою самобытность, частично унаследовала характерные для нее черты.

Рассмотрим стихотворения «сортавальского цикла». Пространство в «сортавальском цикле» становится предметом рефлексии автора. При описании места Ахмадулина уделяет внимание цветам, ключевые из них – серый, черный, серебристый, блестящий, сверкающий, белый. Например, в стихотворении «Лапландских летних льдов недалённая граница» они подчеркивают оппозицию север – юг, образно выраженную в сравнении серебра как главного цветового символа севера и золота как символа юга:

Есть разве где-то юг с его латунным пеклом?
Брезгливо серебро к затратам золотым.
Ночь-римлянка влачит свой белоснежный пеплум.
(Латуни не нашлось, так сыщется латынь)
(Ахмадулина: 314).

Также в этом стихотворении делается акцент на различии ощущений: основная «северная» эмоция – умиротворение, гармония. Героиня находится в состоянии сосредоточенного одиночества, познания мира, творчества. Это существенное отличие: основная тема южных стихотворений – дружба, общество, радость общения с людьми. Лирическая ситуация южного гостеприимства и застолья здесь сталкивается с состоянием, которое точнее всего

можно определить как состояние душевного лада («И ладен строй души, отверстой для любви» (Ахмадулина: 314)).

Главная тема стихотворений «сортавальского цикла» – творчество. Постоянным становится мотив неторопливости пространства, что делает возможным постижение истин жизни и их перерождение в творческом акте. Героиня стихотворения «Не то, чтоб я забыла что-нибудь» достигает максимальной слитности с окружающей природой:

Я думаю: вернуться ль в род людей,
Остаться ль здесь, где я не виновата
Иль прощена? (Ахмадулина: 306).

Тема прикосновения к тайнам мироздания реализуется также в другом контексте. В стихотворении «Лишь июнь сортавальские воды согрел» появляется образ монаха-чернокнижника, который постигает истину при помощи колдовства:

Приворотный отвар на болотном огне
закипает. Летают крылатые мыши.
Помутилась скала в запотевшем окне:
так дымится отравное варево мысли
(Ахмадулина: 319).

Также важно, что при описании Карелии как севера на первый план выходит понятие периферии и пограничности. С одной стороны, Карелия – это Русский Север. Образы лада, ладанки, ладьи создают ассоциативный ряд, отсылающий к русской древности, следы которой сохранило пространство. С другой стороны, Карелия, находящаяся на границе, становится перекрестком культур. Данная особенность отмечалась в работах, посвященных изучению Карельского локального текста. Так, Е. И. Маркова полагает, что пограничность, с одной стороны, способствовала диалогу культур, с другой – стремлению этносов сохранить свою индивидуальность: «...соседство этносов способствует сохранению культуры каждого из них. Но это не означает, что отсутствует диалог культур» [9: 389]. Лирическая героиня «сортавальского цикла» ощущает близость окружающего пространства к скандинавской, финской и карельской культурам. Это выражается в литературных отсылках («Я – лишь горы моей подножье», «Все шхеры, фиорды, ущельных существ...»), а также в проблеме наименований привычных предметов.

Так, в стихотворении «Черемуха белоночная» характерный для Ахмадулиной образ цветущей черемухи меняется: поэт подчеркивает его особенную, северную статью. Для того чтобы преодолеть культурные различия и установить контакт, она ищет наименования в финском языке:

Всё нежность, нежность. И не оттого ли
растенье потупляет наготу
пред грубым взором? Ведь она – туоми.
И куйва туоми, коль в цвету (Ахмадулина: 305).

В Карелии особенно ощущаются и нетронутость Русского Севера, и постоянное соприкосновение с иными культурами. Герой Ахмадулиной, взаимодействуя с пространством, становится его частью, считывает его смыслы и символы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что образы севера и юга в лирике Ахмадулиной образуют пространственную и символическую оппозицию. По нашему мнению, такое восприятие связано, с одной стороны, с фактами биографии поэта, с другой стороны, с ориентацией на опыт предшественников.

На протяжении трех рассматриваемых десятилетий тема эволюционировала. В 1960-е годы понятие «север» абстрактно и вслед за традицией определяется как вся Россия, противопоставленная южным локасам. В 1980-е годы север локализуется. Как северные пространства выступают Петербург и Карелия. В стихотворениях 1960–1970-х годов центральное место занимает южная тема, в произведениях реализуется сюжет бегства – возвращения, который соотносим с библейским сюжетом изгнания из рая. Юг приобретает райские коннотации.

Оппозиция север – юг в творчестве поэта связана с оппозицией центр – периферия. Пространства, находящиеся на периферии, смогли уберечься от гнета, пыток и изменений, поэтому воссоздаются как сакральные локусы, куда стремится лирическая героиня. Если в 1960-е годы это исключительно южные локусы, то в 1980-е годы возникает также образ Русского Севера. Несмотря на просматривающуюся параллель, оппозиция сохраняется. Юг – это место человеческого общения, шумной радости и пения, а север – сосредоточенного одиночества, направленного на творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. С. 13.
- 2 Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2012. С. 102. Далее в круглых скобках указывается фамилия и через двоеточие страница.
- 3 Ахматова А. А. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2017. С. 423.

- ⁴ Мессерер Б. А. Промельк Беллы: романтическая хроника. М.: АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2017. С. 488.
- ⁵ Мессерер Б. А. Дружбу нельзя предать // Дружба народов. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2015/8/13m.html> (дата обращения 18.01.2021).
- ⁶ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. М.: Худож. лит., 1957. Т. 6. С. 71–72.
- ⁷ Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений. Т. II. М.: Слово, 2004. С. 55.
- ⁸ Ахмадулина Б. А. Поэзия народов Кавказа в переводах Беллы Ахмадулиной. М.: Дедалус, 2007. С. 4.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Евтушенко Е. А. Стихи и переводы // Дружба народов. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/4/stihi-i-perevody-4.html> (дата обращения 18.01.2021).
- ¹¹ Завада М. Р. Белла. Встречи вослед. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 560.
- ¹² Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б а ш е в В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад») // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 86–94.
2. Г а л и м о в а Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: Монография. Т. 1. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. С. 9–26.
3. К а л а ш н и к о в а И. А. Оппозиция «Север» – «Юг» в лирике Ф. И. Тютчева // Север России: стратегии и перспективы развития: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Сургут, 2016. С. 54–58.
4. К о ш е л е в В. А. «Северный текст» в русской словесности // Северный текст в русской культуре: Материалы междунар. конф. Северодвинск, 25–27 июня 2003 года. Архангельск, 2003. С. 5–23.
5. К у ч и н а Т. Г. Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 131–134.
6. Л о т м а н Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста: Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.
7. Л ю с ы й А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 161–171.
8. М а р к о в А. В. «Монах» Пушкина в стихотворении Беллы Ахмадулиной «На мотив икоса» // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. № 2 (17). С. 82–87.
9. М а р к о в а Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Филология прошлого и будущего: по материалам Международной науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–390.
10. М е р к е л ь Е. В. Райские локусы в лирике Анны Ахматовой // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 140–146.
11. М и х а й л о в а М. С. Концепт сада и метафора «цветочного времени» в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.
12. П а т р о в а Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5 (150). С. 87–91.
13. П о г р е б н а я Я. В. Оппозиция север – юг в лирике В. В. Набокова: аспекты утверждения и снятия // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 199–204.
14. Х а п к о Е. В. Поэтическая оппозиция «Север – Юг» в творчестве Ф. И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 355–357.
15. Ш а п о в а л о в а И. В. Индивидуально-авторская репрезентация концепта «пространство» в идиолекте Беллы Ахмадулиной // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова: Збірник наукових праць. Серія 9. Київ: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011. Вип. 6. С. 204–208.
16. Ш и л о в а Н. Л. Остров Кизи и русская литература: Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
17. Ш у л ь ж е н к о В. И. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 5. С. 104–108.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 17.05.2021

Original article

Kseniya I. Yashina, Postgraduate Student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
ksenki13@gmail.com

NORTH AND SOUTH IN THE POETRY OF BELLA AKHMADULINA

Abstract. The article analyzes Bella Akhmadulina's poems of the 1960s and the 1980s from the collections *Dreams of Georgia* and *The Garden*. The purpose of the work is to analyze the features of the functioning of the images of north and south using biographical, descriptive, and comparative methods. Based on the analysis, it is concluded that

north and south in Akhmadulina's poems form a spatial and symbolic opposition that was evolving throughout the three decades under study. While in the 1960s the concept of "north" was abstract and appeared as an antipode of "south", in the 1980s it was localized, with Saint Petersburg and Karelia being marked as northern territories. In the works of the 1960s and the 1970s addressing the southern theme the plot of escape and return is realized. According to the author, it can be correlated with the biblical story of the exile from Paradise. Thus, south assumes paradisiacal connotations in the poems. Special attention is also paid to the analysis of the "center – periphery" opposition, which is important for revealing the images of north and south in Akhmadulina's lyric poetry.

Key words: north, south, Akhmadulina, northern text, Caucasian text, local text, space

For citation: Yashina, K. I. North and south in the poetry of Bella Akhmadulina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(5):109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.644

REFERENCES

1. Abashev, V. V. The will of space and the flow of verse. On Akhmadulina's poetics of the 1980s (based on her books "The Mystery" and "The Garden"). *Philological Class*. 2020;25(1):86–94. (In Russ.)
2. Galimova, E. Sh. Northern text of Russian literature: Research methodology. *Northern text as the form of being of the Russian North: Monograph*. Vol. 1. Arkhangelsk, 2017. P. 9–26. (In Russ.)
3. Kalashnikova, I. A. "North – south" opposition in Fyodor Tyutchev's lyric poetry. *Russian North: strategies and perspectives of development: Proceedings of the II all-Russian research conference*. Surgut, 2016. P. 54–58. (In Russ.)
4. Koshelev, V. A. "Northern text" of Russian literature. *Northern text in Russian culture: Proceedings of the international research conference*. Arkhangelsk, 2003. P. 5–23. (In Russ.)
5. Kuchina, T. G. Boris Pasternak and Vladimir Mayakovsky in Bella Akhmadulina's lyrical system of intertextual connections. *Vestnik of Kostroma State University*. 2017;23(3):131–134. (In Russ.)
6. Lotman, Yu. M. Poets and poetry. Analysis of the poetic text: Articles and research. Notes. Reviews. Presentations. St. Petersburg, 1996. 848 p. (In Russ.)
7. Lyusyy, A. P. The Crimean text in Russian literature: history and the present. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2016;11(750):161–171. (In Russ.)
8. Markov, A. V. "The Monk" by A. Pushkin in Bella Akhmadulina's poem "On the Oikos motif". *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*. 2020;2(17):82–87. (In Russ.)
9. Markova, E. I. Karelian text as an object of research. *Philology of the past and future: Proceedings of the international research conference "The First Antsiferov Moscow Readings"*. Moscow, 2012. P. 385–390. (In Russ.)
10. Merkel, E. V. Paradisal locuses in Anna Akhmatova's lyrics. *Herald of Vyatka State University*. 2014;11:140–146. (In Russ.)
11. Mikhaylova, M. S. Concept of garden and the metaphor of the "flower time" in Bella Akhmadulina's book *The Garden. Culture and Text*. 2005;8:192–197. (In Russ.)
12. Patroeva, N. V. Karelian motives and folklore elements in R. Rozhdestvenskii lyrics. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2015;5(150):87–91. (In Russ.)
13. Pogrebnaya, Ya. V. Opposition to north – south in lyrics V. Nabokov: aspects of approval and removal. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2014;1(40):199–204. (In Russ.)
14. Khapko, E. V. Poetic opposition "the north" – "the south" in F.I. Tyutchev's creativity. *The Bryansk State University Herald*. 2013;2:355–357. (In Russ.)
15. Shapovalova, I. V. Individually-authorial representation of concept "space" in the idiolect of Bella Akhmadulina. *Journal of Dragomanov National Pedagogical University: Collected articles. Series 9*. Kiev, 2011. Issue 6. P. 204–208. (In Russ.)
16. Shilova, N. L. Kizhi and Russian literature: Monograph. Petrozavodsk, 2018. (In Russ.)
17. Shulzhenko, V. I. The "Caucasian text" of Russian literature: description boundaries and perception paradoxes. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2017;11(5):104–108. (In Russ.)

Received: 25 January, 2021; accepted: 17 May, 2021

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕРЕСАДИН

доктор медицинских наук, профессор, независимый исследователь
(Рига, Латвия)
nikolai.peresadin@gmail.com

Рец. на книгу: Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа: избранное: эссе, очерки, статьи. – Петрозаводск: Версо, 2020. – 199 с.

Несколько лет назад в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» мне удалось познакомиться с рецензией на книгу профессора-анестезиолога А. П. Зильбера о врачах-труэнтах. Рецензия была подписана профессором С. М. Лойтер, с которой я начал переписываться. Не так давно я получил ее книгу «От Пудожа до Парижа», о которой хочу рассказать подробнее. Почему реабилитолог, коим являюсь, берется за столь необычное рецензирование? Надеюсь, что из нижеследующего текста станет понятна необходимость подобного шага, какими бы нестандартными не показались высказанные здесь соображения.

Рецензируемое произведение доктора филологических наук С. М. Лойтер отражает шесть десятилетий успешного пребывания в профессии фольклориста и литературоведа, исследовательские поиски и человеческие привязанности, жизненные впечатления и уникальный опыт, который, несомненно, обогатит читающих, даст пищу для размышлений и подарит наслаждение русским литературным языком, которым автор владеет в совершенстве. Финансовую поддержку в издании книги оказали Э. и М. Польшковские, а замысел этого оригинального сборника появился благодаря кандидату медицинских наук А. Г. Островскому, что еще раз подчеркивает, как близки и родственны филология и медицина, писательство и врачевание, литературоведение и человекознание, без коих ни здравоохранение, ни любовь к слову не могут в полной мере состояться как явления и феномены бытия.

В книге С. М. Лойтер три автономных, но взаимосвязанных раздела, посвященных самоотверженным людям, с которыми автору суждено было встречаться, а также фольклористике и литературоведению – направлениям научных исследований, которым автор отдала много десятилетий. «Ближний круг» – так именуется первый раздел. В нем изображены картины детства, эвакуация в годы Великой Отечественной, с нежностью и благоговением рассказывается о дорогих сердцу людях – родителях,

дедушках и бабушках – бескорыстных и скромных тружениках, уважительно относившихся к грамоте, учению и способствовавших тому, чтобы дать детям и внукам университетское образование. О сыне Я. И. Гине (1958–1991), даровитом лингвисте, глубоком исследователе, занимавшемся лингвопоэтикой, автор рассказывает в небольшом по объему очерке. Именно ему принадлежит авторство часто упоминаемого сегодня термина «поэтическая филология», в нем его автор видит «своеобразное средостение между искусством и наукой». Исследования Я. И. Гина, его диссертация и статьи востребованы, несмотря на то, что сделаны на сугубо отечественном материале. Об этом говорят авторитетные специалисты по поэтике грамматических категорий, работающие с иностранными, например исландскими, источниками (Т. А. Михайлова и др.). Следующий очерк первого раздела книги посвящен учителю Софьи Михайловны – легендарному преподавателю филфака, заведующему кафедрой литературы ПетрГУ М. М. Гину (1919–1984) – известному литературоведу и критику, крупнейшему специалисту по творчеству Н. А. Некрасова и русским классикам «первого» и «второго» ряда. О профессоре И. П. Лупановой (1921–2003), тридцать лет проработавшей в ПетрГУ, рассказывает обстоятельное эссе. Именно общение с профессионалом своего дела предопределило научную и преподавательскую стезю Софьи Михайловны, с первого курса пришедшую в научный студенческий кружок детской литературы по личному приглашению И. П. Лупановой. Следующий очерк книги посвящен одному из самых неординарных преподавателей – В. М. Морозову. Завершает первый раздел эссе о коллеге автора, замечательном филологе, специалисте по стилистике стиха П. А. Рудневе, одном из талантливейших учеников академика А. Ф. Лосева.

Второй раздел книги – «Моя фольклористика» – наиболее объемный, содержит 9 очерков. Включает обширный (в рамках небольшой книги) фактологический материал, связанный с непосредственным полевым опытом автора

и руководимыми ею фольклорными экспедициями в карельские края, известные во всем мире богатейшими устно-поэтическими традициями. С 1971 по 1984 год было сделано около полутысячи записей от почти 90 информантов в Пудожском районе, Прионежье, состоялось множество встреч со знатоками и носителями самобытного народного слова. Это была памятная школа жизни и творчества как для студентов, так и для молодого тогда преподавателя вуза, коей была Софья Михайловна. В этом разделе книги имеется небезынтересный материал об уникальной экспедиции братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых («наших братьев Гримм»), создавших знаменитую фольклористическую школу и воспитавших немало замечательных последователей, которые стали широко известны за пределами страны. О редком варианте бесёдной песни и о великом наследии И. Федосовой («Федосова в народной поэзии то же, что Пушкин в русской литературе и культуре» – слова патриарха отечественной фольклористики М. К. Азадовского) рассказывают два небольших очерка. Детским игровым утопиям как особому типу импровизационной символической игры посвящено интересное эссе с внушительной библиографией в подстрочных замечаниях. Появление детских утопий в исследовательском поле (классикой страны-мечты в этом смысле стала Швамбрания из известнейшей повести Л. Кассиля) в полной мере, как подчеркивает автор книги, согласуется с современным расширительным пониманием фольклора, и детские выдуманные страны даже введены в исторические путеводители, посвященные феномену популярных среди исследователей всего мира необычайных российских утопий. Еще одна тема обстоятельной статьи – народная колыбельная песня в зеркале сталинской эпохи, рассказывающая о становлении официального советского фольклора – детища тоталитаризма, формировавшего рабски-холопскую психологию и создававшего возможность для манипулирования массовым сознанием. О поучительной жизни и трагической судьбе истинного подвижника отечественной культуры фольклориста-краеведа И. М. Дурова рассказывается далее, а завершает второй раздел статья о еврейском детском фольклоре и докторе биологических наук Залмане Кауфмане, подарившем автору множество забавных детских считалок, прибауток, дразнилок.

Финальный раздел книги С. М. Лойтер носит название «Мое другое поле». Оно далеко

не случайно, как и всё в этом издании. Рассказывается здесь о замечательном писателе Л. Кассиле, с которым автор была лично знакома, неоднократно встречалась, переписывалась, дружила семьями. Об известном современном литературоведе Е. Путиловой и неординарном пропагандисте поэте М. Яснове повествуют два самостоятельных материала, объединенных значимой для автора темой детской книги. Довольно неожиданными представляются очерки, посвященные поэтам А. Ахматовой и М. Петровых. Они наполнены глубоко личными переживаниями автора-филолога и отражают то, что в XX веке женщина-поэт «встала вровень с мужчиной, а кое в чем и обошла», по мнению В. Корнилова. Выдающемуся исследователю и доктору медицинских наук А. П. Зильберу – уникальному гуманитарно-просветителю, которому недавно исполнилось 90 лет, – посвящен очерк, в полной мере отразивший эту незаурядную полифоническую личность.

Завершает книгу самый большой по объему материал, представляющий подробный дневник поездки автора в Сорбонну на международную конференцию «Краеведение в России: Истоки. Проблемы. Возрождение» в мае 2000 года. Эти путевые заметки убедительно демонстрируют, что бесценный опыт карельских краеведов, ярко представленный в столице Франции С. М. Лойтер, получил европейское признание и достойное внимание коллег.

Особо отмечу, что книга хорошо иллюстрирована уникальными фотоматериалами, бережно отобранными автором из архивов. Хотелось бы при переиздании книги увидеть библиографический указатель всех печатных трудов С. М. Лойтер. К сожалению, в данном издании не удалось избежать досадных опечаток, что делает еще более желательным выпуск нового, переработанного издания.

Почему эту книгу хочется перечитывать? Убежден в том, что автору удалось запечатлеть не только стремительный бег прожитых десятилетий, но и неповторимый свет добра и истины, излучаемый людьми, любящими культуру и искусство, фольклор и краеведение, творчество и детство, филологию и литературу. Подобные книги поистине врачуют душу и помогают полнокровно жить и плодотворно трудиться. И, я убежден, это не только мое личное мнение.

24 мая 2021 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, доценту *Ирине Алексеевне Кюршуновой*.

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

К 60-летию со дня рождения

И. А. Кюршунова родилась в дер. Гирвас Кондопожского района Карелии. После окончания КГПИ работала учителем русского языка и литературы в школе № 37 г. Петрозаводска, ассистентом на кафедре методики начального обучения педагогического факультета КГПИ, затем перешла работать на кафедру русского языка филологического факультета. Поступила в аспирантуру Вологодского государственного педагогического университета. В 1994 году защитила кандидатскую диссертацию «Славянская антропонимия Карелии XV–XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода». Научные изыскания последующих лет нашли отражение в «Словаре некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.» (2010), который получил высокую оценку коллег-ониматологов и открыл новую страницу в региональной лексикографии. Новаторские идеи, выдвинутые в кандидатской диссертации, получили развитие в докторской – «Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания» (2017).

С 2013 года Ирина Алексеевна трудится в ПетрГУ. Высококласный специалист в области ономастики, исторической лексикологии, языковой контактологии, этнолингвистики, русской диалектологии, она с неизменной увлеченностью осваивает новые направления научного знания, такие как русский язык как иностранный, компьютерная лексикография и др. И. А. Кюршунова – инициатор и активный участник проектов Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Гуманитарного инновационного парка. Имея значительный опыт организации полевых исследований, она и сейчас продолжает участвовать в диалектологических экспедициях. С 2019 года является ведущим научным сотрудником сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Профессиональная и общественная деятельность И. А. Кюршуновой отмечена Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ, она имеет звание «Лауреат 2002 года» в номинации «Лучшие люди Республики Карелия».

Желаем Ирине Алексеевне долгих лет плодотворной научной и педагогической деятельности, здоровья и бодрости, успехов во всех начинаниях!

*Кафедра русского языка как иностранного
Института филологии ПетрГУ*

*Лаборатория лингвистического краеведения
и языковой экологии Гуманитарного иннопарка ПетрГУ*

ИРИНА ПЕТРОВНА ЛУПАНОВА

(24.06.1921 – 04.02.2003)

Доктор филологических наук, профессор,
фольклорист, литературовед, заслуженный
деятель науки Республики Карелия

24 июня 2021 года исполнилось бы 100 лет Ирине Петровне Лупановой. Наследница одной из фундаментальных отечественных филологических научных школ – школы Ленинградского университета, где преподавали тогда Г. А. Гукковский, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, ученица выдающихся фольклористов М. К. Азадовского и В. Я. Проппа, И. П. Лупанова относится к тем ученым, которые закладывали основы, формировали филологическую и гуманитарную культуру г. Петрозаводска.

В 1947 году после окончания Ленинградского университета И. П. Лупанова была принята в аспирантуру по кафедре фольклора, где написала и защитила кандидатскую диссертацию по народной бытовой сказке. С января 1951 года она старший преподаватель кафедры литературы Петрозаводского университета. Читала общие курсы «Устное народное творчество» и «Древнерусская литература», спецкурс «История детской литературы», вела спецсеминар по литературно-фольклорным связям. В 1961 году защитила докторскую диссертацию на тему «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века», оппонентами которой были В. Я. Пропп, Г. П. Макогоненко и Г. А. Бялый (в 1959 году вышла монография). Это было первое обобщенное исследование о русской литературной сказке и единственная тогда большая работа о влиянии народной сказки на писателей первой половины XIX века (А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. П. Ершов, В. И. Даль и др.). Многие части монографии позже выкристаллизовались

в самостоятельные исследования, как, к примеру, раздел о П. П. Ершове, предваряющий издание «П. П. Ершов» в серии «Большая библиотека поэта» (Л., 1976). После книги Лупановой появился целый ряд работ о литературной сказке XIX и XX веков. Но неизменно во всех случаях точкой отсчета было ее исследование. Известный фольклорист из Омска Т. Г. Леонова, называя труд Лупановой «фундаментальным», подчеркивает: «Для книги характерны полемический аспект и основательная научная оснащенность. И. П. Лупанова прослеживает эволюцию отношения к фольклору в русском обществе: она показывает различный характер использования фольклорно-сказочного материала писателями первой половины XIX века» (Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке. Томск, 1982).

В этом же русле написана статья Лупановой «Русская литературная сказка первой половины XIX века в современной фольклорной традиции Карельского Поморья». Среди ее сказковедческих работ, вызвавших большой интерес, статьи «“Смеховой мир” русской волшебной сказки» (Русский фольклор. Л., 1973. Т. 19); «Современная литературная сказка и ее критики. Заметки фольклориста». В последней Лупанова дала убедительную отповедь тем авторам, кто из идеологических и конъюнктурных соображений, игнорируя природу сказки как жанра, пытался отлучить сказки Бориса Заходера и других сказочников от русской национальной традиции и культуры. Аргументация Лупановой, как всег-

да, отличается не только научной глубиной, но и присущими ей полемическим талантом и остротой.

Ирина Петровна известна как создатель школы (об этом говорят выполненные под ее руководством дипломные работы и кандидатские диссертации, десятки учеников, ныне кандидатов и докторов наук – Е. М. Неелов, Л. Н. Колесова, Ю. И. Дюжев, Е. И. Маркова, В. А. Рогачев, Н. Н. Шабалина). Понятие «школа» относится прежде всего к отдельному направлению преподавательской и научной деятельности И. П. Лупановой в Петрозаводском университете – изучению детской литературы. Ее началом явился научный студенческий кружок, созданный в 1953 году. Лупанова – автор большой обобщающей книги «Полвека», посвященной истории советской детской литературы за 50 лет (М., 1969). В 1976 году по ее инициативе в Петрозаводском университете вышел первый выпуск сборника научных трудов «Проблемы детской литературы и фольклор», ставшего регулярным и объединившего усилия исследователей Москвы, Ленинграда / Петербурга, Мурманска, Ульяновска, Йошкар-Олы, Волгограда, Тюмени, Средней Азии, Украины, Болгарии.

С 1951 по 1961 год профессор Лупанова – заведующая кафедрой литературы. По принципиальным соображениям, не согласившись с позицией ректора, в июле 1979 года она вышла на пенсию. Последние годы жизни занималась литературным трудом, о котором пойдет речь ниже. А пока назову ее блестящие воспоминания об университетских учителях М. К. Азадовском и В. Я. Проппе, которые вызвали настоящий восторг у многих читателей.

Еще в начале 1950-х годов профессиональные отношения Ирины Петровны с В. Я. Проппом «перетекли» в трогательную дружбу с особой доверительностью, искренностью и преданностью. И так было до последних дней Владимира Яковлевича. Ее ярко передает сохранившаяся переписка из 54 писем 1954–1970 годов. Комментирование, подготовка к печати, публикация и передача писем в архив Пушкинского Дома были доверены автору этих строк. Письма создают неповторимый образ Проппа в науке и, что не менее важно, повседневности, в которой он был обычным человеком, внимательным, благодарным, непритязательным в быту, невероятно доверчивым и ранимым, нередко ироничным, а в общем – очень цельным. Все письма (за исключением одного от 15 марта 1967 года очень конфиденциального свойства) подготовлены и изданы («И в науке он был человеком...»: Письма В. Я. Проппа И. П. Лупановой (1954–1967) // АБ 60: Сб. статей к 60-летию А. К. Байбурина *Studia Ethnologica*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2007. С. 497–513; Письма Владимира Яковлевича Проппа Ирине Петровне Лупановой (1968–1970) // Антропологический форум. СПб., 2007. № 7. С. 403–420).

Так складывалось по учебному плану, что преподаваемые Ириной Петровной дисциплины – фольклор и древнерусская литература – читались на первом курсе. Так было в моем 1953 году, когда в аудиторию входила элегантная, строго, но со вкусом одетая очаровательная женщина, которая, стоя у кафедры, совершенно свободно, лишь изредка беря в руки карточку, излагала неизвестный и очень сложный материал великолепным литературным языком. Я, первокурсница, была заворожена. Вспоминая эти дни, только теперь

И. П. Лупанова оппонирует на защите кандидатской диссертации. 19.12.1967 г.

Выпуск Петрозаводского государственного университета 1958 года. И. П. Лупанова в верхнем ряду справа

понимаешь, что значение вузовской лекции определяется не сообщением новых сведений (для этой цели есть пособия и справочники), а личностью преподавателя, благодаря которому они становились формирующими для студентов. «Высокой страсти не имея», не завоевешь слушателей. Лекции Лупановой – это уроки мысли, любви к своему предмету, уроки воодушевления, радости. И это качество Лупановой-лектора бесценно.

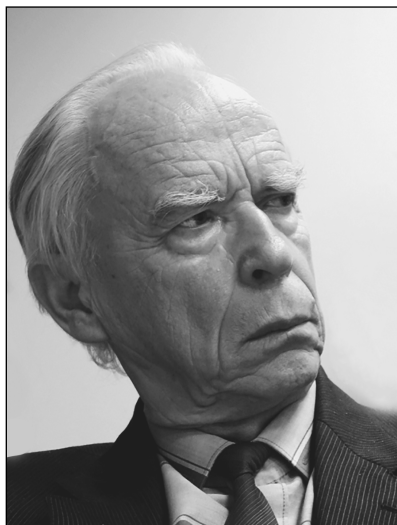
И. П. Лупанова осталась не только своими трудами, осталась светлой памятью. Осталась талантливой машинописной рукописью, составляющей три большие папки – более четырехсот страниц. Мы, ученики Ирины Петровны, прочитав рукопись, что называется на одном дыхании, были единодушны в необходимости ее издать. Теперь рукопись, у которой не было названия, превращена в книгу «“Минувшее проходит предо мною...”» Книга о пережитом. (Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 313 с.). Заглавие подсказало ее содержание. Наше вмешательство сопряжено только с купюрами в тексте, имеющими очень личный или сокровенный характер. Новая книга открыла уже проявляющуюся ранее грань таланта Лупановой – писательский. Стержень книги – воспоминания, что хранятся «в сердечной глубине», воспоминания о дорогих и близких людях, о событиях собственной жизни и событиях истории. Фактографическая основа книги бесценна: старый Петрозаводск 1920–1930-х годов, предвоенная школа, Ленинградский университет с его цветом филологической науки, война и эвакуация, послевоенный Ленинградский университет, Петрозаводский университет, коллеги и совершенно особо друзья. Превосходны страницы о пережи-

том во всей полноте детстве, об играх и забавах, детских шалостях и ссорах, о родителях – Александре Георгиевне Бонч-Осмоловской и Петре Андреевиче Лупанове – очень известных и уважаемых в Петрозаводске педагогах. Светом любви и особенным проникновением выписан образ матери. Я поставила бы эти страницы в один ряд с известными автобиографическими повестями о детстве Л. Толстого, С. Т. Аксакова. Прекрасная писательская книга!

Не часто среди женщин-ученых встречаются такие, которые владеют многими умениями. Ирина Петровна относилась к разряду умельцев. Еще в студенческие годы, когда Ленинградский университет восстанавливался после войны, Лупанова получила звание «Лучший маляр» и впоследствии постоянно доказывала это ремонтами собственной квартиры. Лупанова была первой женщиной-автомобилистом в Петрозаводске. Трудом и безупречным вкусом Ирины Петровны создавалось и поддерживалось прекрасное пространство на скромной и замечательной даче в Косалме, удивительным образом связанной с именем знаменитого лингвиста Ф. Ф. Фортунатова, чья могила находится недалеко от домика Лупановой.

Какое же это счастье быть ученицей такого Учителя, редкого в наше время настоящего интеллигента. «Дарившей нам блаженный свет – благодаренье ей, благодаренье!» (Давид Самойлов).

С. М. Лойтер,
доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
Sofia5@sampo.ru

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДЮЖЕВ

(15.05.1937 – 09.06.2021)

Доктор филологических наук,
литературовед, писатель, заслуженный
деятель науки Карельской АССР,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

Ю. И. Дюжев родился в пос. Важины Подпорожского района Ленинградской области. По окончании в 1955 году средней школы поступил в Петрозаводский государственный университет. С 1966 по 2018 год Юрий Иванович работал в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, в 1986–1988 годах был заместителем директора института, в 1989–2007 годах – заведующим сектором литературы, с 2007 года – старшим научным сотрудником. Под его руководством сектор литературы ИЯЛИ КарНЦ РАН завершил и опубликовал в 1994–2000 годах «Историю литературы Карелии» в трех томах. В 2002 году Ю. И. Дюжев выпустил два тома исследований русской поэзии, драматургии и прозы Европейского Севера первой половины XX века.

На страницах журнала «Север» были напечатаны десятки литературно-критических статей Ю. И. Дюжева. Карельским писателям посвящены книги: «Народный писатель Карелии Ортъе Степанов» (2010), «Народный писатель Карелии Яакко Ругоев» (2012), «Народный писатель Карелии Антти Тимонен» (2014). Ю. И. Дюжев – составитель нескольких библиографических указателей, в том числе словаря «Писатели Карелии» (1985, 1994, 2006). Он также является одним из авторов словаря «Литературы народов России: XX век» (2005).

Заслуги Юрия Ивановича получили научное и общественное признание. Член Союза писателей России с 1977 года. Награжден орденом Дружбы, медалью «За трудовое отлич-

ние», почетными грамотами Президиума ВС и СМ Карелии. Заслуженный деятель науки КАСР, заслуженный работник культуры РФ. Лауреат года Республики Карелия (1999). В 2001–2003 годах на основании постановления Президиума РАН получал государственную научную стипендию для выдающихся ученых России. Юрий Иванович удостоен званий «Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы 2002 года», «Лауреат премии “Сампо” главы РК» (2009) за создание монографии «История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века» и особый вклад в развитие культуры Республики Карелия. Отмечен благодарственным письмом Законодательного собрания РК «за значительный вклад в исследование литературного процесса в Карелии и на Европейском Севере России и активную научно-организационную работу».

Последней книгой Ю. И. Дюжева стала «История русской поэзии Европейского Севера второй половины XX века (1950–1970)», вышедшая в Санкт-Петербурге в 2020 году. В 2019 году Юрий Иванович опубликовал в нашем журнале статьи о творчестве Ю. Линника и А. Авдышева. В планах была еще одна статья...

Вместе с родными и коллегами скорбим об уходе Юрия Ивановича Дюжева.

Редакция журнала
«Ученые записки Петрозаводского государственного
университета»

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА САВЕЛЬЕВА

(07.06.1937 – 20.06.2021)

Доктор филологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
России и Карелии

Л. В. Савельева родилась в с. Семеновское Михневского района Московской области в филологической семье. В 1954 году окончила с золотой медалью Полтавскую среднюю школу. Поступила на филологический факультет Ленинградского государственного университета, училась у известных филологов – профессора Ю. С. Маслова, Э. И. Коротаевой, академика В. М. Жирмунского, академика Б. А. Ларина, профессора Б. В. Томашевского, В. Я. Проппа и др. Защитила кандидатскую диссертацию в ЛГУ по историческому синтаксису в 1964 году, в 1990 году там же защитила докторскую диссертацию. Впервые дешифровала и интерпретировала славянский азбучный именник как первый целостный поэтический текст, написанный Константином Философом в жанре краткой проповеди к неопитам в традициях византийского молитвословного стиха. В монографиях «Языковая экология» и «Русское слово: конец XX века» Лидия Владимировна разработала концепцию сохранения языка и культуры, преемственности традиций и норм как единственно возможного пути сбережения национальных основ мировосприятия русского человека.

Карельскому государственному педагогическому институту Лидия Владимировна отдала полвека своей профессиональной деятельности, воспитав не одно поколение карельских филологов: сначала она работала в должности старшего преподавателя, доцента, старшего научного сотрудника, заведующего кафедрой русского языка (1985–2003), в 1991 году ей было присвоено

профессорское звание. Л. В. Савельева до июня 2011 года была также сотрудником кафедры русского языка ПетрГУ. В разное время читала курсы современного русского литературного языка, старославянского языка, исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, введения в языкознание, лингвистического анализа художественного текста, лингвистической типологии, спецкурсы. Среди более 130 научных публикаций 6 монографий, учебные пособия, статьи в центральной и академической печати, в зарубежной печати, а также во многих сборниках. Лидия Владимировна была членом редколлегии 12 межвузовских сборников ПетрГУ. В последние годы работала над мемуарами.

Лидия Владимировна – прапраправнучка А. С. Пушкина.

Ее филологическая семья – муж профессор З. К. Тарланов и сын профессор Е. З. Тарланов – гордость нашего края.

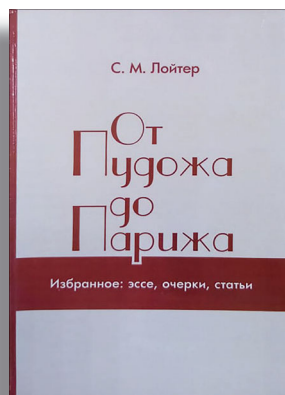
Неоценимый вклад Л. В. Савельевой в российскую науку, культуру и образование отмечен многими наградами и званиями: «Заслуженный деятель науки РК», «Заслуженный деятель науки РФ», медаль «К 200-летию А. С. Пушкина», Орден Дружбы, знак «Отличник народного просвещения».

Светлая память о Лидии Владимировне Савельевой навсегда сохранится в сердцах всех, кто знал этого удивительного человека.

Институт филологии ПетрГУ

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Smirnova E. A.</i> COMPOUND FUTURE TENSE IN “PROSTA MOVA” TEXTS OF THE XVI CENTURY	66
LINGUISTICS			
<i>Zhukova O. Yu., Zaitseva N. G.</i> TO TELL FORTUNES AND TO CONJURE: SOME LEXEMES WITH MAGICAL MEAN- ING IN VEPS DIALECTS (SEMANTIC, ETY- MOLOGICAL AND LINGUO-GEOGRAPHI- CAL ASPECTS)	8	<i>Ulitova A. S.</i> ATTRIBUTIVE PHRASES IN <i>BARLAAM'S</i> <i>DENUNCIATION</i> AND VASILY SHUYSKY'S OATH-TAKING CREDENTIALS	71
<i>Lelis E. I.</i> PUNCTUATION OF LITERARY TEXT AS A COMPONENT OF ITS LINGUOSTYLISTIC SYSTEM (ILLUSTRATED BY GUZEL YAKHI- NA'S NOVEL <i>MY CHILDREN</i>)	15	LITERARY STUDIES	
<i>Grunchenko O. M.</i> STYLISTIC DESCRIPTION OF VOCABU- LARY FROM THE SUBJECT AREA “INFOR- MATICS. COMPUTING TECHNOLOGY. INFORMATION TECHNOLOGY” IN EX- PLANATORY DICTIONARIES	22	<i>Papkova E. A.</i> VSEVOLOD IVANOV AND HIS SERAPION BROTHERS	77
<i>Lebedev A. A.</i> PARTS OF SPEECH SEQUENCES ANALY- SIS AND THE CATEGORY OF IDIOSTYLE	29	<i>Chernyaeva N. G.</i> <i>WALPURGIS NIGHT, OR THE STEPS OF THE</i> <i>COMMANDER</i> BY VENEDIKT EROFEEV: PARATEXT ⇌ TEXT	83
<i>Muratova R. T.</i> THE USE OF COLOR TERMS IN ANCIENT TURKIC WRITTEN SOURCES	35	<i>Belousova E. V.</i> GOSPEL MOTIFS IN THE WORKS OF NIKO- LAY TOLSTOY	95
SECOND FORTUNATOV READINGS IN KARELIA		<i>Meshkova K. N.</i> GENESIS OF THE JESTER IN OREST SO- MOV'S SHORT NOVEL <i>HAIDAMAKA</i>	103
<i>Galkina N. P.</i> PURPOSE CONJUNCTION <i>ДАБЫ</i> AND ITS FUNCTIONING IN THE JOURNALISM OF THE XX AND XXI CENTURIES: HISTORI- CAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS	42	<i>Yashina K. I.</i> NORTH AND SOUTH IN THE POETRY OF BELLA AKHMADULINA	109
<i>Opolovnikova M. V., Kokurina I. V.</i> FUNCTIONS OF FOCUS PARTICLES IN CRE- OLIZED TEXTS (ILLUSTRATED BY MO- DERN CARICATURES)	48	Reviews	
<i>Rusanova S. V.</i> NAMES OF DOCUMENTS IN LEGISLATIVE ACTS AND REGIONAL FORMAL WRITING OF THE XVIII CENTURY	58	<i>Peresadin N. A.</i> The book review: Loyter S. M. From Pudozh to Paris: selected essays and articles.	116
		Anniversary	
		Celebrating the 60th birthday anniversary of I. A. Kyurshunova.	118
		<i>Loyter S. M.</i> Celebrating the 100th birthday anniversary of I. P. Lupanova.	119
		Memory	
		In memory of Yu. I. Dyuzhev.	122
		In memory of L. V. Savelyeva	123

С. М. Лойтер

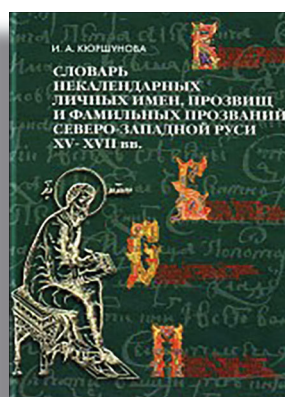
ОТ ПУДОЖА ДО ПАРИЖА Избранное: эссе, очерки, статьи

Книга избранных работ, написанных в разных жанрах в течение более 60 лет. Они отражают спектр научных занятий, литературных интересов, увлечений, привязанностей и пристрастий, впечатлений и пережитого.

Рассчитана на широкого любознательного читателя.

Лойтер, Софья Михайловна. От Пудожа до Парижа : избранное : эссе, очерки, статьи. – Петрозаводск : Версо, 2020. – 199 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

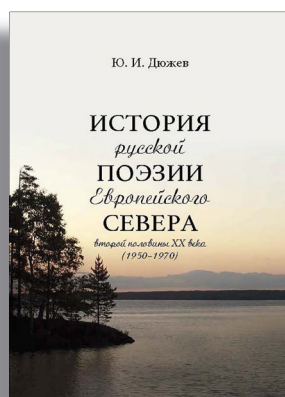

И. А. Кюрюшнова

СЛОВАРЬ НЕКАЛЕНДАРНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН, ПРОЗВИЩ И ФАМИЛЬНЫХ ПРОЗВАНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XV–XVII ВВ.

Словарь включает древнейший пласт имен собственных – некалендарных личных имен и прозвищ, а также фамильных прозваний, образованных на их основе. Словарь является справочным пособием для специалистов в области ономастики, диалектной и исторической лексикологии и лексикографии, а также для исследователей, составляющих генеалогии родов, историков, краеведов. Предназначен словарь и для более широкого круга читателей, интересующихся происхождением фамилий, историей русского языка.

Кюрюшнова, И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. [Текст] / И. А. Кюрюшнова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. – 672 с.

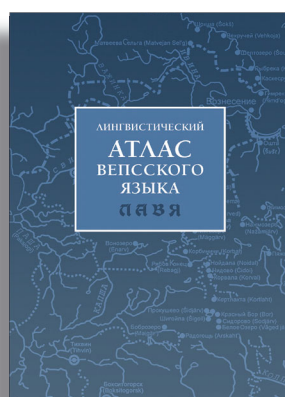

Ю. И. Дюжев

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (1950–1970)

Данное исследование является продолжением опубликованной в Петрозаводске в 2002 году монографии «История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века». Автором показано, что современная поэзия северян основывается на преемственности социальных, духовно-культурных, этнических факторов, на интересе к русскому национальному характеру, умению хранить чистоту и богатство родникового русского языка, что отличает поэзию С. Викулова, В. Коротаева, А. Романова, В. Морозова, Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Яшина и других авторов.

Дюжев Ю. И. История русской поэзии Европейского Севера второй половины XX века (1950–1970) / Ю. И. Дюжев. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 624 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ВЕПССКОГО ЯЗЫКА

«Лингвистический атлас вепсского языка» (ЛАВЯ) выполнен на оригинальных материалах по вепсскому языку, собранных как полевым путем, так и из архивных и опубликованных источников. Он включает в себя 150 лингвистических карт, которые демонстрируют ареальную дистрибуцию вепсских языковых явлений на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Предложенный в комментариях к картам анализ материала позволяет уточнить место вепсского языка в прибалтийско-финском языковом континууме, выявить основные пути проникновения иноязычного (карельского и русского) языкового влияния, прояснить границы диалектных ареалов, сформировать список языковых признаков, маркирующих отдельные диалектные ареалы, определить очаги зарождения ряда вепсских языковых инноваций. На основе полученных данных предпринята также попытка реконструкции исторической вепсской территории.

Лингвистический атлас вепсского языка. ЛАВЯ [Текст] / Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников [и др.] ; под общей редакцией Н. Г. Зайцевой ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 573 с.